

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 1 (175)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2023

СОЦИОЛОГИЯ

Бахарев В.В., Игнатов М.А., Демененко И.А.

Коммуникативные практики студенческой молодежи
в интернет пространстве: проблемы и перспективы.....9

Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н., Юдина Т.Н.

Институциональные проблемы современного российского общества...18

Сорочан В.В., Гаврилюк Н.П. Цифровая социология:

от цифровизации общества к цифровизации науки.....37

Трухин А.С., Данакин Н.С., Лесовик Р.В.

О положении русского языка в Ираке.....47

Бормотова Т.М., Яковлев О.В.

Динамика информационного контента публикаций54

Трухин А.С., Данакин Н.С. О состоянии и перспективах

развития российско-иракских торгово-экономических отношений.....64

Бахарев В.В., Демененко И.А., Шавырина И.В.

Оценка вовлеченности молодёжи
в сферу социального предпринимательства.....72

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Давиденко Я.О., Никонов С.Б., Пую Ю.В.

Теоретическое обоснование феномена
интермедиаальность в современной науке.....80

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Махмутова Р.Г., Шибанова Н.А.

Управление антитеррористической деятельностью:
конфликтологический анализ на материалах Республики Татарстан.....86

Куначева Ф.Г. Развитие религиозных верований абазин.....102

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Фадеева А.В., Байчик А.В., Шафир Т.В.,
Никонов С.Б.* Национальная культура
как инструмент формирования имиджа Республики Корея.....110
- Самади С.К.* Рационализм
в схоластическом мышлении мутазилитов.....119

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Асадулаев И.А., Кахаев А.М., Сиражудинова С.И.*
Роль духовного наследия Сайфуллы-кади
Башларова в продвижении суфизма в Дагестане.....128

РЕЦЕНЗИЯ

- Пономаренко Б.Т.* Социокультурные аспекты
политического развития: история и современность.....133
- Писманик М.Г.* О сотрудничестве религиоведов и теологов.....139

- Аннотации**.....149
- Авторы**.....163
- Требования к материалам, представляемым в международное
издательство «Этносоциум»**.....167

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии

и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Mos-

cow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of St. Petersburg State University, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Horhe Marti Martinez, Ambassador. Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador.

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОЦИОЛОГИЯ

*Российский государственный социальный университет
(РГСУ)*

Бахарев В.В.

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Игнатов М.А.

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Демененко И.А.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Коммуникативные практики студенческой молодежи в интернет пространстве: проблемы и перспективы

В настоящее современное время сложилась новая, ранее не существовавшая структура постиндустриальной эпохи, несущая в себе логики сетевого общества, что порождает новую систему культурно-цивилизационного положения человечества. Это порождает особую специфику сетевого подхода:

– предрасположенность на уникальные управленческие связи, способные действовать в децентрализованном пространстве высоких рисков, полифонии межкультурной коммуникации;

– наличие малых иерархий, представленных тем или иным ЛОМом, преодолевающим, как правило, отчуждение и самоотчуждение;

– философия сетевого подхода предполагает доминанту общего над частным, находя особое пространство развития человечества в коммуникационных практиках;

– коллективное благо является определяющим в нормах, установках, традициях и т.д. Особенно ярко данный момент проявил себя в таких явлениях как каршеринг, колливинг, коворкинг, проектный менеджмент и т.д.

Учитывая все возможные риски, порождаемые данным положением

дел, становится особенно актуальным понимание характера общения в цифровой среде представителей студенческой молодежи, без которого не видится возможным своевременное внесение изменения в воспитательный аспект.

Современные научные изыскания и методологические подходы к обоснованию актуальности глобальной цифровизации и использования социальных сетей в практике коммуникативных процессов, а также влияния виртуального пространства на социализацию молодежи рассмотрены в трудах следующих авторов: К.Д. Бурачевской, И.А. Демененко, М.А. Игнатова, М.Д. Ионовой, А.В. Назарчук, Г.В. Рыбакова, Е.Г. Смолиной, Ф.И. Шаркова и др.

Авторами научной статьи в сентябре-октябре 2022 года проведено социологическое исследование, направленное на изучение смысловых полей коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет. Выборочная совокупность исследования включала студенческую молодёжь Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (n=2000).

Диагностика различных направлений деятельности, которые в большей мере выражены у студенческой молодёжи в ходе пребывания в социальных сетях, показало, что общение является наиболее востребованной потребностью в ходе использования социальных сетей (45,17%). Конечно такое процентное соотношение объясняется тем, что в настоящее время молодые люди не видят возможности для общения без использования социальных сетей во всех сферах жизни. Менее актуальными для студентов выступили следующие виды занятий в социальных сетях: просмотр видео (17,78%), просмотр новостей (17,48%), прослушивание музыки (17,23%). Только 2,34% респондентов выбирают игры в приоритете использования социальных сетей.

Исследование тематической направленности формулирования запросов студенческой молодёжи в социальных сетях, показало выраженную активность респондентов в поиске информации касательно образования и саморазвития – 64,09%.

Распределение ответов респондентов показывает, почти половина студентов в рамках поисковых запросов в социальных сетях выбирает отдых и развлечение (48,11%). Для студентов также немаловажна информация, получаемая из социальных сетей о спорте и здоровом образе жизни (33,12%). Почти четверть респондентов выражают интерес к тематике запросов о работе и возможностях трудоустройства (24,25%). Вопросы

политического характера (22,11%) и культурных ценностей (20,02%) являются менее востребованными у студентов для поиска в социальных сетях.

В большей степени ответы респондентов указали на достаточно высокий потенциал запрашиваемой информации студенческой молодёжи, направленный на профессиональное и личностное развитие, возможности проведения досуга, а также формирование здорового образа жизни. В почти равной доле, студенты отметили интерес к поиску информации в социальных сетях о путешествиях (17,78%) и моде, стиле (17,48%). Наименьший процент составили ответы респондентов о таких поисковых запросах в сети интернет как: экономика (13,2%), жизнь знаменитостей, медийных персон (10,51%), знакомства (9,76%).

Проведем анализ того, какие социальные сети чаще всего использует студенческая молодежь. Результаты исследования показали, что в настоящее время наиболее популярными являются ВКонтакте (87,05%) и Telegram (75,80%), которые лидируют со значительным отрывом. Вместе с тем, у студенческой молодежи пользуются популярностью и такие социальные сети, как YouTube (54,43%), WhatsApp (38,30%), TikTok (33,52%). Viber менее популярен у студентов, его используют 13,75% респондентов.

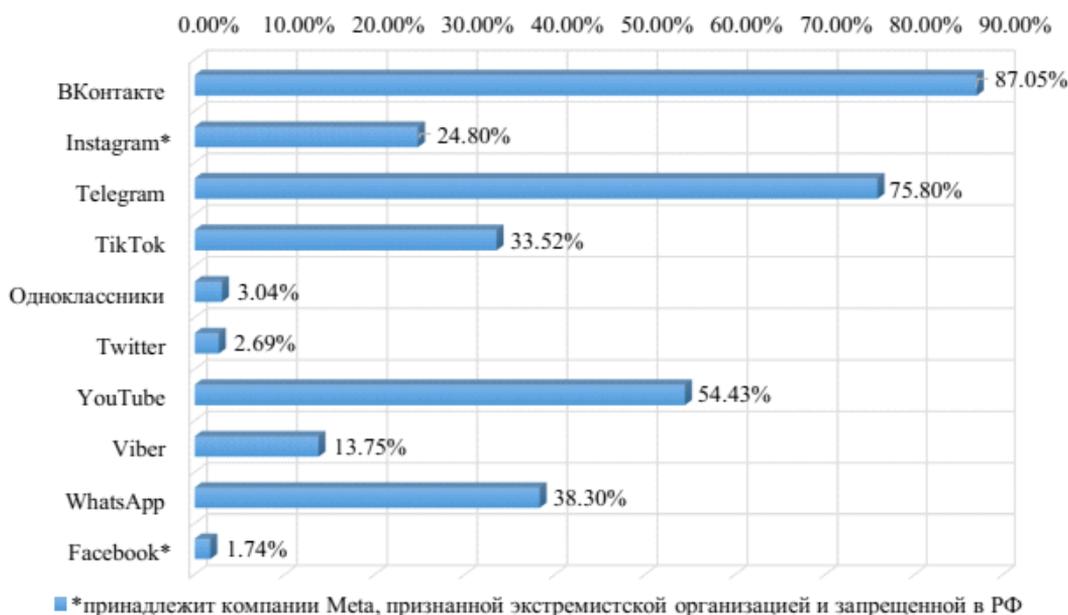

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие соцсети чаще всего используете?».

Значительно снизилась популярность сети Instagram*, которую используют только 24,80% респондентов. Для сравнения в 2021 г., по результатам исследований, эта сеть была одной из самых популярных у молодежи.

В группе аутсайдеров, не пользующихся популярностью у студенческой молодежи, оказались Одноклассники (3,04%), Twitter (2,69%) и Facebook* (1,74%).

Вместе с тем, студенческая молодежь применяет такие ресурсы, как Reddit, Discord, Twitch, Onlyfans, Goodreads, Pinterest, Hydra, Друг вокруг.

Таким образом, студенческая молодёжь активно использует различные социальные сети. При этом наиболее популярными являются ВКонтакте, Telegram и YouTube. Новые каналы коммуникации в сети интернет не только создают благоприятную информационную среду, но постоянно развиваясь, выводят межличностное общение на новый уровень, способствуя формированию солидарных групп и повышению общественной активности студенческой молодежи. Информационно-цифровое пространство сегодня – это не только привычная «среда» и образ жизни современной молодёжи, но и необъятная по масштабам и возможностям медиа-платформа, которая определяет формирование картины мира и конструирование образа будущего молодых людей, создаёт условия для формирования новых социальных практик и форм активности в Интернет-среде.

Компьютеризация и переход к цифровому обществу не просто повысили значимость информации, но определили ее новое качество как особого социально-политического института, располагающего обширным набором средств и технологий управления. Поэтому на первый план выходит объективная потребность в нахождении новых более совершенных подходов к использованию такого глобального потенциала, каким располагает современная информационная система, для рационального управления процессом социализации студенческой молодежи.

Как показали результаты исследования, на аккаунты БГТУ им. В.Г. Шухова в социальных сетях подписаны 82,42% студентов. Соответственно информация, которая транслируется по данным каналам, оказывает значительное влияние на студентов вуза.

Проведем анализ значимости для студенческой молодежи количества подписчиков в социальных сетях. Распределение ответов студентов на данный вопрос представлено на рисунке 3.

Как показывают результаты исследования, для большей части ре-

спондентов (65,84%) не имеет значения количество подписчиков в социальных сетях. Еще для 20,07% количество подписчиков скорее не имеет значения. Утвердительно на данный вопрос ответили всего лишь 3,54% опрошенных студентов. Указали, что количество подписчиков скорее имеет значение 8,22% респондентов.

Проведем анализ длительности нахождения студенческой молодёжи в социальных сетях (рис. 4).

Как показали результаты исследования, большая часть опрошенных студентов (29,83%) проводят в социальных сетях от 3 до 4 часов. На вто-

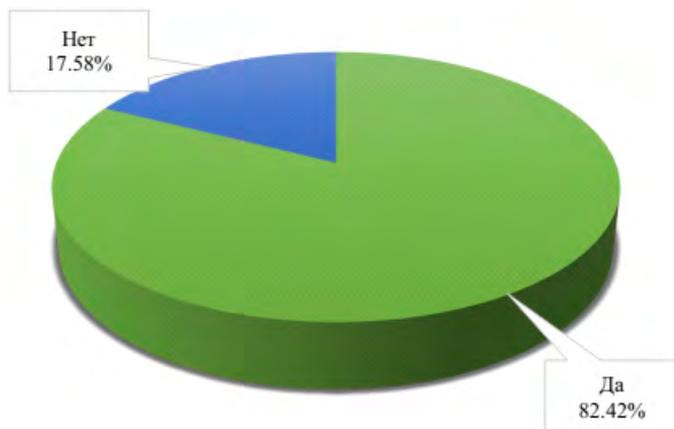

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Подписаны ли Вы на аккаунты БГТУ им. В.Г. Шухова в социальных сетях?».

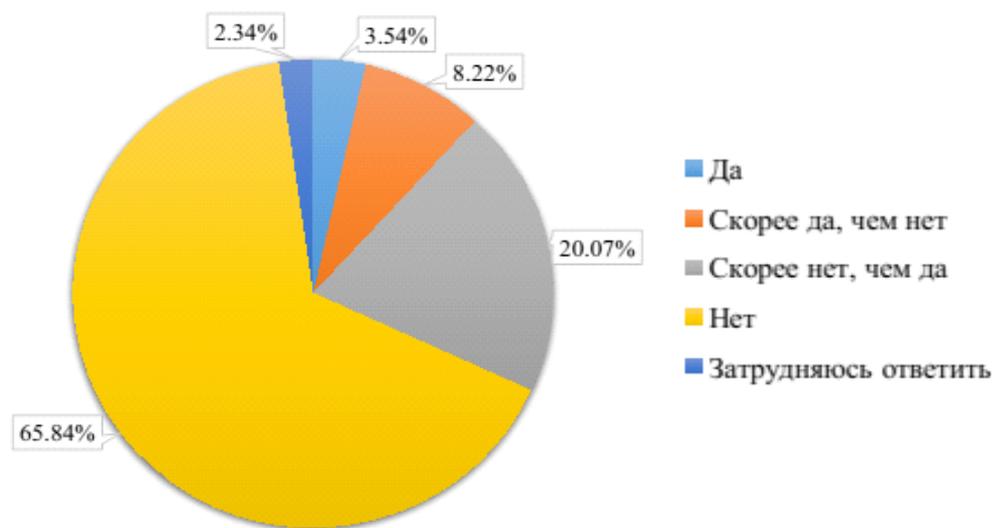

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Имеет ли для Вас значение количество друзей/подписчиков в социальных сетях?».

ром месте находится группа респондентов, которые проводят в социальных сетях 1 - 2 часа (21,56%). Среди опрошенных студентов 19,37% проводят в социальных сетях 5-6 часов. Остальные группы респондентов оказались представленными в гораздо меньшей степени: 6,62% проводят в социальных сетях 7-8 часов, 4,53% проводят в социальных сетях до 1 часа; 3,39% опрошенных студентов затруднились с ответом.

Среди студентов, которые затруднились с оценкой длительности нахождения в социальных сетях, встречались такие варианты ответов, как: «Не могу сказать точно»; «Сложно сказать: по возможности, необходимости»; «Не знаю, не засекал»; «В социальных сетях понятия времени отсутствует».

Студенческая молодежь отмечает, что время нахождения в социальных сетях зависит от многих факторов. Так, влияет такой фактор, как степень загруженности дня. Как отметил один из участвующих в опросе студентов: «Если целый день дома, то захожу часто, если целый день на учебе/работе, то почти не захожу». Другие варианты ответов: «Всегда по-разному, зависит от того есть ли у меня другие дела, могу ни разу за день не зайти, а могу весь день просидеть»; «Зависит от занятости»; «Около часа в сутки в среднем. В редких случаях доходит до

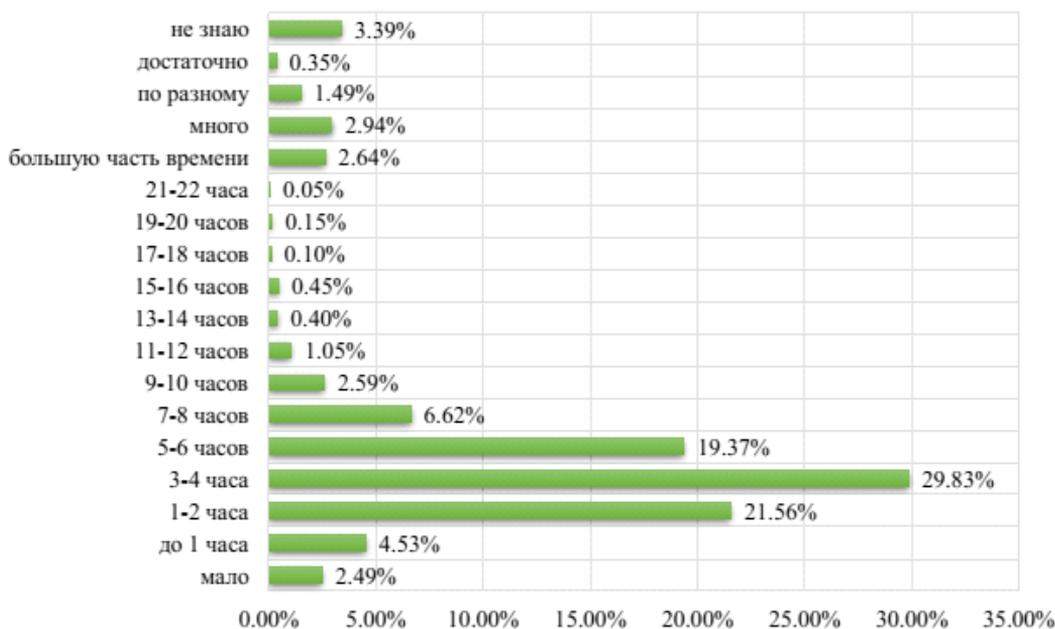

Рис. 4. Длительность нахождения в социальных сетях.

двух часов. В основном во время совместного выполнения и обсуждения лабораторных работ или совместного отдыха»; «Использую только для коммуникации. Зависит от ситуации»; «В зависимости от дня недели: чем меньше, тем лучше!».

По оценкам респондентов, время, проводимое в социальных сетях, отличается в рабочие и выходные дни. Как указала участвующая в исследовании студентка: «В рабочее время 1-1,5 часа в сумме, в выходной день не засекала».

Также выделяется категория студентов, работа которых связана с социальными сетями. Соответственно такие студенты проводят большое количество времени в социальных сетях. Как указал один из респондентов: «Сложно посчитать, наверное, 70% от часов бодрствования, потому что работа связана с социальными сетями».

Согласно полученным результатам, доля респондентов, которые проводят в социальных сетях большую часть времени, составила 2,64%; еще 2,94% опрошенных студентов отметили, что проводят в социальных сетях много времени. В данной категории встречались следующие варианты ответов: «Оффлайн только во время сна»; «Большую часть свободного времени»; «К сожалению, очень много».

Представляет интерес анализ того, стремится ли студенческая молодёжь к тому, чтобы сократить время нахождения в социальных сетях. Как показали результаты исследования, большая часть опрошенных студентов (33,81%) не видит проблемы в большом количестве времени, проводимом в социальных сетях, и не пытались его сократить. Еще 18,97% респондентов указали, что скорее не пытались сократить время нахождения в социальных сетях.

Вместе с тем, 23,26% респондентов полагают, что проводят большое количество времени в социальных сетях и пытались его сократить; примерно такое же количество опрошенных студентов (20,92%) указали, что «скорее пытались сократить время нахождения в социальной сети».

Таким образом, 44,18% респондентов пытались сократить время нахождения в социальных сетях, 52,78% опрошенных студентов не пытались сократить время нахождения в социальных сетях, 3,04% – затруднились с ответом.

Социологическая репрезентация данных относительно отношения студентов к активно продвигаемой информации в сети Интернет показала, что почти половина респондентов (49,3%) имеют нейтральное отношение к информационному полю, активно транслируемому в сети интер-

нет. Отдельная группа респондентов (31,47%) отмечают положительное отношение к активным информационным потокам сети интернет. Из общей совокупности респондентов, лишь 10,06% имеют негативное отношение к активному поступлению информации, поступающей посредством Интернет пространства.

Достаточно интересным показателем оценки смысловых полей коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет является отношение студентов к навязываемой рекламе в сети Интернет.

Итак, большинство респондентов (64,44%) имеют отрицательную позицию к практике навязывания рекламы через интернет сети. Данная позиция студентов обусловлена, прежде всего, чрезмерным внешним навязыванием в плоскости давления рекламной продукции, а также услуг основным потребителям, каковыми являются молодые люди. При этом, нейтрально по отношению к навязываемой рекламе в интернет пространстве высказываются 29,23% респондентов. Положительную позицию в рамках отношения к навязываемой рекламе в интернет среде имеют лишь 3,58% студентов.

Таким образом, студенческая молодежь активно проводит досуг в формате оффлайн. Среди форм проведения досуга офлайн лидирующее положение занимают прогулки, физическая активность и занятия спортом; общение и встречи с друзьями. При этом молодёжь привлекает именно непосредственный, «живой» формат общения в противовес опосредованному общению в социальных сетях. Также среди форм досуга, предпочитаемых студенческой молодежью, одно из лидирующих положений занимает чтение.

Несмотря на предположение о возможном преобладании виртуального общения студенческой молодёжи в силу повышения активности в использовании ресурсов Интернета, наблюдается сохранение интереса к коммуникативным практикам в формате офлайн. Полученные результаты свидетельствуют о том, что виртуальное пространство и социальные сети имеют важное значение для опрошенных, но, в то же время реальные межличностные контакты также представляют большую ценность для студенческой молодежи.

Список литературы:

1. Андрамонова В.В. Социальные сети: теоретико-методологический аспект исследования // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2015. № 21. С. 148-152.
2. Баландина М.А. Социальные сети как средство обучения и взаимодействия участников образовательного процесса // *Инновационные технологии в науке и образовании*. 2015. № 2 (2). С. 49-51.
3. Бурачевская К.Д., Кошелев А.А. Социальные сети как инструмент коммуникации: теоретико-методологический анализ //

- Тенденции развития науки и образования. 2021. № 75-2. С. 76-78.
4. Демененко И.А., Шавырина И.В. Детерминанты профессионального выбора молодежи: опыт эмпирического изучения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 103-108.
5. Игнатов М.А. Понятие «сеть» в современной науке и философии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2021. Т. 43. №3. 2018. С. 408-413.
6. Ионова М.Д. Патриотизм современной молодежи как фактор политической социализации личности // Альманах мировой науки. 2016. № 3-2 (6). С. 93-94.
7. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. №9. 2012. С. 56-66.
8. Рыбаков Г.В. Формирование экологической культуры студентов в техническом вузе // Известия Уфимского научного центра РАН. 2017. № 4. С. 41-45.
9. Смолина Е.Г. Социальные сети как способ трудоустройства молодежи // Научный вестник Волгоградского филиала РАН-ХиГС. Серия: Политология и социология. 2016. № 2. С. 66-71.
10. Шарков Ф.И. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 4. С. 32-40.
11. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.
12. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.
13. Рогатко С.А. Государственная научная и техническая политика по развитию сельскохозяйственного производства и пищевой переработки в России во второй половине XIX - начала XX вв. // Власть истории – История власти. 2021. Том 7. Часть 3. № 29. С. 287-297.
14. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.

Bibliography

1. Andramonova V.V. Social networks: theoretical and methodological aspect of research // Fundamental and applied research: problems and results. 2015. № 21. P. 148-152.
2. Balandina M.A. Social networks as a means of teaching and interaction of participants in the educational process // Innovative technologies in science and education. 2015. № 2 (2). P. 49-51.
3. Burachevskaya K.D., Koshelev A.A. Social networks as a communication tool: theoretical and methodological analysis // Trends in the development of science and education. 2021. № 75-2. P. 76-78.
4. Demenenko I.A., Shavyrina I.V. Determinants of the professional choice of youth: an empirical study // Social and humanitarian knowledge. 2018. № 9. P. 103-108.
5. Ignatov M.A. The concept of “network” in modern science and philosophy // Scientific Bulletin of the BelSU. Series “Philosophy. Sociology. Right». 2021. Vol. 43. № 3. 2018. P. 408-413.
6. Ionova M.D. Patriotism of modern youth as a factor of political socialization of personality // Almanac of world science. 2016. № 3-2 (6). P. 93-94.
7. Nazarchuk A.V. Social time and social space in the concept of a network society // Questions of Philosophy. № 9. 2012. P. 56-66.
8. Rybakov G.V. Formation of ecological culture of students in a technical university // Proceedings of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2017. № 4. P. 41-45.
9. Smolina E.G. Social networks as a way of youth employment // Scientific Bulletin of the Volgograd branch of the RANEPa. Series: Political science and sociology. 2016. № 2. P. 66-71.
10. Sharkov F.I. Social networks as a basis for the formation of the space of public communications // Communicology. 2019. Vol. 7. № 4. P. 32-40.
11. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.
12. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.
13. Rogatko S.A. State scientific and technical policy on development of agricultural production and food processing in Russia in the second half of the XIX – beginning of XX centuries // The Power Of History – The History Of Power. 2021. Volume 7. Issue 3. № 29. P. 287-297.
14. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.

Бормотова Т.М.

*Доктор социологических наук, доцент.
Российский государственный социальный университет.
Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации.*

Мазаев Ю.Н.

Кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Юдина Т.Н.

*Доктор социологических наук, профессор.
Институт демографических исследований Федерального
Научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук.*

Институциональные проблемы современного российского общества

1. Введение

Исследование посвящено институциональным проблемам развития российского общества, под которыми понимается воспроизводство комплекса противоречий, вытекающих из самой природы и особенностей, действующих в России политических и экономических институтов, которые отражают амбивалентный и противоречивый характер становления, формирования и развития российского государства и общества. Институциональные проблемы функционирования и развития современного российского общества и государственности во многом отражают существующий политический, идеологический, социокультурный раскол социума, который не находит своего разрешения в рамках существующих политических, экономических, общественных институтов. Институциональные проблемы, выступая как институциональные барьеры и институциональные ловушки, стоят на пути повышения эффективности государственного управления, роста социальной сплоченности российского социума на основе солидарности, развития социального партнерства и социальной ответственности, блокируют общественный диалог и достижение общественного консенсуса по ключевым вопросам жизни социума. Важность и актуальность данной научной проблемы определя-

ется необходимостью найти и снять существующие институциональные барьеры для развития демократических, республиканских, гражданско-правовых институтов. В качестве основной гипотезы исследования выступают предположение о том, что институциональные проблемы современного российского общества обусловлены двумя основными особенностями. Во-первых, они вытекают из характера институциональной матрицы российской государственности, ориентированной на централизованное унитарное управление на основе сословного разделения общества, мобилизации ресурсов и принуждения. Во-вторых, они связаны с институциональной матрицей архетипов сознания и паттернов поведения, ориентированных на державность, патернализм, этатизм, эгалитаризм, элитаризм, деспотизм и консерватизм.

В качестве основного институционального драйвера способного преодолеть институциональные барьеры и ловушки гипотетически видится формирование новой институциональной среды, которая способна преодолеть цивилизационный раскол между коммунитарными и субсидиарными институциональными матрицами. В этом контексте представляется важным уйти от дихотомии Запад-Восток в сторону индуцирования институтов делиберативной демократии и политики, исторически также заложенной в российской институциональной матрице. Выдвинутые объяснительные гипотезы тестировались на основе результатов общероссийских репрезентативных социологических опросов, проведенных в режиме мониторинга за период 1995-2019 гг.

Проведенное исследование позволило определить взаимосвязь институциональных проблем развития российского общества, которые снижают эффективность политической системы и подрывают легитимность власти с ростом отчужденности граждан от политических процессов и недоверия к политическим институтам.

2. Методология и методы

2.1. Теоретические и методологические аспекты изучения институциональных проблем развития.

Институциональные проблемы, которые представляют собой глубинные противоречия в развитии социальной организации, вызванные неадекватностью и несовместимостью существующих правил, норм и регламентов функционирования системы, являются главной основой институциональных изменений. Несмотря на то, что институциональные проблемы рассматриваются как основа развития и изменения, нередко они могут приводить к другим нежелательным последствиям.

Во-первых, к дестабилизации, распаду и краху социальной системы. Во-вторых, к постоянному отставанию в развитии, низкому качеству организации и самоорганизации системы, повышенным рискам функционирования. Все это происходит в случае ее неспособности найти выход из возникших противоречий, внешних и внутренних конфликтов.

Научное видение причин возникновения, преодоления и способов разрешения институциональных проблем современного российского общества зависит от разных концептуальных подходов к конституированию институционального пространства в рамках разных концептуальных конструктов. В контексте одних подходов решение институциональных проблем видится на пути укрепления институционального порядка в рамках модернизации системы [Патрушев, 2012]. В рамках других исследовательских подходов разрешение институциональных противоречий связано с поиском цивилизационного соответствия неформальных и формальных норм и правил своей институциональной матрице. [Погосян, 2017]

В настоящее время основной научный дискурс разворачивается между двумя ключевыми теоретическими конструктами к анализу институциональных проблем развития современного российского общества – формационным и цивилизационным подходом.

В рамках формационного подхода институциональные проблемы воспринимаются главным образом как противоречия и конфликты, которые мешают конституированию институционального пространства политики, экономики, социальной жизни, обеспечивающего современное развитие общества, способного ответить на вызовы глобализации.

Отметим, что многие теории, возникшие на стыке формационного цивилизационного подхода, можно классифицировать также по другим критериям и основаниям. В частности, в рамках научного дискурса социокультурного и институционального подходов к изучению институциональных проблем, которые рассматривают возникающие противоречия между неформальными и формальными институтами с разных точек зрения.

Социокультурный подход основной центр исследования переносит на вопросы становления и функционирования институтов, вытекающих из традиций, обычаев, исторически сложившихся правил социальной жизни. Именно они, по мнению его представителей, в основном определяют ментальную приверженность людей либо к традиционному обществу, либо к либеральному обществу и их институтам, определяющим

«несущую конструкцию» государства и общества и его становой хребет [Лапин, 2000].

Институциональный подход основной акцент в исследовании ставит, в отличие от социокультурного подхода, на рациональных началах деятельности людей и правилах их взаимодействия в рамках определенной социальной системы. Социальный порядок, общественное доверие, солидарность и согласие между людьми в контексте данного подхода основывается больше на интересе, в частности на экономическом интересе, чем на принуждении, который непосредственно связан с социальной жизнью и свободой выбора модели поведения в рамках правового поля и общественной морали, определяющих единое институциональное пространство, как нерасчлененное целое. При определении сущностных характеристик институтов основной акцент в рамках данного подхода делается на выявлении их свойств и механизмов, обеспечивающих порядок в экономической, социальной и политической жизни социума на основе общественного консенсуса, солидарности и социального партнерства.

В российском дискурсе институционального подхода можно выделить работы Т.И. Заславской, О.Э. Бессоновой, В.В. Радаева, З.И. Калугина, Д.Ф. Тюрина, С.Г. Кирдиной и других авторов. Отметим, что достаточно характерной чертой для институциональных подходов в рамках социокультурной парадигмы является исследование внутренних противоречий транзитной социальной системы, и определяющих ее институтов функционирования, с точки зрения несовместимости традиционных и современных институциональных матриц, отражающих разные принципы организации социальной, экономической, политической жизни. В этом контексте социокультурные институциональные подходы во многом смыкаются с цивилизационным подходом к анализу институциональных проблем.

Среди ключевых вопросов институциональных преобразований можно выделить неудачи модернизации российского общества по западному образцу, разнообразие моделей «переходных» обществ, присущей им внутренней динамики, институциональных ловушек на пути демократического транзита. Вместо дискурсивной (делиберативной) демократии, основанной на принципе делиберации, когда решения, касающиеся интересов граждан, должны приниматься самими гражданами, воспроизводятся институты государственности, ставящие на первое место «национальные» интересы, основанные на принципах этатизма и централизма

[Mendelberg, 2002]

Применительно к российскому обществу к другим проблемам в первую очередь относятся: слабая работа институтов артикуляции социальных, экономических интересов и политических позиций; отсутствие конкурентного проекта будущего развития общества, ориентированного на общее благо, тормозящего процессы политической дифференциации и сегментации политического спектра предпочтений.

Актуальной институциональной проблемой является отсутствие политики и политического пространства современного типа, которые замещаются их симулякрами типа «суверенной демократии» в разных институциональных конфигурациях, где происходит подмена демократического эмпаурмента авторитарным патернализмом.

К другим актуальным проблемам можно отнести такие явления, как воспроизводство неформальных отношений в публичной сфере, пренебрежение правами граждан, несоблюдение установленных законом гражданских обязанностей. Наблюдающееся размывание формальных норм и правил, когда декларируемые социальные, экономические и политические институты превращаются в свои симулякры, а поведенческие практики регулируются неформальными нормами, приводит к созданию гибкого и маневренного институционального пространства позволяющего выйти за рамки и красные флажки, определяемые формальными институтами. Вследствие процессов деформализации существующих норм и правил институциональный дизайн носит несбалансированный, неустойчивый и незавершенный характер. Ключевая проблема институционализации политики, экономики, социальной сферы состоит не столько в недостаточном количестве институтов, сколько в том, как они реально действуют - порождая фрагментарность, раздробленность, несоответствие между собой социального и правового порядков, которые функционируют в разнонаправленном режиме, что подрывает нравственные, правовые и другие институциональные устои социума [Патрушев, Филиппова и др., 2018].

Особый научный интерес представляет возникновение институциональных ловушек, представляющих собой малоэффективные и самовоспроизводящиеся нормы и правила старой институциональной матрицы, которые сопутствуют «обществу транзита», загоняя его в положение, когда выход из проблемной ситуации оказывается намного рискованней с точки зрения социальных и политических издержек, чем пребывание в ней. [Скоробогачкий, 2011].

Комплекс этих проблем образует «современную российскую институциональную тропу зависимости», представляющую собой институциональный механизм поддержания и воспроизводства неэффективных устаревших практик, противоречивых нормативно-правовых ситуаций, слабую легитимность власти, пренебрежение гражданскими правами, отсутствие свободы выбора, которые препятствуют формированию политического процесса в России. [Евсеева, 2017].

Авторы данной статьи, не претендуя на построение новой концепции изучения институциональных проблем российского общества, ставят перед собой задачу осмысления в контексте уже существующих в науке теоретических моделей, динамики восприятия населением государственных и общественных институтов как основы социального порядка, законности и справедливости.

2.2. Методы.

В настоящей статье когнитивным феноменом исследования выступает системный объект – качественные характеристики происходящих за постсоветский период институциональных преобразований, как результаты презентации определённых их этапов. Данный логический подход ориентирован на эксплицитное знание, где фокус исследовательского интереса сосредоточен на рассмотрении противоречий (ограничений и неприятия) в процессе преобразований, связанных с институциональными и культурными традициями российского общества. Предметное поле анализа очерчивается группой показателей описывающих «неформальные ограничения и нормы» предыдущего институционального устройства, «уровень оформления нововведенной институциональной структуры», «степень легитимности устанавливаемых действий и правил», «тип преобладающего общественного сознания», «институциональные и культурные традиции российского общества».

В качестве эмпирической базы для проведенного вторичного анализа послужили результаты социологических исследований 1995-2021 годов. Сопоставимые исследуемые показатели, а также аналогичные техники и процедуры сбора информации во всех исследованиях (очное личное стандартизированное интервью) позволили авторам осуществлять дополнительные статистические манипуляции с первичными данными (рассчитывались агрегатные статистические индексы) и проводить дескриптивный статистический и содержательный анализ нового информационного поля, характеризующего отношение граждан России к происходящим институциональным преобразованиям.

3. Результаты.

3.1. Легитимность действующих органов власти и социальных институтов

Данные многолетних мониторинговых исследований свидетельствуют, что сегодня в результате двадцатипятилетних кардинальных структурных изменений общественного устройства России значительная часть населения не доверяет действующим «базовым» органам власти и социальным институтам. Несмотря на некоторую положительную тенденцию в настроениях граждан, произошедших с 1995 года, основной тренд оценок характеризуется отрицательным линейным вектором. Из шестнадцати номинированных в нашем анализе институций, девять имеют отрицательные показатели (таблица 1) [Левашов, Афанасьев., Новоженина, Шушпанова, 2019].

Анализируя степень включенности населения в социально-политические процессы и общественную жизнь страны, считаем необходимым отметить несколько, на наш взгляд, существенных тенденций. Во-первых, в среднем более 30% опрошиваемых на протяжении ряда лет затрудняются выказать свое отношение к органам власти и общественным структурам. Наиболее «незнакома» и затруднительна в оценке для населения сегодня деятельность таких институциональных структур, как «Общественная палата», «Общественные организации», «Политические партии, движения», «Профсоюзы», «Государственная Дума». Сопоставляя эти показатели с результативными показателями «доверия–недоверия», есть основания утверждать, что они свидетельствует не столько о «нейтральной неосведомленности» людей о деятельности этих социальных институтов, сколько об имплицитном, «осторожном недоверии» к ним. Более пристальный взгляд на затруднение граждан выразить свое «доверие – недоверие» государственным и общественным структурам, на наш взгляд, можно связать, с одной стороны, с персонализацией оцениваемых субъектов (Президент – В.В. Путин, Армия – С.К. Шойгу, Правительство – Д.А. Медведев и т.д.), а с другой – с наглядностью и понятностью результатов их деятельности. Очевидно, общественное мнение больше сфокусировано на персонах и деятельности Президента и Министра обороны, чем на «безликих» и непонятных «Профсоюзах» или «Общественной палате» [Левашов, Афанасьев., Новоженина, Шушпанова, 2018 года].

Таблица 1. Показатели доверия населения России к действующим органам власти и социальным институтам (в индексах по годам).

Общественные структуры и институты власти	Индекс доверия*				
	1995г.	2005г.	2015г.	2018г.	2019г.**
Президенту РФ	-0,65	0,2	0,67	0,33	0,28
Правительству РФ	-0,61	-0,29	0,14	-0,12	-0,13
Совету Федерации	-0,53	-0,27	0,07	-0,14	-0,16
Государственной Думе	-0,51	-0,47	-0,18	-0,32	-0,36
Администрации Президента РФ	-	-0,23	0,18	-0,04	-0,09
Совету Безопасности	-	-0,11	0,18	0,08	0,09
Общественной палате	-	-	-0,03	-0,07	-0,25
Полиции, суду, прокуратуре	-0,43	-0,52	-0,4	-0,49	-0,46
Армии	-0,05	0,08	0,47	0,43	0,48
Профсоюзам	-0,34	-0,33	-0,1	-0,24	-0,24
Церкви	-	0,09	0,21	0,13	0,11
Политическим партиям, движениям	-0,57	-0,51	-0,33	-0,36	-0,33
Общественным организациям	-	-	-0,16	-0,12	-0,08
Руководителю своего региона (область, республика, край)	-0,48	-0,2	-0,07	-0,1	-0,03
Средствам массовой информации	-0,32	-0,22	-0,33	-0,31	-0,29
Банковским, предпринимательским кругам	-0,59	-0,4	-0,54	-0,48	-0,4

* Индекс «доверия» рассчитывается, как разность положительных и отрицательных оценок респондентов, соотнесённых с общим количеством опрошенных. Индекс принимает значения от «-1» – абсолютное недоверие, до «+1» – абсолютное доверие.

Источник: составлено авторами по данным Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

** Данные на 06.2019г.

Во-вторых, классификация респондентов по показателю «доверия» к общественным структурам и институтам власти позволяет на статистически значимом уровне выделить три группы. Первая группа представляет собой институции рейтинг доверия, к которым по отношению к 1995 году, значительно (в разы) вырос и имеет положительное значение. Это, прежде всего, «Президент РФ», «Российская армия», «Церковь», «Правительство РФ», «Совет безопасности», «Совет Федерации». Причем, неоспоримое первенство в потенциале доверия населения у Президента России и Армии. Доверие к Правительству РФ, Администрации Президента, Совету Федерации можно охарактеризовать как ситуацию

«неустойчивого равновесия». Рейтинг доверия к этим государственным структурам за анализируемый период значительно вырос. Однако сегодня примерно в равной мере (с учетом статистической погрешности измерения) одинаковая доля людей им доверяет и не доверяет. Вторая группа представлена структурами, доверие к которым за анализируемый период выросло, в 1,5-2 раза, но находится в диапазоне отрицательных значений – это «Государственная Дума», «политические партии и движения», «руководство регионов РФ», «бизнес-структуры». Третья группа находится в секторе устойчивого отрицательного рейтинга: «полиция и прокуратура», «средства массовой информации», «профсоюзы». А отрицательный рейтинг «Общественной палаты» вырос более чем в 8 раз. В-третьих, изменения в ту или иную сторону значений «индекса доверия» в отношении конкретного социального института отражает ситуативный всплеск эмоциональной реакции населения на «точечные» события в жизни страны, вызвавшие большой общественный резонанс. Так, например, снижение рейтинга органов высшей государственной власти в 2018-2019 году коррелирует с внесённым в Государственную думу законопроектом о пенсионной реформе в России. Проект реформирования пенсионной системы в стране предусматривал постепенное повышение пенсионного возраста для большинства граждан с 1 января 2019 года. А рост доверия к «Армии», очевидно, вызван ее успехами в борьбе с террористическими организациями в Республике Сирия.

Результаты исследований свидетельствуют, что признание обществом правомерности инструментов и механизмов деятельности политической власти опосредуется целым комплексом объективных и субъективных социальных факторов. Авторы настоящей статьи вполне отдают себе отчет в том, что абсолютная легитимность – очень трудно достигаемое и, тем более, сохраняемое состояние в отношениях общества и государства. Только в обществе с высоким уровнем социально-экономического и политического развития, устоявшимися и работающими правовыми и социальными нормами, следует серьезно говорить о легитимности политической власти и ее отдельных институтов.

В этой связи среди значимых, на наш взгляд, измеряемых показателей легитимности институтов государственной власти показательна оценка населением выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом и обеспечения государством норм демократической жизни. Эмпирический анализ временной динамики этих показателей демонстрирует относительно низкие значения, что свидетельствует о

серьёзных претензиях значительной части граждан к разным аспектам деятельности государства. На рисунке 2 можно наблюдать принципиально схожие траектории распределения значений в интервале от «-1 до +1» при максимальном диапазоне от «-7 до +7», что позволяет с некоторой осторожностью утверждать, с одной стороны, о надёжности имеющихся эмпирических данных, а с другой – о содержательной взаимосвязи анализируемых показателей оценки деятельности институтов власти.

Динамика значений индексов I_1 – «выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом» и I_2 – «обеспечения государством норм демократической жизни в обществе». Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН. Расчеты авторов*.

* Индексы шагренируются посредством суммирования значений отдельных индикаторов, рассчитанных как разность положительных и отрицательных оценок респондентов, соотнесённых с общим количеством опрошенных. Индекс принимает значения от «-7» – абсолютное невыполнение (необеспечение), до «+1» – абсолютное выполнение (обеспечение).

I_1 Вопрос: «Как Вы считаете, обеспечиваются ли государством следующие нормы демократического общества в нашей стране?»

Значение индикаторов на декабрь 2019г.:

Равенство всех граждан перед законом	-0,61
Личная безопасность	-0,37
Соблюдение прав человека	-0,3
Социальные гарантии	-0,01
Свобода политического выбора	0,30
Терпимость к чужому мнению	-0,04
Свобода слова	0,18

I_2 Вопрос: «Как Вы считаете, выполняет или не выполняет государство свои основные обязанности перед обществом?»

Значение индикаторов на декабрь 2019 г.:

Оборона страны	0,66
Развитие науки, культуры и образования	0,09
Охрана прав и свобод граждан	-0,02
Регулирование производства и распределение товаров и услуг	-0,03
Охрана природы и использование ресурсов	-0,28
Обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан	-0,43
Налогообложение и взимание налогов	0,38

Определяющим положительный вектор индекса I_1 («выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом»), является индикатор «оборона страны». Около 80% респондентов на протяжении пяти лет полагают, что государство выполняет в этом направлении свои обязательства перед гражданами. Напротив, наиболее низкий показатель, характеризующий положительную оценку обязательств государства – это «обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан» (около 15%). В отношении оценки населением обеспечения государством норм демократического общества, необходимо подчеркнуть устойчиво низкие оценки населением показателя «обеспечение равенства всех граждан перед законом» (около 20%) и «обеспечение личной безопасности граждан» (около 30%). На их фоне относительно благоприятные оценки «обеспечения свободы политического выбора» (около 60%) и «свобода слова» (около 55%). Вместе с тем, положительным трендом на протяжении пяти лет было бы оправданным считать, на наш взгляд, лишь повышение оценки населением «обеспечения личной безопасности граждан» со значения индекса $-0,78$ в 2006 году до $-0,37$ в 2019 году.

Подводя краткий итог анализа легитимности действующих органов власти и социальных институтов, позволим себе сделать вывод, что в современной общественно-политической жизни России, вследствие нарушения правозаконного механизма ее регуляции, сама власть становится институтом «права власти». «Право власти» консервирует отчужденность власти и народа, нелегитимность отношений между ними, усиливает патерналистские настроения, о чем свидетельствуют, на наш взгляд, результаты анализируемых социологических исследований.

Сегодня с уверенностью можно говорить лишь о персоналистской легитимности власти, то есть одобрении населением конкретного властвующего лица. Что касается структурного и идеологического уровней ее легитимности, то первый, по-нашему мнению, характеризуется неотработанностью (неадаптированностью) механизмов функционирования институтов политической системы к социальной реальности, что в свою очередь отражается на неодобрении населением их деятельности. А второй – на отсутствии, по крайней мере, в восприятии населением, соответствия деятельности власти определенной идеологии.

3.2. Превалирующие социальные стереотипы массового сознания. Психология и стиль поведения.

Анализ результаты опросов дает основание утверждать, что уже с начала реформ, в массовом сознании большинства россиян сложилось устойчивое мнение о том, что проводимые в нашей стране преобразования не соответствуют интересам населения нашей страны. Данные оценки характерны и по сей день.

Очевидно, что неприятие реализуемых преобразований, в первую очередь, связано с отсутствием реального (ощущаемого) улучшения жизни большинства граждан. Но и не только. Нам представляется, что «фундаментом» устойчивого многолетнего негативизма в отношении деятельности государственных институтов, является одновременно и ментальный уровень коллективного сознания, предрасположенного воспринимать социальную действительность определенным стереотипным образом. В данном случае речь может идти о глубинных экзистенциальных противоречиях между «народом и властью», между «бедными и богатыми», между «прагматической службой и миссией служения» (таблица 2).

Как можно видеть, доминирующими избирательными стереотипами восприятия действительности и формирования общественного мнения [Донцов, Стефаненко, 2002, 76.] являются представления, характеризующие с одной стороны, негативное отношение населения к власти предрержащим и имущим слоям общества, а с другой – констатацию «социальной изоляции» большинства граждан, не воспринимающих себя в качестве активных социальных субъектов, источника и носителя власти. Одновременно обозначая государство как «чужеродный элемент», персонифицирующийся с «людьми, которым нет никакого дела до простых людей».

В 2019 году более 60% опрошенных отмечали, что ничего не планируют, строят свою жизнь ситуативно, в зависимости от складывающихся обстоятельств. Из них третья часть «плывёт по течению и «живет одним днем». Утрату «жизненных маяков», социокультурных ориентиров, нигилизм по отношению ко всем и всему, разобщенность в обществе, как некую данность, воспринимает большая часть населения.

Результаты опросов, приведенные в таблице 3, свидетельствуют о том, что подавляющая часть опрошиваемых, давая оценку суждениям, характеризующим нравственную атмосферу в обществе, по крайней мере, если не воспроизводят их как социальную установку, то соглашаются с ними. На наш взгляд, можно утверждать, о наличии двух тенденций в становлении морально-психологической атмосферы в обществе – это меркан-

тилизм, как сознательное или неосознанное стремление организовывать свою жизнь через «торгашеское отношение» ко всему, включая и сферу духовной жизни и тотальное отсутствия веры, как признания чего-либо истинным, независимо от фактического или логического обоснования.

Таблица 2. Наиболее распространенные стереотипы массового сознания.

Негативные социальные стереотипы	Степень распространенности (в % по годам)				
	1995г.	2005г.	2015г.	2018г.	2019г.
«Сегодня в современном российском обществе существуют значительные противоречия, неприязнь между высшими и низшими классами»	–	63,0	70,0	71,0	–
«Большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране»	45,0	74,0	74,0	71,0	69,0
«Людьми у власти нет никакого дела до простых людей»	50,0	80,0	67,0	71,0	67,0
«Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь»	69,0	43,0	47,0	51,0	49,0
«Сегодня в современном российском обществе существуют значительные противоречия, неприязнь между народом и властью»	–	62,0	43,0	61,0	–
«Сегодня российское государство выражает и защищает интересы богатых слоев общества»	–	54,0	39,0	36,0	46,0
«Кремль» – источник и носитель власти в России		37,0*	42,0	43,0	–
«Источниками и носителями власти в России являются олигархи»	–	50,0*	29,0	35,0	–
«Источником и носителем власти в России является многонациональный народ Российской Федерации»	–	4,0*	12,0	11,0	–

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, июнь 2019 г. Рассчитано и составлено авторами.

*Данные 2006 года.

Очевидно, что в борьбе за «капиталистическое благополучие» важно не потерять ту грань, которая отделяет конструктивный прагматизм от губительной патологической меркантильности.

Таблица 3. Оценка нравственной атмосферы в обществе (в % от общего числа опрошенных).

Суждения	Степень согласия	
	полностью согласен	скорее согласен, чем не согласен
При нынешнем беспорядке и неясности трудно понять, во что верить	39,1	30,9
Сейчас большинство людей вообще никому и ни во что не верит	38,9	30,2
Раньше люди лучше себя чувствовали, потому что каждый знал, во что верить и как поступать правильно	37,5	25,0
В сегодняшней жизни – деньги решают все	44,2	28,7
Понятие «патриотизм» для современного человека – пустые слова	22,6	28,9
В сегодняшней жизни нет ничего святого	17,1	27,6
Сегодняшнее общество сильно разобщено, каждый «сам за себя»	35,1	30,6
Главное – хорошо устроиться, рассчитывать же на самого себя приходится тогда, когда устроиться не удалось	26,4	24,4

Источник: результаты авторского исследования «Оценка итогов и перспектив радикальных преобразований российского общества», 2019 г.

Таким образом, опираясь на результаты опросов можно констатировать, что около половины населения России сегодня не связывает свои ожидания с улучшением материального, равно как и психологического состояния. Более того, становится очевидным, что восприятие трансформации общественного устройства происходит в условиях, «когда традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы массового сознания, доминирующие стратегии социального поведения зачастую препятствуют усвоению модернизационных норм и укоренению современных институтов» [Грибов, 2016].

Обсуждение

Как показывают результаты исследования, ключевой институциональной проблемой современного российского общества снова становится проблема легитимности власти и социальных институтов общества, ко-

торая за последние годы опять резко обострилась. Если до 2015 года четко прослеживался процесс роста легитимности политической власти, когда уровень доверия к основным ее институтам достиг своего пика, то, уже, начиная с 2018 года, наблюдается резкое падение уровня легитимности фактически всех органов власти и социальных институтов. Становится очевидным, что российское общество снова попало в институциональную ловушку организации своей социально-политической системы, властных структур и институтов гражданского общества, которые не смогли адекватно ответить на новые глобальные и внутренние вызовы, в значительной степени утратили доверие со стороны населения и подорвали свою легитимность. Можно вполне согласиться с теми авторами, которые утверждают, что на протяжении 2000-2015 годов возникло много точек роста легитимности политической власти и повышения доверия к ее институтам. В их числе: заметное повышение благосостояния общества, благоприятная экономическая конъюнктура и экономический рост, воссоздание атмосферы правопорядка и общественной безопасности, укрепление международных позиций, успехи в престижных мировых соревнованиях, умелая пропагандистская и идеологическая обработка масс на фоне территориальных воссоединений и демонстрации силы российской государственности, а также другие факторы укрепления имиджа власти. В то же время было понятно, что «достигнутый уровень легитимности противоречит духу и природе легально-рационалистской легитимности, т.к. она базируется на низком уровне развития политической культуры, манипулировании общественным сознанием, а также предложенной обществу модели развития, предполагающей обмен демократических свобод на относительное экономическое благополучие» (Керимов, 2015). В этом контексте хочется отметить, что, несмотря на существование множества институциональных точек роста легитимности власти, они так и не стали институциональными драйверами, т.е. не превратились в силовые механизмы развития политической системы и институтов гражданского общества, адекватных современным реалиям и современному мировоззрению. Поэтому рост такой легитимности не носил системный для современного демократического и правового государства характер, а во многом основывался на апеллировании к архетипам сознания, институциональным матрицам социальной, политической и экономической жизни, основанным на принуждении и диктате со стороны авторитарной власти и харизматического лидера с неограниченными правами. В ходе исследования динамики институциональных проблем была выявлена

определенная эрозия социальных позиций и моделей поведения, проявляющаяся в негативных стереотипах сознания и поведенческих практиках, которые носили массовый характер, создавая устойчивые институциональные ловушки для развития делиберативной демократии. Мы согласны с авторами, которые в качестве серьезной институциональной проблемы для демократических преобразований отмечают социальную апатию, недоверие друг к другу, желание перенести ответственность за положение дел в стране на власть, социальный конформизм и неготовность отстаивать свою позицию, терпимость к нарушениям правил, неуважение к закону. [Григорьева, 2014]. Наиболее серьезной институциональной проблемой российского общества, которая подрывает легитимность власти, стабильность социальных институтов и всей общественно-политической системы, является, на наш взгляд, глубинное противоречие между патернализмом и этатизм, с одной стороны, и отчужденностью от государства и его институтов, с другой стороны. Это приводит к падению легитимности институтов делиберативной (совещательной) демократии, усилению влияния авторитарных институтов и ее подменной принципами представительной демократии и демократического централизма, являющихся по сути симулякрами. По нашему заключению, основанному на анализе социологических тенденций и фактов, подрыв легитимности и падения доверия к демократическим институтам гражданского общества, СМИ, судебной системе, органам правопорядка, политическим партиям и профсоюзному движению, законодательным и исполнительным органам власти, государственному и частному бизнесу является ответом на указанное выше системное противоречие.

Многие негативные явления, фиксируемые в ходе социологических опросов по оси «власть-социальные институты-общество», которые отражаются в общественных представлениях являются в первую очередь следствием институциональных ловушек (Полтерович, 1999). К возникновению институциональных ловушек, на наш взгляд, приводят в первую очередь две группы противоречий. Первая - общие противоречия развития, свойственные периоду реформаций и модернизаций и перехода к новому укладу, вторая – противоречия между присущими данному обществу неформальными институтами и трансплантируемыми формальными институтами. Данные противоречия усиливают неконгруэнтность формальных и неформальных институтов.

В современной России трансплантируемые демократические институты, связанные с разделением властей, независимой судебной системой,

свободой СМИ, выборностью власти, декларирующие один тип общественного устройства, вступили в явное противоречие с историческими традициями и политической культурой и архетипами сознания, значительной части, как правящего класса, так и общества. Перенос центра государственного управления и всех ключевых решений на президентскую власть с ее наделением харизматическими чертами и умеренного авторитаризма во многом соответствует идеалу этатизма и патернализма, идеализации высшей власти и наделение ее особыми сакраментальными возможностями, которые ставят ее выше всякой другой власти. Именно здесь кроется ключевая институциональная ловушка, которая подрывает стабильность демократической системы и ее институтов. Укрепление президентской власти ослабляет демократические институты и усиливает силовые структуры, опирающиеся на принцип единоначалия и, наоборот, развитие демократии воспринимается как подрыв авторитета верховной власти и ослабление российской государственности, связанной с представлениями о «сильной руке» и «державном могуществе». Такая ситуация закладывает мину под развитие современной государственности на базе демократического выбора и может привести к краху подобной политической системы в силу ее неспособности адекватно отвечать на глобальные вызовы времени.

Заключение.

Важная причина институциональных проблем современного российского общества видится в серьезном противоречии между теми институциональными отношениями и явлениями, которые, следуя концепции Муффа «агонистической демократии» можно назвать в терминах «политическое» и «политика», где первое является маркером противоречий, а второе совокупностью практик и институтов, направленных на установление порядка и разрешение конфликтов [Муффт, 2004]. В современном российском обществе, несмотря на имеющееся политическое измерение отношений между разными слоями и группами, сами институты политики не работают и создают непреодолимые барьеры для разрешения многих политических вопросов и противоречий. Имеется в виду, конечно, понимание «политики» не как использование механизмов подавления и принуждение одних действовать вопреки своим интересам и позициям во благо «общих национальных интересов» и «исторической миссии государства», а как институтов артикуляции и согласования разнонаправленных интересов субъектов политического процесса и выра-

ботка на основе консенсуса общих позиций и планов действий.

Развивая дальше идею Муффа, то же самое можно сказать про антагонизмы парных явлений, отраженных в таких понятиях, как: «социальное» и «социум»; «экономическое» и «экономика»; «правовое» и «право», «моральное» и «мораль». В «социуме», например, не развиты механизмы решения социальных вопросов и цивилизационного (на основе справедливости и равенства) разрешения социальных противоречий. В «экономике», как совокупности институтов и практик, не развиты или заблокированы институциональные механизмы свободной конкуренции и предпринимательской активности, деформирующие сами экономические отношения. В «праве», как отображении определенного вида деятельности, направленного на обеспечение правопорядка, неразвиты и еще больше сворачиваются механизмы, регулирующие равноправие и реализацию неотъемлемых прав и свобод граждан, закрепленных в основном законе. В общественной «морали», как отражении определенной институциональной практики должных взаимоотношений и разрешения возникающих нравственных коллизий все в большей степени начинают проявляться институты, базирующиеся на традиционных, архетипических нравственных императивах, несоответствующих современным принципам, укладу и образу жизни значительной части общества.

В этой связи главная задача для преодоления институциональных ловушек видится на пути создания новой институциональной среды для развития политики, социума, экономики, идеологии, морали, государственности в целом, которая послужит основным драйвером институциональных преобразований российского общества. Формирование этой среды, на наш взгляд, должно опираться на решение двух основных задач – освобождение от двойных стандартов, правил и практик, с одной стороны, и примат принципов делиберативной демократии в рамках рационального и аргументированного публичного дискурса, направленного на достижение консенсуса [Линде, 2015].

Список литературы:

1. Грибов Д.Е. Социальные ожидания как регулятор социального поведения личности: теоретические проблемы исследования // Гуманитарий Юга России. 2016. Том. 19. № 3. С. 182-189.
2. Григорьева Е.Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России. – Вестник Томского государственного университета. № 379. 2014. С. 46-54.
3. Донцов А.И., Стефанеико Т.Г. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология в современном обществе. М.: Аспект Пресс, 2002.
4. Евсеева Я.В. Концепция зависимости от траектории предшествующего развития: Основные положения и критика (Аналитический обзор) // Политическая наука. М.: 2017. № 3. С. 41-57.
5. Жуковский Д.А. Противоречия и перспективы исследования постсоветской России в контексте цивилизационного подхода // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 8.
6. Керимов А.А. Легитимность политической власти в современной России: основания и перспективы // Власть. 2015.

Том. 23. № 3. С. 121-123.

7. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд., перераб., расш. и иллюстр. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. - М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.
8. Лалин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации, - М.: Институт философии РАН, 2000. С. 27-28.
9. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. XLVII социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», май 2018 года / под общ.ред. В.К. Левашова. - М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. 107 с.
10. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLIX этап социологического мониторинга, июнь 2019 года. Под общей редакцией В.К. Левашова. [Электронное издание] - М.: Перспектива, 2019. 55 с. // URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispiranjul2019>
11. Линде А.Н. Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015.
12. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос: Философско- литературный журнал. М.: Изд-во Института Гайдара, 2004. № 2 (42). С. 194.
13. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. М.: МБА, 2013. 440 с.
14. Патрушев С.В. Кликократия как институциональная проблема российской модернизации // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Российской ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 279-296.
15. Погосян В.Г. Критический анализ исследовательских подходов к изучению социальных систем // Научные ведомости. Серия Философия. Социология, Право. 2018. Том 43. № 3. С. 421-428.
16. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. - М.: ЦЭМИ РАН и РЭШ, 1999. С. 1-37.
17. Skorobogatky V.V. Институциональные ловушки в политике // Вопросы политологии и социологии. М., 2011. № 1 (1). С. 29-40.
18. Tyurin D.F. «Запад» и «Восток» в институциональном подходе к цивилизации // Социологический журнал, 2001. № 4. 31 с.
19. Mendelberg T. The deliberative citizen: Theory and evidence // Research in micropolitics. Vol. 6: Political Decision Making, Deliberation and Participation / M.X. Delli Carpini, L. Hudy, R. Y. Shapiro (eds.). N. Y.: Elsevier press, 2002. P. 151-193.

Bibliography

1. Gribov D. E. Social expectations as a regulator of the social behavior of the individual: theoretical problems of research // Humanist of the South of Russia. 2016. Vol. 19. № 3. P. 182-189.
2. Grigorieva E.B. Political effects of the authoritarian syndrome in the modern political process in Russia. - Bulletin of Tomsk State University. № 379. 2014. P. 46-54.
3. Dontsov A.I., Stefaneiko T.G. Social stereotypes: yesterday, today, tomorrow // Social psychology in modern society. Moscow: Aspect Press, 2002.
4. Evseeva Ya. V. The concept of dependence on the trajectory of the previous development: Basic provisions and criticism (Analytical review) // Political Science. M.: 2017. № 3. P. 41-57.
5. Zhukovsky D.A. Contradictions and prospects for the study of post-Soviet Russia in the context of a civilizational approach // Modern studies of social problems. 2015. № 8.
6. Kerimov A. A. Legitimacy of political power in modern Russia: foundations and prospects // Power. 2015. Vol. 23. № 3. P. 121-123.
7. Kirdina S.G. Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y-theory. 3rd ed., revised, expanded, and illustrations. M.; St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2014. Constituting modern politics in Russia: institutional problems / отв. ed. S. V. Patrushev, L. E. Filippova. - M.: Political Encyclopedia, 2018. 262 p.
8. Lalin N.I. Ways of Russia: sociocultural transformations, - M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 27-28.
9. Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. State of civil society in Russia. XLVII sociological monitoring "How do you live, Russia?", May 2018 / ed. A.T.K. Levashova. -M.: Publishing house "Econ-Inform", 2018. 107 p.
10. Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Express information. How are you, Russia? XLIX stage of sociological monitoring, June 2019. Under the general editorship of V.K. Levashova. - M.: Perspektiva, 2019. 55 P. // URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispiranjul2019>.
11. Linde A.N. Deliberative democracy as a direction in the modern theory of democracy: analysis of the main approaches // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2015.
12. Muff Sh. Toward an agonistic model of democracy // Logos: Philosophical and Literary Journal. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2004. № 2 (42). P. 194.
13. Nazaretyan A.P. non-linear future. M.: MBA, 2013. 440 p.
14. Patrushev S.V. Clikocracy as an institutional problem of Russian modernization // Power and Politics: Institutional Challenges of the 21st Century. Political Science: Yearbook 2012 / Russian Association of Political Science; ch. ed. A.I. Solovoyov. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. P. 279-296.
15. Pogosyan V.G. Critical analysis of research approaches to the study of social systems//Scientific statements. Series Philosophy. Sociology, Law. 2018. Volume 43, № 3. P. 421-428.
16. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms. Moscow: CEMI RAS and NES, 1999, P. 1-37.
17. Skorobogatky V.V. Institutional traps in politics // Questions of political science and sociology. M., 2011. № 1 (1). P. 29-40.
18. Tyurin D.F. "West" and "East" in the institutional approach to civilization // Sociological magazine, 2001. № 4. P. 31.
19. Mendelberg T. The deliberative citizen: Theory and evidence // Research in micropolitics. Vol. 6: Political Decision Making, Deliberation and Participation / M.X. Delli Carpini, L. Hudy, R.Y. Shapiro (eds.). N.Y.: Elsevier press, 2002. P. 151-193.

Сорочан В.В.

*Кандидат физико-математических наук.
Доцент кафедры информатики и информационных технологий
Инженерно-технологического института
Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.*

Гаврилюк Н.П.

*Кандидат исторических наук.
Доцент кафедры истории Института истории и права
Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.*

Цифровая социология: от цифровизации общества к цифровизации науки

Электронные устройства являются неотъемлемой частью жизни современного общества. В самых разнообразных форматах, размерах и функциях им удалось проникнуть практически во все социальные среды: от сложных пультов управления крупных производств до сельских администраций; из спальни и кухни, проходя через кабинеты врачей, двигатели современных автомобилей, в карманы подростков, взрослых и некоторых пожилых людей, детей. Наблюдается, практически, вирусное распространение персональных компьютеров, смартфонов, ноутбуков и планшетов, что в определенной степени выходит за пределы барьеров социальной стратификации, класса, пола и возраста. Это в свою очередь приводит к тому, что значительная часть социальных процессов в какой-то момент становится зависимой от функционирования этих машин [2]. В качестве последствий мы наблюдаем, что культура общения, социальные отношения и институты претерпевают значительные трансформации, поскольку новые формы коммуникации, зависящие от цифровых технологий, получают все более широкое распространение.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнения, поскольку геополитический передел мира, в реалиях третьего десятилетия XXI века, распространение новейших разработок в мире техники и технологий, проникновение Интернета и информационно-коммуникационных технологий в самые отдаленные точки земли, привели не только к трансформациям социального характера, но и к изменению самой практики изучения социальной жизни общества, исследованию самого человека.

Нельзя не согласиться с утверждениями современных ученых в том, что изменились не только методы исследования проблемных вопросов, но и сама методология, научные принципы и подходы, практика поиска и анализа информации, наблюдается, не всегда, объективная оценка происходящих событий, особенно в части отсылок к источникам информации и научной литературе. С учетом заявленной темы, мы постараемся проследить изменения и тенденции развития социологии – науки, без результатов исследования которой немислимы анализы и прогнозы по развитию общества и его структурных компонентов.

Термин «цифровая социология» впервые появился в англоязычной академической литературе в 2009 году в статье Jonathan R. Wynn «Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom» [7]. Автор статьи, будучи вдохновленным работой Howard S. Becker «Telling About Society» [6], был озадачен тем, как же будут применяться те, или иные, методологические аспекты исследования, ориентированные на использование цифровых записывающих устройств и камер, как они будут воспроизводить информацию для различных категорий: исследователей, органов власти, профильных институтов, простых граждан страны. Размышления такого характера, привели к тому, что не только за рубежом, но и в отечественной практике, стали появляться публикации, стремящиеся разграничить область цифровой социологии.

В 2013 г. была опубликована работа под названием «Цифровая социология: критические перспективы» [8], целью которой являлось некое разграничение и формирование более четкого понимания концепта бинарных оппозиций – виртуального/реального и преемственности/трансформации. Различные главы, собранные по тематическим блокам – «отношения», «пространства», «структуры», «посредничество» и «практики», очерчивают основные темы, которые характеризуют современное общество и, по этой причине, составляют интересы цифровой социологии: изменения в отношениях и сообществах, вызванных цифровыми социальными сетями; изменения в отношениях с пространством; рост и распространение слежки; цифровое неравенство и информационный капитализм; система образования и здравоохранения в эпоху цифровых технологий.

В 2015 году, вышла книга «Цифровая социология» [9] профессора и исследователя Деборы Луптон. Центральным аргументом работы являлось наблюдение за цифровыми изменениями абсолютно всех феноменов социологического исследования и, как следствие, потребность в

оцифрованной социологической практике. По мнению автора, социология должна опираться на изучении цифровых технологий, как отправной точки, ведь, темы, которые сейчас исследуют и преподают социологи, неизбежно связаны с цифровыми технологиями, независимо от того, сосредоточены ли они на социологии семьи, науке, здоровье и медицине, знаниях, культуре, экономике, занятости, образовании, работе, гендере, риске, старении, расе и этнической принадлежности. Изучение цифрового общества означает сосредоточение внимания на многих аспектах, которые были центральными для социологов: индивидуальность, идентичность, воплощение, властные отношения и социальное неравенство, социальные сети, социальные структуры, социальные институты и социальная теория.

Примечательным достижением автора является предложение о разделении на четыре области деятельности цифровой социологии:

1. Оцифрованная профессиональная практика – использование цифровых инструментов в профессиональных целях;

2. Анализ цифровых данных – использование цифровых данных для качественных и количественных исследований;

3. Социологический анализ использования цифровых медиа – исследование влияния цифровых медиа и социальных сетей на поведение социальных акторов;

4. Критическая цифровая социология – проведение анализа цифровых медиа на основе социальных теорий [9, p. 11].

Хотя это все еще робкое движение, по сравнению с другими областями, социологи уже используют, в большей или меньшей степени, многие цифровые устройства современных обществ. От тех устройств, которые стали неотъемлемыми и необходимыми, таких как текстовые редакторы и электронные таблицы (MS Office/OpenOffice), цифровые записывающие устройства, электронные книги, сотовые телефоны, цифровые камеры и т. д., до инструментов распространения научных знаний, таких как цифровые социальные сети (Twitter, ВКонтакте, Facebook, Instagram, Youtube), блоги и сайты, такие как LinkedIn, Academia.edu и другие подобные. Это движение постепенно меняет включение самой социологии в публичный сценарий, направляя ее результаты на более широкую аудиторию, чем только академическая общественность, и с большей сложностью, чем то, что до этого допускалось в традиционных средствах массовой информации. В то время как традиционные средства массовой информации стали важным форумом для общественного обсуждения, новые цифровые

медиа предлагают гораздо больше способов сделать это. Они позволяют социологам лучше контролировать содержание сообщений, которые они намерены опубликовать на публичных форумах, поскольку ученые могут публиковать материалы без посредника. В блогах, в Твиттере, управление страницами Facebook, редактирование записей Википедии, участие в профессиональных сетевых сайтах, таких как Academia.edu, ResearchGate и LinkedIn, создание подкастов и видео на YouTube и т. д. – все это способы использования цифровых медиа для профессионального использования [9, р. 34]. Кроме того, все эти изменения не обошли стороной и практику социологии, отсюда и акцент на изучении влияния цифровых технологий на их эпистемологические и методологические основы. Цифровая социология – это не только социологи, исследующие и теоретизирующие то, как другие люди используют цифровые технологии, или сосредотачивающиеся на цифровых данных, полученных в результате этого использования. Цифровая социология имеет гораздо более широкое значение, чем просто изучение цифровых технологий, поднимая вопросы о практике социологии и социальных исследований. Она также включает исследование того, как сами социологи используют социальные и другие цифровые медиа в своей работе [9, р. 15].

В этом новом контексте цифровую социологию интересует, как люди становятся непрекращающимися производителями цифровых данных: при прохождении через социальную среду, контролируемую камерами, при активации GPS смартфона и указании географического местоположения, при входе в электронную почту, при посещении веб-сайтов, при нажатии на «Нравится» в социальных сетях и при поиске в Google, каждый раз, когда предоставляют какую-то информацию компаниям, которые регулируют все эти сети и устройства. Как результат, человек становится тем, что цифровая социология называет субъектами цифровых данных – «субъектами, производящими цифровые данные» [9, р. 7]. Это явление вызывает большие опасения с точки зрения конфиденциальности и безопасности людей, поскольку подавляющее большинство пользователей даже не представляют, что их данные используются такими компаниями, как Google, Facebook, Microsoft и многими другими. Таким образом, цифровая социология уделяет этим вопросам особое внимание, пытаясь занять позицию, которая преодолевает демонизацию Интернета как инструмента «сверхбдительности» и контроля, не впадая, с другой стороны, в бездумную «технократию». Примером этого является то, что, несмотря на признание этого производства и

использования персональных данных, цифровая социология поощряет использование цифровых социальных сетей для создания электронного профиля или цифрового профиля посредством использования блогов, личных страниц, Twitter и/или Facebook [9, p. 35].

В продолжение решения поставленных задач, по исследованию тенденций развития цифровой социологии, отметим, что последствия глобального распространения Интернета и онлайн-сбора данных через различные каналы доступа и использования программного обеспечения (ПО) и цифровых социальных сетей привели к созданию новой междисциплинарной области исследований – исследованию «больших данных» (данные, которые производятся с высокой скоростью, в большом объеме и в огромном разнообразии и обычно очень сложны). Крупные корпорации (Amazon, Netflix, Apple, Microsoft и др.), цифровые социальные сети (Facebook, Twitter, Tumblr, Instagram и др.) и поисковые системы (Google, Bing и др.), все они имеют непрерывное и массовое производство данных о типе и амплитуде наших социальных взаимодействий. Данные о гендере, расе, потребительском поведении, миграции, культурном потреблении музыки, фильмов, изображений производятся непрерывно, и почти все социологическое сообщество не имеет к ним доступа, а если бы и имело, то их было бы трудно анализировать по сравнению с аналогичными инструментами традиционной социологии. По этой причине большие данные играют важную роль в цифровой социологии как источник ее исследований. Однако, говоря о больших данных, цифровая социология признает их социокультурными артефактами, оказывающими конкретное влияние на жизнь людей и по этой причине заслуживающими особого внимания со стороны социологов. Иными словами, большие данные не имеют автономного существования по отношению к социальному миру, поскольку именно применительно к человеческому поведению и динамике жизни в обществе они и должны учитываться. Большие данные рассматриваются как обеспечивающие большую точность и предсказательную силу для повышения эффективности, безопасности и создания ресурсов или управления ими. Способность цифровых технологий собирать, добывать, хранить и анализировать данные представляется превосходящей другие формы знаний, предлагая больше возможностей, чем когда-либо, для более глубокого изучения человеческого поведения. Однако с критической социологической точки зрения можно сказать гораздо больше о больших данных как социокультурных артефактах.

Хотя многие социологи могут утверждать, что общение лицом к лицу, погруженное наблюдение и подробное описание явлений жизненного мира представляют собой незаменимые методы социологического исследования, нельзя отвергать и тот факт, что социологическое богатство и изобилие больших данных заставляет нас задуматься об их растущей важности и возможности получения значимой информации при соответствующем анализе и обработке. Следовательно, социологический анализ массового производства цифровых данных не следует рассматривать как заменитель прежнего способа изучения социологии, как мимолетную причуду или что-то ограниченное только подподем социологии, а как сопутствующие инструменты, способные расширить возможности традиционных методов и которые требуют особой специализации, которую немногие из сегодняшних социологов готовы изучать.

Кроме того, новизна больших данных заключается не в самих данных. Большие базы данных [1] существуют с момента начала переписей, использования традиционных телефонов во всем мире, количества рейсов, вылетающих и прибывающих в аэропорт, и т. д. Новизной является возможность быстро получать доступ к переменным, анализировать и скрещивать их с помощью персональных компьютеров и относительно доступного программного обеспечения.

В этом аспекте нельзя не остановиться на весьма важной части получения информации, ее обработки, структурирования и выдаче заказчику – компьютерных программах и платформах. Эти программы, известные под английской аббревиатурой CAQDAS (компьютерный качественный анализ данных) и появившиеся в 1980-х годах, в настоящее время сопровождают движение к массовому использованию персональных компьютеров, и все чаще используются исследователями и студентами для работы с цифровыми большими данными. Перечень и основные параметры некоторых из них приведены в таблице 1.

Как видно из приведенного перечня существует большое разнообразие ПО для применения в социологических исследованиях. От свободно распространяемого с ограниченным функционалом, до дорогостоящего коммерческого с большим набором инструментов. Существуют приложения одобренные Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации для применения на территории России.

На наш взгляд, из всех забот цифровой социологии, пожалуй, наиболее поразительной является острая необходимость для социологов

Таблица 1. ПО, используемое социологами в профессиональной деятельности.

Название ПО	Тип лицензии	Операционная система	Области применения	Широкий инструментарий генерации отчётов	Наличие модулей для разработки инструментария сбора данных (анкеты, бланка интервью, теста и т.п.)	Включено в Реестр ПО для импортозамещения Минцифры [4]
STADIA [5]	Коммерческое ПО	Windows	Мультидисциплинарное ПО	нет	нет	да
STATISTICA [13]	Коммерческое ПО	Windows	Мультидисциплинарное ПО	да	нет	нет
DATA PLOT [10]	Свободно распространяемое ПО	Кроссплатформенное ПО	Визуализация данных	нет	нет	нет
SPSS [12]	Коммерческое ПО	Кроссплатформенное ПО	Мультидисциплинарное ПО	да	нет	нет
VORTEX [3]	Коммерческое ПО	Windows	Исследования связанные с опросами населения	да	да	нет
NVivo [11]	Коммерческое ПО	Кроссплатформенное ПО	Мультидисциплинарное ПО	да	нет	нет

«апгрейдить» свои классические теоретические и методологические основы для работы с новыми явлениями, которых просто не существовало в обществах около 150 лет назад. Главным образом потому, что новизна и социальные последствия этих явлений имеют эпистемологическое сопротивление, чтобы соответствовать моделям и школам мысли старой социологии. С другой стороны, речь идет не о поощрении неустанной охоты за классиками и их теориями, которые в определенной степени устарели, а о признании необходимости двойного движения: о признании того, что усилия вечного возвращения к классическим теориям должны сопровождаться градиентом размышлений той же величины в поиске новых идей и теорий, которые дают понимание того, что происходит в социальном мире, стремясь при этом построить контекстуализированные теории с помощью действительно инновационных ссылок. Центральной интеллектуальной задачей социологии является реконструкция общей социальной теории. Социологии нужна великая новая теоретическая идея. Нельзя не согласиться с тем, что сегодня у нас слишком много теоретиков, которые только и думают, что о ранее созданной теории. Цифровая социология говорит о конкретных людях, связанных посредством социокультурных артефактов, созданных в реальном мире. Поэтому необходимо социологически подвергнуть сомнению многие характеристики «цифрового социального мира», выявляя не только то, чего люди не осознают (например, тот факт, что они производят данные, обогащающие крупные компании), но, прежде всего, то, от чего они активно отказываются. В этом смысле в социальном мире и у многих мастеров социологии существует сопротивление, которое обычно остается незамеченным: эмоциональные инвестиции, сделанные перед лицом использования технологии, прямо пропорциональны высокой степени невежества, которым обладает подавляющее большинство.

В заключение: страх перед цифровым разрывом в социологии можно разделить на страх социологов, занимающихся цифровой социологией, и, страх перед опасностью стать свидетелем непреодолимого разрыва между теми, кто владеет цифровыми технологиями, и частью исследователей, не оснащенных экспертными знаниями. Переноса дебаты из практики зарубежной на отечественное поле социологии, мы сталкиваемся со следующим сценарием: большинство исследователей в области социологии не уделяют должного внимания большому объему данных, предоставляемых профильными агентствами, средствами массовой информации через цифровые материалы и по отношению к данным, кото-

рые начинают производиться порталами прозрачности с информацией о деятельности федеральных и муниципальных органов власти. Когда социолог преодолевает эпистемологический барьер обывательского квалитативизма, преобладающего в аспирантуре (работа с небольшим количеством интервью и/или с небольшим количеством источников – «выборочных» большую часть времени абсолютно хаотичным и бессистемным образом), он оказывается в отчаянии, потому что просто необходим «аутсорсинг» сбора и анализа данных. Достижением в этой сфере является тот факт, что в России появляются специалисты по большим данным – молодые исследователи, сочетающие знания в области программирования и расширенной статистики с социологическим анализом и управляющие большими базами данных с помощью нескольких строк программирования.

Ввиду этого и принимая во внимание, что методология опроса постепенно перестает быть, по разным причинам, инструментом преимущественно для получения данных о социальном мире, заменяясь цифровым интеллектуальным анализом (цифровой интеллектуальный анализ данных) и, прежде всего, автоматизированным сбором метаданных, снова ставится сбивающий с толку и сложный вопрос о роли социологов. Социологи не только борются с тем фактом, что другие акторы или агентства могут использовать объекты цифровых данных и, таким образом, бороться за положение социологов как специалистов по социальным исследованиям, они также могут испытывать трудности с вычислительными навыками, необходимыми для больших наборов цифровых данных. Обработка цифровых данных может обновить разделение между теми, кто сможет собирать и анализировать данные с помощью инструментов цифрового анализа, и теми, кто теоретизирует о цифровом социальном мире. Следствием этого является обеднение утонченности социологической рефлексии при работе с новизной цифровых данных.

Вероятно, эти многочисленные примеры вызывают у социологов глубокое недоверие, учитывая, что социология не могла бы существовать без процессов понимания и интерпретации действительности, задач, требующих времени, терпения и глубокого погружения исследователя в мир и социальные проблемы. До сих пор остается открытым вопрос о согласовании автоматизированного анализа больших данных с традиционными методами социологии, к примеру, сочетание чтения и интерпретации газетных статей с автоматизированной обработкой с помощью категорий, построенных на основе обоснованной теории. Работая таким

образом, можно «количественно оценить качество» и получить общую картину данных. Одним из основных недостатков этой процедуры является время, затрачиваемое на процесс кодирования, и, как следствие, потребность в группе очень хорошо обученных кодировщиков. Но, так или иначе, преодолев такие трудности и используя эти цифровые инструменты технологически, можно будет установить пределы и возможности использования больших данных и оценить, как цифровые методологии анализа общества влияют на то, как мы занимаемся социологией. Задача цифровой социологии – обсуждать эти вопросы, очерчивая контуры новой панорамы.

Список литературы:

1. Лавриненко Д.О., Сорочан В.В. Методика повышения уровня производительности запросов к базам данных // Вестник Калужского университета. 2021. № 1. С. 94-95.
2. Ларченков А.Э., Сорочан В.В. Возможности применения модуля искусственного интеллекта для оптимизации деятельности отдела кадров // Вестник Калужского университета. 2021. № 1. С. 81-83.
3. Программа «VORTEX»: официальный сайт. // URL: <https://www.vortex10.ru/about/fields> (Дата обращения: 22.12.2022)
4. Реестр российского программного обеспечения: официальный сайт. – URL: <https://reestr.digital.gov.ru/> (Дата обращения: 22.12.2022)
5. Allsoft: официальный сайт. // URL: <https://allsoft.ru> (Дата обращения: 22.12.2022)
6. Howard S. Becker Telling About Society. Chicago Guides to Writing, Editing, and Publishing. Chicago: University of Chicago Press. 2007. 304 p.
7. Jonathan R. Wynn. Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom // Sociological Forum. 2009. P. 448-456.
8. Kate Orton-Johnson, Nick Prior Digital Sociology: Critical Perspectives. Published by Palgrave Macmillan. 2013. 264 p.
9. Lupton Deborah Digital Sociology. London and New York: Routledge, 2015. 236 p.
10. Nist: официальный сайт. // URL: <https://www.itl.nist.gov/div898/software/dataplot/homepage.htm> (Дата обращения: 22.12.2022)
11. NVivo: официальный сайт. // URL: <https://www.qsrinternational.com/nvivo-qualitative-data-analysis-software/home> (Дата обращения: 22.12.2022)
12. Soware: официальный сайт. // URL: <https://soware.ru/products/ibm-spss-statistics> (Дата обращения: 22.12.2022)
13. StatSoft Russia: официальный сайт. // URL: <http://statsoft.ru/products/> (Дата обращения: 22.12.2022)

Bibliography

1. Lavrinenko D.O., Sorochan V.V. Technique for improving the performance level of queries to databases // Bulletin of the Kaluga University. 2021. № 1. P. 94-95.
2. Larchenkov A.E., Sorochan V.V. Possibilities of using the artificial intelligence module to optimize the activities of the personnel department. Bulletin of the Kaluga University. 2021. № 1. P. 81-83.
3. Program "VORTEX": official site. // URL: <https://www.vortex10.ru/about/fields> (12.22.2022)
4. Register of Russian software: official site. // URL: <https://reestr.digital.gov.ru/> (12.22.2022)
5. Allsoft: official site. // URL: <https://allsoft.ru> (12.22.2022)
6. Howard S. Becker Telling About Society. Chicago Guides to Writing, Editing, and Publishing. Chicago: University of Chicago Press. 2007. 304 p.
7. Jonathan R. Wynn. Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom // Sociological Forum. 2009. P. 448-456.
8. Kate Orton-Johnson, Nick Prior Digital Sociology: Critical Perspectives. Published by Palgrave Macmillan. 2013. 264 p.
9. Lupton Deborah Digital Sociology. London and New York: Routledge, 2015. 236 p.
10. Nist: official site. // URL: <https://www.itl.nist.gov/div898/software/dataplot/homepage.htm> (12.22.2022)
11. NVivo: official site. // URL: <https://www.qsrinternational.com/nvivo-qualitative-data-analysis-software/home> (12.22.2022)
12. Soware: official site. // URL: <https://soware.ru/products/ibm-spss-statistics> (12.22.2022)
13. StatSoft Russia: official site. // URL: <http://statsoft.ru/products/> (12.22.2022)

Трухин А.С.

*Кандидат политических наук, советник
Министерства иностранных дел Российской Федерации.*

Данакин Н.С.

*Доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии и управления Белгородского государственного
технологического университета имени В.Г. Шухова.*

Лесовик Р.В.

*Доктор технических наук, профессор,
проректор по международной деятельности Белгородского
государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.*

О положении русского языка в Ираке

Положение русского языка в экономической и культурной жизни Ирака привлекает внимание исследователей различных научных направлений. Общая характеристика языковой ситуации в современном Ираке дана в статьях М.Д.М. Хуссаини и А.Х. Шалянь. История его преподавания в Ираке освещается в статье И.С. Чиад, проблемы и перспективы его развития в Ираке – в статье Ч.И. Сальмана.

Русский язык на протяжении существования независимого Ирака был достаточно популярен в республике, что объяснялось динамичным развитием двусторонних отношений Багдада с Москвой с момента установления в 1958 г. дипломатических отношений между двумя странами и вплоть до свержения режима С. Хусейна. Вторжение США и их союзников в 2003 г., а также последовавшая за ним оккупация страны и, как следствие, переориентация новых иракских властей в сторону «англосаксонского лагеря» привели к заметному нарушению российско-иракских связей, в том числе по образовательной линии. Кроме того, в условиях затяжного экономического кризиса, обусловленного разрушением западниками хозяйственно-экономической системы республики, Багдад был вынужден значительно урезать бюджеты большинства государственных учреждений, включая те, которые занимались продвижением русского языка.

Вместе с тем, наметившееся в последние годы поступательное развитие российско-иракских отношений определяется целой системой объектив-

ных факторов, прежде всего, усилением роли России в энергетической и военно-технической областях. При этом рост популярности России в иракском обществе, особенно на фоне активизации политики Москвы на Ближнем Востоке, резонансного участия ВКС РФ в сирийских событиях и в целом укрепления российских позиций на региональной и международной аренах, вызывает еще больший интерес иракцев к нашей стране, в том числе в плане изучения русского языка, который превращается в один из самых информативных мировых языков, благодаря чему можно получить доступ практически ко всем духовным ценностям человечества.

Возрастающий авторитет России на международной арене положительно сказывается на положении русского языка в иракском обществе. Он вновь приобретает популярность.

Ведущим центром изучения русского языка и культуры в Ираке является кафедра русского языка и литературы Багдадского университета. На ней работают 50 преподавателей, среди них ~ 3 профессора, 28 кандидатов наук, 14 магистров, 6 дипломированных переводчиков. Обучение там проходят 310 студентов, которым преподают 39 предметов в течение 88 учебных часов в неделю. Программа включает в себя такие учебные дисциплины как грамматика, фонетика и орфоэпия, развитие речи, чтение, письменная речь (диктанты и изложения), аудиовизуальные средства обучения и т.п. Студенты старших курсов изучают историю русской литературы, перевод, роды и жанры литературы (поэзия, драма, роман и др.), стилистику. Также они ведут исследовательскую работу, пишут курсовые и дипломные работы на русском языке.

Еще одним центром изучения и продвижения русского языка в Ираке можно назвать работающее под патронатом министерства культуры республики издательство «Дар аль-Маамун», которое занимается профессиональным переводом детской литературы, других книг с русского на арабский язык. Основной состав переводчиков здесь также составляют выпускники Багдадского университета.

В 2018 г. заработала кафедра русского языка в Университете Самарры в провинции Салах-эд-Дин. На ее базе приступили к обучению 20 студентов под руководством 6 преподавателей (4 кандидата наук и 2 магистра). В 2019 г. к учебе приступили еще 11 человек. Аналогичную кафедру основали и в Университете Васита в одноименной провинции, однако пока данную идею пришлось отложить ввиду нехватки необходимого количества профессорско-преподавательского состава. Свое стремление к открытию профильного направления по обучению русскому языку вновь

подтвердило руководство Сулейманийского Университета в Курдском автономном районе Ирака.

Всего, по нашей статистике, в России в настоящее время обучаются более 2,5 тысяч иракских студентов. В этой связи можно отметить, что их интересуют в первую очередь инженерно-строительные специальности и медицинское направление. Традиционно большое количество кандидатов хотят обучаться или углублять свои знания в области русского языка. В этой категории преобладают кандидаты в аспирантуру, выпускники российских вузов, преподаватели Багдадского университета. Желающих учиться в аспирантуре по русскому языку на сегодня больше, чем посольство может направлять, ориентируясь на рекомендации Министерства образования и науки России.

За последние годы увеличилось число иракских граждан, желающих получить специальность в России: так, в 2017 году их было около 1900 человек, что примерно на десять процентов больше показателя предыдущего года. Благодаря организации целенаправленной работы по отбору кандидатов на обучение по квоте Минобрнауки Российской Федерации в Россию было направлено 167 человек. Стоит отметить, что в провинциальных местных СМИ начали появляться объявления об обучении русскому языку.

Между тем, представляется целесообразным интенсифицировать организацию целенаправленной работы по программе языковой подготовки обучения иракских студентов в российских вузах по социолингвистической интерпретации функционирования русского языка в Республике Ирак после их возвращения, с одновременной коррекцией сроков подачи документов иракскими гражданами профессионально ориентированных на знание русского языка для использования квоты на бесплатное обучение в российских вузах в полном объеме.

Определенное содействие развитию российско-иракских связей и русского языка оказывается «Ассоциацией иракских выпускников российских вузов». В настоящее время данная структура испытывает серьезные финансовые трудности и действует лишь на энтузиазме ее членов, которых связывают теплые воспоминания о периоде учебы в российских вузах. Кроме того, в ряде случаев, членство в подобного рода землячестве позволяет им продвигать собственные бизнес-интересы как непосредственно на территории РФ, так и в сфере торговли между двумя странами.

Несмотря на стремление руководства указанных учреждений способствовать поступательному развитию и совершенствованию материально-технической базы изучения русского языка, а также разработке сов-

ременных программ его обучения, они сталкиваются с рядом серьезных проблем, препятствующих успешной реализации данных задач. В частности, на кафедре русского языка в Багдадском университете ощущается острая нехватка новых учебников, электронных словарей и книг, аудиовизуальных материалов, современного лингафонного кабинета. Имеются значительные пробелы в уровне профессиональной подготовки самих преподавателей кафедры, поскольку многие из них ни разу не были в России. В данном контексте у руководства кафедры имеется значительный интерес к возобновлению практики стажировок преподавательского состава в российских специализированных высших учебных заведениях.

Сознавая необходимость сохранения в Ираке учебной базы изучения русского языка, в том числе для обеспечения поступательного развития двусторонних российско-иракских отношений, Российское посольство в Багдаде уделяет значительное внимание данному вопросу. Так, в 2014 г. в соответствии с поручением Министра иностранных дел России С. Лаврова относительно обращения Посольства России в Ираке об оказании поддержки кафедре русского языка и литературы Багдадского университета Российское сотрудничество выразило готовность включить дипмиссию в перечень адресатов поставок печатных и мультимедийных материалов по русскому языку, литературе и культуре России. Была налажена координация между сотрудниками Российского посольства и Российского сотрудничества с целью проработки деталей поставки вышеперечисленных материалов в Ирак. Вместе с тем, к настоящему времени подобного рода контакты не привели к практической реализации намеченных планов ввиду возникновения различного рода сложностей, прежде всего российской стороны.

Предпринимаются также попытки использовать возможности некоммерческих организаций в этих же целях. В частности, на протяжении двух лет велась соответствующая переписка с представителями фонда «Русский мир» об оказании при поддержке структуры помощи кафедре русского языка Багдадского университета оборудовать кабинет русского языка. Вместе с тем, данные усилия не увенчались успехом, поскольку предъявляемые «Русским миром» требования (подписать договор с руководителем некоммерческой организации, произвести строительство в отдельно стоящем здании и др.) оказались неприемлемыми для Багдадского университета и иракских ведомств. В итоге дело отграничилось оказанием Российским посольством разовой помощи преподавателям русского языка Багдадского университета в виде учебников, учебных ма-

териалов, фильмов и словарей. Часть из них была приобретена за счет собственных средств дипмиссии.

Подобных усилий явно недостаточно для успешной реализации программы продвижения русского языка в Ираке. Особенно явно это проявляется на фоне подобных бюджетов правительств западных государств, прилагающих большие усилия для развития своих языков в Ираке и тратящих ежегодно на эти цели десятки миллионов долларов.

С учетом изложенного, для развития русского языка в Ираке представляется необходимым наладить оказание адресной материально-технической помощи и поддержки существующим на территории республики учебным центром. Основное внимание при этом следует уделять их укомплектованию на плановой основе учебниками и учебными пособиями, современными аудиовизуальными средствами обучения, методическими комплексами, компьютерными обучающими и тестовыми программами. Также целесообразно возобновить практику организации стажировок иракских преподавателей и наиболее успевающих студентов кафедры русского языка в Багдадском университете в вузах России, а также, по возможности, привлекать их к работе представительств отечественных компаний в Ираке.

Кроме того, принимая во внимание отсутствие в Ираке российского культурного центра, посредством которого можно было бы осуществлять вневузовское ознакомление иракских граждан с культурой и языком России, часть соответствующих функций могла бы быть передана Посольству России в Багдаде путем открытия целевой программы финансирования по линии МИД. Такой подход позволил бы быстро и эффективно принимать решения по оказанию содействия в обеспечении центров обучения русскому языку в Ираке необходимыми учебными материалами, оборудованием, а также способствовал бы облегчению решения вопросов, связанных с направлением иракских специалистов на стажировки и обучение в РФ.

Помимо изложенного, с учетом острой нехватки грамотных и профессионально подготовленных кадров в системе государственного управления Ирака и других областях, в том числе ввиду выведения за рамки госслужащих времен режима С. Хусейна, представляется целесообразным интенсифицировать программы обучения иракских студентов в российских вузах не только по языковым дисциплинам, но и по широкому кругу иных специальностей. Подписанное в марте 1997 г. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ирак о культурном и научном сотрудничестве более не отвечает реалиям текущего времени. Так, несмотря на то, что, согласно документу,

российская сторона ежегодно выделяет для иракских граждан квоты на бесплатное обучение в российских вузах, имеющее место несоответствие сроков подачи документов в России и возможности их предоставления иракскими абитуриентами, а также отсутствие в Российском посольстве профильного сотрудника, отвечающего за данный вопрос, ведут к систематическому недобору предоставляемой квоты. Таким образом фактически безрезультатным оказывается принятое в 2014 г. российской стороной в ответ на многочисленные просьбы иракцев решение об увеличении квоты на обучение для местных студентов со 150 до 340 бюджетных мест ежегодно, из которых 300 мест зарезервировано за арабами, а 40 – за представителями курдской диаспоры.

Для развития поддержки и поступательного продвижения русского языка представляется необходимым наладить оказание адресной материально-технической помощи существующим на территории республики учебным центрам.

В последние годы интерес к русскому языку в Республике Ирак определяется целой системой объективных факторов, прежде всего усилением роли России на мировом рынке в нефтегазовом секторе и военно-технической сфере, что способствует сохранению среди иракских граждан интереса к изучению русского языка. При этом рост популярности России в иракском обществе, особенно активизации политики Москвы на Ближнем Востоке, резонансного участия ВКС и ВМФ РФ в сирийских событиях и новейшие политические реалии России, способствующие укреплению российских позиций на региональном и международных аренах, вызывают еще больший интерес иракцев к нашей стране, в том числе в плане изучения русского языка, который превращается в один из самых информативных мировых языков, благодаря которому можно получить доступ практически ко всем духовным ценностям человечества.

За прошедший год 114 иракцев были направлены на обучение по квотам Министерства образования и науки РФ, на десять процентов увеличилось число иракских граждан, выехавших в России для получения образования по выбранной специальности. Также в провинциальных СМИ начали появляться объявления об обучении владением русским языком.

Вместе с тем, представляется целесообразным интенсифицировать программы обучения иракских студентов в российских вузах по языковым дисциплинам с одновременной коррекцией сроков подачи документов иракскими гражданами для использования квоты на бесплатное обучение в российских вузах в полном объеме.

Всего, по нашей статистике, в России в настоящее время обучаются более 2,5 тысяч иракских студентов. В этой связи можно отметить, что их интересуют в первую очередь инженерно-строительные специальности и медицинское направление. Традиционно большое количество кандидатов хотят обучаться или углублять свои знания в области русского языка. В этой категории преобладают кандидаты в аспирантуру, выпускники российских вузов, преподаватели Багдадского университета. Желающих учиться в аспирантуре по русскому языку на сегодня больше, чем посольство может направлять, ориентируясь на рекомендации Министерства образования и науки России.

Между тем, представляется целесообразным интенсифицировать организацию целенаправленной работы по программе языковой подготовки обучения иракских студентов в российских вузах по социолингвистической интерпретации функционирования русского языка в Республике Ирак после их возвращения, с одновременной коррекцией сроков подачи документов иракскими гражданами профессионально ориентированных на знание русского языка для использования квоты на бесплатное обучение в российских вузах в полном объеме.

Значительная часть владеющих русским языком кандидатов в аспирантуру, выпускников российских вузов, а также представителей профессорско-преподавательского состава Багдадского Университета выражают желание продолжать обучение в России, либо углублять свои знания в области русского языка.

Список литературы:

1. Хуссаини М.Д.М. Языковая ситуация в Ираке // Язык. Общество. Медицина / Материалы XVIII Республ. студ. конф. и XV Республ. науч.-практ. семинара / Отв. ред. Е.П. Пустошило. Гродно, 2019. С. 211-212.
2. Шальян А.Х. Русский язык в современном Ираке (социолингвистический аспект): дис... канд. филол. наук. Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова. М.: 2008.
3. Чиад И.С. История преподавания русского языка в Ираке // Русский язык за рубежом. 2015. № 4 (251). С. 109-113.
4. Сальман Ч.И. Русский язык в Ираке: проблемы и перспективы // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2016. № 4. С. 53-56.
5. Терновая Л.О. Трансляция идеи сакральности власти государства на межгосударственные отношения // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 345-352.

Bibliography

1. Hussaini M.D.M. Language situation in Iraq // Language. Society. Medicine / Materials of the XVIII Republic. stud. conf. and XV Republic. scientific-practical. seminar / Rep. ed. E.P. Wasteland. Grodno, 2019. P. 211-212.
2. Shalyan A.Kh. Russian language in modern Iraq (sociolinguistic aspect): Ph.D. thesis. philol. Sciences. Sholokhov Moscow State University for Humanities. M.: 2008.
3. Chiad I.S. History of Russian language teaching in Iraq // Russian language abroad. 2015. № 4 (251). P. 109-113.
4. Salman Ch.I. Russian Language in Iraq: Problems and Prospects // International Postgraduate student Bulletin. Russian language abroad. 2016. № 4. P. 53-56.
5. Ternovaya L.O. Translation of the idea of the sacred power of the state into interstate relations // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 345-352.

Бормотова Т.М.

*Доктор социологических наук, доцент.
Российский государственный социальный университет.
Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации.*

Яковлев О.В.

*Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.*

Динамика информационного контента публикаций

Введение

В настоящее время тема украинского конфликта также остается актуальной, как для российских, так и мировых СМИ. Большое количество информационных сообщений, посвящённых событиям на Украине и в России, активно обсуждается в российском интернет-пространстве. Конкретные, постоянно возникающие информационные поводы оказывают существенное влияние на принципиальную оценку событий гражданами страны.

При этом в комментариях постов большинство (90%) интернет-пользователей считает, что в настоящее время против России ведется информационная война, нередко встречаются фейковые материалы, описывающие действия России на Украине в негативном ключе.

24 февраля 2022 года Россия начала Специальную военную операцию (СВО) на Украине по защите ЛДНР. Уровень ее поддержки российским обществом в течение трех месяцев сохранялся на стабильно высоком уровне (72%). Большинство россиян (84%) доверяли российской армии, более 70% полагали, что военная операция для российских войск проходит успешно. Отмечался высокий уровень доверия (80%) к Президенту Российской Федерации.

Методы

Основной задачей настоящего исследования стал анализ динамики информационного контента по оценке специальной военной операции

и направленности дискурса (позитивный, нейтральный, негативный) в информационном пространстве с ее начала и до настоящего времени.

На основе использования поисковых сервисов Яндекса («Поиск по блогам», «Новости»), «Google Trends» (автоматизированной системы мониторинга контент анализа) был проведен анализ информационной среды, который позволил на количественном уровне определить интенсивность, направленность, эмоциональный окрас мнений граждан. Для качественной оценки содержания контента использовались ведущие наиболее цитируемые интернет-СМИ Российской Федерации, освещающие события на Украине, в том числе, фиксирующие коннотации общественного мнения, протестные акции и акции поддержки специальной военной операции, а также использовалась информация, публикуемая в социальных сетях «VK» и Telegram («Лентач», «Mash»). Всего попали в выборку и подлежали качественному анализу (300) материалов в региональных, федеральных и зарубежных электронных СМИ.

Анализ осуществлялся в двух ракурсах: ситуации в районе боевых действий и материалы, выражающие отношение Интернет-сообщества к отдельным событиям и СВО в целом.

Результаты

Всего по анализируемой тематике за исследуемый период было зарегистрировано 81815 сообщений. Из них без учета перепечаток 50612. За ноябрь 2022 года их объем составил 14452 сообщений, без учета перепечаток – 7923.

По результатам анализа основным источником информации о Специальной военной операции в ноябре 2022 года являлся Интернет (75% всего информационного контента). Далее следуют информационные агентства – 22% и традиционные СМИ – 3%.

Лидерами в рейтинге объектов публикаций выступали Российская Федерация и Украина. Упоминание Вооруженных сил РФ на третьем месте, Президент Российской Федерации занимает в рейтинге 4-ое место, Соединенные Штаты Америки 5-е, а Министерство обороны РФ только 8 строчку импровизированного рейтинга. Вместе с тем, сообщения Министерства обороны РФ, Вооруженных сил РФ и Президента РФ чаще всего цитировались СМИ. Также в рейтинге представлены и четыре субъекта, которые упоминаются в контексте Специальной военной операции: это в порядке убывания Москва, Донецкая народная республика, Херсонская область, Луганская народная республика, Запорожская область.

В отношении охвата аудитории, наибольшее распространение получили упоминания Российской Федерации РФ и Украины, а наименьшее – США.

Количество публикаций с февраля по май 2022 года, постепенно увеличивалось (с 4% до 16%). Новостные и информационные агентства регулярно сообщали о действиях, происходящих на территории стран. В июне 2022 года количество публикаций, пошло на спад (4%). А во втором полугодии 2022 года произошел заметный рост числа публикаций (с 10% в июле до 22% – октябре).

На протяжении анализируемого периода контент по тематике СВО отличался своим содержанием. Больше всего материалов содержали в себе комментарии различных представителей власти, а также военных экспертов (около 30% от числа всех публикаций), значимые из них: Владимир Путин назвал военную операцию на Украине вынужденной мерой; «Армия не даст распнуть Суровикина»; В Минобороны РФ сообщили об уничтожении нескольких взводов с американскими гаубицами M777 за сутки; Лавров: Географические задачи специальной военной операции на Украине изменились.

Вторая по частоте публикаций (14%) категория новостей, связана с сообщениями о гибели российских военнослужащих.

Также негативная тональность была присуща публикациям с СВО ещё 8% публикаций.

Позитивную тональность имели около трети (34%) от общего числа публикаций. Примечательно, что позитивная тональность новостей и положительные комментарии чаще встречаются среди публикаций, содержащих мнение военных экспертов или представителей власти: Кадыров прокомментировал ситуацию на Харьковском направлении, пообещав освободить оставленные города; Сергей Цивилев объявил о присоединении Кузбасса к инициативе о «самообилизации»; По поручению губернатора Игоря Кобзева в регионе создан штаб по координации помощи семьям военнослужащих, участвующих в специальной военной операции.

Важно отметить, что позитивно оценивались и поддерживались новости, содержащие в себе информацию о спасении военнослужащих, о подвигах российских военнослужащих на территории проведения СВО, а также новости, связанные с санкционной повесткой, например: Снижение ключевой ставки и возвращение McDonald's. Главное вокруг спец операции на Украине за 26 мая; «Газпром» полностью остановил «Север-

ный поток»: новости о санкциях и спецоперации за 2 сентября.

Анализ динамики информационного контента показал, что за период с февраля по сентябрь 2022 года количество публикаций с позитивной тональностью постепенно росло (с 4% до 14% соответственно) и довольно резко упало в октябре 2022 года (до 4%). При этом количество новостей с негативной тональностью после спада (до 2%) в июне 2022 года резко возросло в сентябре-октябре (до 14%).

Заслуживает внимания динамика комментариев интернет-пользователей, оставленных к новостям по тематике СВО. Количество комментариев постепенно увеличивалось с февраля по июль, в августе зафиксирован пик активности (под одной из публикаций оставлено около 700 комментариев). Затем активность в сети интернет до конца октября постепенно падала.

Публикации, под которыми пользователи оставили больше всего комментариев: Кадыров прокомментировал ситуацию на Харьковском направлении, пообещав освободить оставленные города (376 комментариев); Аналитическая статья «СВО на Украине: что происходит и чего ждать дальше» (345 комментариев); Возрождение нацизма на Украине и американские биолaborатории. О чем школьникам расскажут на «Уроке мужества»? (295 комментариев); Аналитическая статья «Путин: посмотрим, чем закончится контрнаступление ВСУ» (290 комментариев).

Чаще пользователи комментировали новости с негативной тональностью. Ниже приводятся некоторые оценки и комментарии пользователей к событиям хода СВО:

Новость об отсутствии выплат для добровольцев в Челябинской области вызвала негодование пользователей. Оставленные жалобы воспринялись негативно. *«Даже комментарий честный не написать, дискредитация?».*

Неоднозначная оценка пользователей связана с новостями и проведении патриотических мероприятий в школах. *«Уроки мужества проводятся далеко не везде, к сожалению. Хотелось бы, чтобы Разговоры о важном были и говорили бы о них действительно о том, что сейчас важно для России, для Родины ребят, которые сейчас сидят за партами и кому дома некому объяснить, что происходит и почему происходит. Такие уроки должны быть во всех школах и никакого саботажа быть не должно».*

Таким образом, можно отметить, что комментарии и оценки пользователей сети интернет сильно разнились в плане оценки действия властей и хода спецоперации.

Обсуждение

В целом можно констатировать, что размещаемые на интернет-платформах СМИ, социальных сетях, блогосфере, материалы о событиях на Украине находят массовый отклик. В зависимости от масштаба СМИ от 10 000 откликов до 300 000 на одно новостное событие. В ходе анализа выявлено что лавинообразный интерес к ситуации в Украине начался с 24 февраля и был фактически нулевым до начала СВО.

Повестка СМИ на первом этапе СВО касалась преимущественно международной реакции на проведение РФ специальной военной операции, а также об успехах Российской армии. К примеру: «Нацсовет по телерадиовещанию Польши запретил в стране вещание российских телеканалов». «Демилитаризация XXI века: Какое оружие Россия применила для уничтожения военной инфраструктуры Украины». «Стивен Кинг и Линвуд Баркли отказались продлевать контракты с российскими издательствами».

Помимо, появлялось множество новостей, которые доносили до граждан позицию властей и объясняли причины начала СВО с точки зрения лидеров мнений. В них объяснялось, почему проведение СВО было необходимо, отразится ли на нас международная изоляция, пояснялись цели проведения СВО. Основной риторикой являлась угроза безопасности РФ в связи с расширением НАТО на восток, а также ростом количества вооружения у Украины.

Отношение россиян к специальной военной операции на Украине определилось к середине марта, и на позицию граждан радикально не влияли даже интенсивные «информационные диверсии». В целом дискурс этого периода можно охарактеризовать как позитивный, большинство граждан скорее поддерживало проведение СВО. Анализ показал, что многие пользователи различных платформ социальных сетей публично демонстрировали патриотизм. На видеохостинге Тик Ток пользователи вместо привычного аватара профиля выставляли символику Российской Федерации: флаг РФ, герб, буквы латинского алфавита «Z» и «V». Постоянно поддерживали российскую армию различными видео с высмеиванием политики Западных стран, регулярно использовали хэштеги «#РОССИЯВПЕРЕД#», «#РОССИЯМЫСТОБОЙ#», «#ZАНАШИХ#» и т.п., либо цитировали патриотичные песни – *«В этом слове победы пламя!»*, изображая Россию в виде непобедимого бурого медведя. В социальной сети Вконтакте были созданы различные сообщества с поддержкой ЛДНР и Военной операции, а также страны в целом: «Россия, вперед!».

Если говорить о лидерах мнений, то их позиция преимущественно совпадала с позицией государства и охарактеризовать ее можно следующим образом: «Проведение СВО необходимо, Украина представляет опасность, расширение НАТО на восток угрожает суверенитету России».

В одном из популярных СМИ в социальной сети «VK» «Лентач» в самом начале СВО публикуется множество постов и видео из городов Украины, в которые уже вошли российские войска, например: «Это горит военный склад в Винницкой области». «Так сейчас выглядит метро в Харькове».

Анализируя и обобщая реакции пользователей в комментариях, можно сказать, что налицо полярное разделение мнений на пользователей, полностью поддерживает СВО, и тех, кто отзывается резко негативно. Однако какая-либо конкретная аргументированная позиция высказывалась редко, поскольку многие пользователи еще не успели сформировать точку зрения относительно СВО.

Таким образом можно сделать вывод, что на первом этапе СВО сформировался образ противника, который нам угрожает, а также сформулированы задачи России по устранению этой угрозы.

Вместе с тем, СВО затягивалась, и граждане теряли интерес к происходящему. При этом сама спецоперация и нагрянувший экономический кризис значительно поменяли жизненный уклад значительной части людей. До начала объявления частичной мобилизации динамика общественной реакции на СВО оставалась, примерно, на одном уровне, охарактеризовать который можно как нейтральный.

Далее оценки специальной военной операции во времени менялись в зависимости от появления или отсутствия важных новостей, которые затрагивали жизнь населения в целом. В связи с объявлением частичной мобилизации, отдельных неудачах российской армии мнения граждан касательно СВО менялись по отношению к началу военной операции. Под новостными постами в различных социальных сетях велись порой нелицеприятные дебаты касательно целесообразности специальной военной операции.

В течение нескольких месяцев (в основном, летний период) продолжающейся СВО, уровень эмоционального фона публикаций в Интернете снизился. Касательно позиции пользователей Интернета к СВО наблюдалось, в основном, «затишье», за исключением небольшой части корреспондентов, которые проводили дискуссии под постами новостных сообщений социальных сетей, таких как Вконтакте и др.

Пользователи стали, в первую очередь, отслеживать ситуацию с уходом с российского рынка иностранных компаний. В этой связи в социальных сетях стала активно подниматься тема «Русофобии» с негативной реакцией на действия Запада. Примечательно, что такой позиции придерживались даже те пользователи, которые не поддерживают проведение СВО.

Одновременно регулярно обсуждались агрессивные действия вооруженных сил Украины: попадание снарядов на территорию РФ (обстрел Белгородской, Курской области, обстрел Запорожской АЭС и т.п.). В новостном канале Телеграмм «Больше» (150 тыс. подписчиков), созданном специально для предоставления информации о ситуации с СВО и за рубежом, пользователи регулярно отслеживали текущую ситуацию на границе страны, в других же телеграмм-каналах – «Раньше всех. Ну почти» (1,2 млн. подписчиков) пользователи активно интересовались текущей обстановкой, аудитория каналов, связанных с новостным контентом СВО, регулярно увеличивалась на несколько тысяч человек в сутки.

С объявлением частичной мобилизации внимание к украинским событиям и обеспокоенность происходящим резко выросли. Новости о частичной мобилизации вызвали в обществе тревогу и страх. Поддержка действий российских военных в это время остается высокой, но увеличилось число тех, кто выступает за начало переговоров. В связи с обеспокоенностью граждан практически все информационное поле заняли новости непосредственно касающиеся мобилизации. Интернет-СМИ стали активно обсуждать, каким образом будет происходить мобилизация, какие категории граждан подлежат мобилизации: «Полковник в отставке разъяснил, кто попадет под частичную мобилизацию в России». «Минцифры подготовит список специальностей, которым положена отсрочка».

В интернет-СМИ стали регулярно появляться новости о нарушениях в процессе проведения мобилизации: «Студента первого курса магистратуры мобилизовали в Москве. Военкомат посчитал, что он получает не высшее, а дополнительное образование.»; «Как стать танкистом? Достаточно не служить в армии и иметь зрение минус шесть. Так и случилось с жителем Москвы — его мобилизовали несмотря на проблемы со здоровьем, неумение держать в руках автомат и мать-пенсинерку на иждивении». В связи с этим общественное напряжение достигло своего предела.

На большинстве новостных ресурсах социальных сетей, таких как «Лентач» (2,3 млн. подписчиков), РИА Новости (2,9 млн. подписчиков),

«Интересная Москва» (1,4 млн. подписчиков), iFeed (4,7 млн. подписчиков) и других, под каждым постом, выложенным в течение недели с объявления частичной мобилизации, посвященным СВО, либо деятельности российской армии, набиралось от 100 до 1,5 тыс. комментариев, которые содержали, в основном, негативное отношение к военной операции. Пользователи, которые высказывали положительную позицию по отношению к власти, СВО и т.п., получали агрессивную реакцию или сталкивались с травлей, часто встречался термин «кремлеботы» по отношению к людям, которые поддерживают российскую власть, либо СВО.

Основной фокус внимания официальных СМИ в это время был прикован, именно, к заявлениям руководителей государства, поскольку преимущественно от них общество ожидало пояснений о необходимости проведения мобилизации и то, каким образом она будет проведена. На первый план в информационной повестке выходят выступления Верховного главнокомандующего ВС России, министра обороны, пресс-секретаря Президента РФ. Таким образом, данный период в информационном поле можно охарактеризовать повышенной напряженностью и тревожностью населения. В связи с этим дискурс сместился преимущественно в негативную сторону.

После завершения частичной мобилизации крайне негативный дискурс и паника населения ослабла, а основными инфоповодами было обмундирование и денежные выплаты мобилизованным.

В настоящее время отношение у граждан страны к СВО меняется в зависимости от экономической ситуации в которой находятся люди (из-за повышения цен, люди стали экономить на определенных категориях товаров), от места жительства (регионы/территории, вблизи которых проходят военные действия регулярно подвергаются обстрелу), о состава семьи (женщины переживают за мужскую половину семейства) и др.

Более того, встречаются крайне радикальные мнения касательно специальной военной операции на Украине и Главы государства: «Происходит поляризация мнений, а поляризованные мнения радикализируются. В этом и проявляется конфликтность внутри общества. Несмотря на то, что специальная военная операция оказалась тяжелым политическим и психологическим испытанием для нации и подрывает в том числе социально-экономические основы российской государственности ...» (анализируют директор «Левада-центра» (признан иностранным аген-

том) Денис Волков и политолог Андрей Колесников в докладе для Фонда Карнеги «Шок и трепет «спецоперации»).

На основании проанализированного материала необходимо подчеркнуть, что граждане в отношении к СВО по оценке некоторых экспертов (доцент кафедры философии и политологии Института гуманитарных наук АлтГУ Сергей Асеев) разделились на три лагеря: патриотически или национал-ориентированная группа. Это те, кто разделяет позицию власти; либерально ориентированная, прозападная группа. В нее входят, граждане, которые позиционируют свое будущее в рамках глобального экономического контура; обыватели – (самая многочисленная группа). «По сути, они не имеют однозначной установки, так как все воспринимают исходя из качества и перспектив своего индивидуального существования. Они наиболее дезориентированы, напуганы и подвержены манипуляционному воздействию в информационном пространстве».

Заключение

Подводя итог проведенного анализа, можно сказать, что динамика информационного контента и общественный дискурс в отношении СВО на Украине с начала ее проведения была волатильная и волнообразная, сильно меняющаяся в зависимости от поступления тех или иных информационных сообщений, экономических факторов, планируемых и принимаемых политических и управленческих решений.

И хотя, в целом, население положительно относится к проведению СВО, но в критические моменты, когда события непосредственно касались людей, общественные настроения и контент в Интернете резко менялись в негативную сторону.

Средства массовой информации, а, особенно, имеющие государственную аккредитацию, старались придерживаться весьма сдержанной позиции в оценке специальной военной операции, хода её протекания и связанных с ней сложностей для армии, государства и общества в целом.

Наибольшие всплески публикаций оценочного характера, а также последующей реакции на них со стороны общественности наблюдались в дни, имеющие важное значение для проводимой специальной военной операции: день объявления о начале проведения специальной военной операции, информация и заявления со стороны Министерства Обороны Российской Федерации о значимых продвижениях армии РФ, информация о частичной мобилизации, информация о референдумах на территориях (ДНР, ЛНР, Херсонская область).

Одновременно следует подчеркнуть непрекращающийся поток в различных интернет-источниках спекулятивной и фейковой информации, имеющей целью деморализацию российского населения, введения его в заблуждение по поводу оценки специальной военной операции.

Список литературы:

1. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н., Яковлев О.В., Бицадзе Г.Э. Методология эмпирических исследований общественного мнения о деятельности полиции // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 1 (163). С. 72-78.
2. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Отношение населения различных возрастных групп к политической реальности в России // В сборнике: Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ. Материалы XXVI Социологических чтений. Москва, 2021. С. 8-11.
3. Рябова Е.И., Шупленков Н.О. Этносоциокультурная миграциология // Москва, 2020. Том Часть 3 Американский плавильный тигель?
4. Ананченкова П.И. Образовательный туризм и перспективы его развития // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 20-28.
5. Бессонов Е.Г. Задачи информационного обеспечения процессов управления социокультурными трансформациями российского общества // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 4. № 45. С. 475-480.
6. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 4. № 22. С. 500-511.
7. Борисов А.Н. Влияние целей устойчивого развития тысячелетия ООН на развитие регионов России Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 64-80.

Bibliography

1. Bormotova T.M., Mazaev Yu.N., Yakovlev O.V., Bitsadze G.E. Methodology of empirical research of public opinion on police activity // Ethnosocium and interethnic culture. 2022. №1 (163). P. 72-78.
2. Bormotova T.M., Mazaev Yu.N. The attitude of the population of various age groups to the political reality in Russia // In the collection: Man and his social life in anticipation of the end of the pandemic: on the 30th anniversary of the Faculty of Sociology of the Russian State University. Materials of the XXVI Sociological readings. Moscow, 2021. P. 8-11.
3. Ryabova E.I., Shchuplenkov N.O. Ethnosociocultural migrationology // Moscow, 2020. Volume Part 3. The American Melting Pot?
4. Ananchenkova P.I. Training tourism and its development prospects // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 20-28.
5. Bessonov E.G. Tasks of information support for the management processes of sociocultural transformations of Russian society // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 4. № 45. P. 424-480.
6. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Masked geopolitics // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 4. № 22. P. 500-511.
7. Borisov A.N. Impact of the UN millennium development goals on the development of Russian regions // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 64-80.

Трухин А.С.

*Кандидат политических наук, советник
Министерства иностранных дел Российской Федерации.*

Данакин Н.С.

*Доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии и управления Белгородского государственного
технологического университета имени В.Г. Шухова.*

О состоянии и перспективах развития российско-иракских торгово-экономических отношений

Состояние российско-иракских торгово-экономических отношений отличается, к сожалению, затянувшейся нестабильностью. Данное обстоятельство отмечается и специально анализируется в многочисленных источниках.

Начиная с осени 2019 г. наблюдался заметный спад деловой активности российских компаний в Ираке. Основными причинами явились обострение социально-политического кризиса в стране, а также сложная эпидемиологическая обстановка, связанная с распространением коронавируса. В этой связи в указанный период были отменены важные бизнес-миссии российских компаний в Ирак, а также приостановлена реализация ряда договорённостей, намеченных и зафиксированных в ходе восьмого заседания Российско-Иракской комиссии по торговле, экономическому и научно-техническому сотрудничеству (23-25 апреля 2019 г., Багдад). Проведение очередного, девятого заседания Межправительственной комиссии, запланированного на апрель того же года, было также отложено на неопределённый срок.

Ключевой для российско-иракских торгово-экономических отношений остается нефтегазовая сфера. В формате «ОПЕК плюс» Россия и Ирак разделяют общие принципы и подходы в интересах стабилизации нефтяного мирового рынка. Стороны заняли консолидированную позицию по данному вопросу в ходе состоявшихся 12 апреля 2020 г. переговоров стран-членов, по итогам которого стороны-участники достигли новой сделки по сокращению добычи нефти на 9,8 млн. баррелей.

Несмотря на сохраняющиеся серьёзные проблемы с обеспечением безопасности, присутствующие в Ираке российские нефтегазовые операторы продолжают участвовать в реализации проектов по нефтедобыче и выполнять свои контрактные обязательства. Суммарные российские инвестиции в данный сектор превышают 13 млрд долл. США.

В рамках реализации ПАО «Лукойл» флагманского проекта с российским участием в Ираке по разработке и нефтедобыче на месторождении «Западная Курна – 2», контракт по которому действует с февраля 2010 г., в настоящее время объём добываемой нефти составляет до 400 тыс. барр./сут. (около 9% от общей добычи в Ираке). Инвестиции российской стороны в проект составляют порядка 10 млрд долл. США. В соответствии с окончательным планом разработки месторождения, подписанным в 2018 г. ПАО «Лукойл» и находящейся в структуре Министерства нефти Ирака Basra Oil Company, к 2025 г. планируется достичь планки добычи нефти на уровне 800 тыс. барр./сут. Кроме этого, российские компании включали в свои планы бурение дополнительных эксплуатационных скважин и расширение существующих производственных мощностей. Вместе с тем, с учётом сложной обстановки, складывающейся в нефтегазовом секторе, Министерством нефти Ирака было предписано сократить в том числе бюджет этого проекта на 2020 г. (1,2 млрд долл. США), включающий инвестиционные затраты, на 30%.

Вторым проектом ПАО «Лукойл» является месторождение «Блок 10», контракт на геологоразведку и последующую разработку которого действует с мая 2012 г. Инвестиции российской компании в данный проект составляют около 350 млн. долл. США. К концу 2019 г. закончены 3D сейсморазведочные работы, а также начаты обработка и интерпретация всех сейсмических данных, что позволит создать детальную геологическую модель месторождения. Уже в первой половине 2020 г. в планах компании были бурение трёх оценочных скважин и подготовка вариантов разработки и обустройства «Блока 10». По завершению этих работ в Министерство нефти Ирака было направлено заявление о переходе к коммерческому этапу освоения месторождения.

ПАО «Газпром нефть» – с января 2010 г. реализует контракт по разработке и добыче нефти на месторождении «Бадра». В настоящее время текущий уровень нефтедобычи составляет около 50 тыс. барр./сут. Инвестиции российской компании в проект связаны с исследованиями и проведением сейсморазведочных работ. Интерпретацию геологоразведочных данных планировалось завершить в первой половине 2020 г. Также

в 2020 г. по результатам проведения технико-экономического обоснования ПАО «Газпром нефть» было принято решение о целесообразности продолжения реализации на этом месторождении.

Еще одно российское предприятие – ПАО АНК «Башнефть» – осуществляет реализацию сервисного контракта по геологоразведке, разработке и добыче нефти на месторождении «Блок 12», расположенное на границе провинций Наджаф и Мутанна. Первый этап геологоразведочных работ успешно завершён, выполнены 2D и 3D сейсморазведочные работы. Завершено бурение второй поисковой скважины «Салман-2». Общие инвестиции российской компании в проект уже к 2020 году составляют около 130 млн. долл. США.

Далее, в соответствии с подписанным в 2017 г. между ПАО «НК «Роснефть» и Правительством Курдского автономного региона соглашением о разработке и разделе продукции в отношении пяти блоков, расположенных на территории автономии, в настоящее время плановые геологоразведочные работы ведутся на четырёх месторождениях – блоках 9, 10, 11 и 13. В отношении месторождения «Блок 8» активизировать работу по его дальнейшей разработке и коммерческому использованию пока не удаётся ввиду сложной ситуации с обеспечением безопасности в районе данного объекта.

В 2019 г. АО «Стройтрансгаз» и Министерство нефти Ирака был парафирован контракт на реализацию проекта по разведке, разработке и добыче углеводородов на месторождении «Блок 17» (провинция Анбар). В настоящее время компания получила одобрение премьер-министра Ирака, после чего она приступила к первому этапу реализации проекта, в частности, проведению 2D и 3D сейсморазведочным работам.

В рамках активизации работы по возобновлению деятельности АО «Зарубежнефть» в Ираке проведён ряд переговоров по участию в проектах по разработке и добыче нефти на месторождениях «Чи Сурх» и «Шайкан», расположенных в Курдистане.

Вместе с тем иракская сторона заинтересована в привлечении новых российских компаний, имеющих соответствующие компетенции и опыт возведения энергообъектов на территории зарубежных стран, к возобновлению работ на недостроенных электростанциях. В частности, иракские партнёры рассматривают в качестве одного из наиболее подходящих операторов данных проектов ООО «Интер РАО Инжиниринг». В 2019 г. стороны провели ряд переговоров и договорились провести совместные выездные инспекции с целью оценки состояния упомянутых объектов.

Перспективным направлением в данной сфере может также стать реализация проектов по модернизации имеющихся и строительству новых объектов электросетевого хозяйства на территории Ирака компанией ПАО «Россети», а также объектов гидроэнергетики по линии ПАО «Русгидро».

Наметились определённые сдвиги в сфере сельского хозяйства. Ведётся активное взаимодействие по линии Минсельхоза России и Минторговли Ирака в целях возобновления поставок российской пшеницы на иракский рынок. По линии АО «Объединённая зерновая компания» отгружена пробная партия пшеницы в размере 52 тонн для дальнейших исследований на соответствие действующим в Ираке стандартам и требованиям, а также изучения хлебопекарных свойств муки, которую предполагается из неё произвести.

В последнее время руководство Ирака активизировало политику по развитию внутренних мощностей по глубокой переработке некоторых сельскохозяйственных товаров, таких, как зерновые, сырые растительные масла, сахарное сырьё и др. В этом направлении российские структуры могли бы принять участие в реализации проектов, в частности, строительстве крупных мельниц, элеваторов и других объектов зерновой инфраструктуры, а также масложировой промышленности.

С учётом заинтересованности иракской стороны в дальнейшей активизации партнёрских отношений с российскими производителями фармацевтической продукции и медицинской техники в условиях быстрорастущего иракского рынка это направление российско-иракского сотрудничества представляется весьма перспективным.

Важным этапом развития российско-иракских торгово-экономических отношений может стать участие российских нефтегазовых компаний в проектах по геологоразведке, разработке и добыче природного газа на территории Ирака. В последнее время руководством Ирака предпринимаются активные шаги по разработке газовых месторождений страны в целях уменьшения зависимости страны от импортных поставок, а также повышения обеспеченности своих теплоэлектростанций этим видом топлива. В частности, речь идёт о трёх крупнейших в стране газовых месторождениях: «Мансурия» в провинции Дияла, «Аккас» в провинции Анбар, и «Блок 2», расположенный на границе провинций Анбар и Найнава.

В целях геологоразведки, разработки и добычи газа на месторождении «Мансурия» иракская сторона заинтересована в привлечении ПАО

«Газпром нефть» в качестве возможного оператора данного проекта с учётом компетенций и накопленного опыта. В настоящее время роскомпания рассматривает условия своего участия.

В рамках реализации договорённостей относительно участия ЗАО «МГНК «СоюзНефтеГаз» в проекте по добыче газа на месторождении «Блок 2» в 2019 г. состоялся ряд переговоров с представителями Миннефти Ирака, по итогам которых летом 2019 г. Министр нефти Ирака Т.Гадбан направил письмо, в котором указал на необходимость выполнения данной роскомпанией ряда неотъемлемых условий, предусмотренных иракским законодательством, для участия в проекте.

Важным направлением сотрудничества остаётся сфера электроэнергетики. Возобновление работ на незавершенных российской стороной стратегически важных для Ирака объектах энергогенерации — ТЭС «Аль-Харта», ТЭС «Аль-Юсифия», ТЭС «Дибис» и ГЭС «Аль-Адаим» является приоритетной задачей для России и Ирака. К сожалению, для предыдущих операторов данных проектов компаний ООО «АО «Технопромэкспорт» (ТПЭ) и ПАО «Силовые машины» (СМ) ситуация складывается не лучшим образом. Ввиду неудачи в поиске взаимоприемлемого решения иракская сторона известила о расторжении контрактов с ТПЭ в ноябре 2019 г. в отношении ТЭС «Аль-Харта» и «Аль-Юсифия». Что касается СМ, то Минэлектроэнергетики Ирака в рабочем порядке уведомило о планах аннулировать соответствующие соглашения относительно ТЭС «Дибис» и ГЭС «Аль-Адаим».

Вместе с тем иракская сторона заинтересована в привлечении новых российских компаний, имеющих соответствующие компетенции и опыт возведения энергообъектов на территории зарубежных стран, к возобновлению работ на недостроенных электростанциях. В частности, иракские партнёры рассматривают в качестве одного из наиболее подходящих операторов данных проектов ООО «Интер РАО Инжиниринг». В 2019 г. стороны провели ряд переговоров и договорились провести совместные выездные инспекции с целью оценки состояния упомянутых объектов. Перспективным направлением в данной сфере может также стать реализация проектов по модернизации имеющихся и строительству новых объектов электросетевого хозяйства на территории Ирака компанией ПАО «Россети», а также объектов гидроэнергетики по линии ПАО «Русгидро».

Наметились определённые подвижки в сфере сельского хозяйства. Ведётся активное взаимодействие по линии Минсельхоза России и Мин-

торговли Ирака в целях возобновления поставок российской пшеницы на иракский рынок. По линии АО «Объединённая зерновая компания» отгружена пробная партия пшеницы в размере 52 тонн для дальнейших исследований на соответствие действующим в Ираке стандартам и требованиям, а также изучения хлебопекарных свойств муки, которую предполагается из неё произвести.

В последнее время руководство Ирака активизировало политику по развитию внутренних мощностей по глубокой переработке некоторых сельскохозяйственных товаров, как зерновые, сырые растительные масла, сахарное сырьё и др. В этом направлении российские структуры могли бы принять участие в реализации проектов, в частности, строительстве крупных мельниц, элеваторов и других объектов зерновой инфраструктуры, а также масложировой промышленности.

С учётом заинтересованности местной стороны в дальнейшей активизации партнёрских отношений с российскими производителями фармацевтической продукции и медицинской техники в условиях быстрорастущего иракского рынка это направление российско-иракского сотрудничества представляется весьма перспективным. Ожидается, что после улучшения эпидемиологической ситуации и восстановления регулярного авиасообщения между Россией и Ираком будет возобновлена подготовка бизнес-миссии российских компаний в Ирак с привлечением профильных российских компаний.

Перспективным направлением взаимодействия может стать финансово-банковская сфера. С учётом планируемой в Ираке деноминация национальной валюты местные партнёры выражают готовность рассмотреть участие роскомпании АО «Гознак» в реализации проекта по эмиссии новых банкнот и монет.

В целях дальнейшего углубления российско-иракских торгово-экономических отношений представляется целесообразным более активно использовать инструменты финансовой и нефинансовой экспортной поддержки, а также лизинговые схемы. Кроме этого, в нынешних условиях является важным задействовать механизмы финансово-банковского сопровождения наших контрактов с использованием межбанковских каналов связи, альтернативных SWIFT, и без участия элементов банковской системы США.

Существенным инструментом, позволяющим вовлекать во внешне-экономическую деятельность малые и средние предприятия, устанавливать прямые контакты между производителями и потребителями

России и Ирака, а также развивать кооперационные связи, является обмен делегациями и бизнес-миссии на региональном уровне. В августе 2019 г. состоялся визит бизнесменов Ростовской области в Ирак. В состав делегации вошли представители металлургической и деревообрабатывающей отраслей промышленности. В ходе встреч с представителями деловых и правительственных кругов Ирака стороны обсудили пути наращивания поставок изделий из металлов и целлюлознобумажной продукции из России в Ирак. Кроме этого, российские участники рассмотрели представленный иракскими партнёрами ряд инвестиционных проектов по проектированию и строительству в Ираке объектов металлургической промышленности. Прорабатывается вопрос о новых сроках визита в Ирак бизнес-делегаций ряда других российских субъектов, который был отложен в результате очередного всплеска протестного движения в октябре 2020 года. В последнее время наблюдается значительно возросшая деловая активность российских компаний на территории Курдского автономного района (КАР), нацеленных на реализацию совместных проектов в различных областях. Это в том числе связано с предпринимаемыми шагами курдского руководства по активизации экономических связей с Россией и расширения партнёрских отношений с российскими экономоператорами, а также посещением г. Эрбиля и встреч с руководством КАР Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в сопровождении представителей крупных отечественных энергетических компаний в ходе его недавнего визита в Ирак.

В заключение стоит отметить не только традиционный во взаимоотношениях с федеральным центром, нефтегазовый сектор, но и электроэнергетику, включая гидро, а также сотрудничество в сфере разведки твёрдых полезных ископаемых и подземных водных ресурсов на территории Курдистана и их дальнейшей разработки. Кроме этого, отдельно стоит упомянуть увеличившееся количество взаимных визитов курдских и российских бизнесменов представителей сельскохозяйственных компаний из Южного и Северокавказского федеральных округов, целью которых является наращивание поставок такой востребованной в Курдистане продукции АПК, как ячмень, овёс, кукуруза, семенной материал и удобрения.

Список литературы:

1. Чаплик В.З., Альждалаби Х.Х. Становление и развитие современных торгово-экономических связей Ирака // Финансовая экономика. 2019. № 4. С. 767-771.

2. Лашина А.А. Сотрудничество России с Ираком в нефтяной сфере // Россия в мире: история, современность, перспективы / Сборник тезисов Междунар. науч. студ. симпозиума. 2019. С. 221-223.
3. Альджалаби Х.Х. Перспективы и направление развития экономических связей Ирака с Россией // Актуальные проблемы экономики, учета, аудита и анализа в современных условиях / Сборник науч. работ студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава по итогам Национ. науч.-практ. конф. / Под ред. М.В. Петровской, В.З. Чаплыка, Л.Н. Сорокиной. 2020. С. 13-17.
4. Аль-Зухайри Х.М. Внешнеэкономическое сотрудничество России и Ирака в современных условиях // Современные вызовы и реалии экономического развития России / Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Л.И. Ушвицкого, А.В. Савцовой. 2018. С. 28-30.
5. Альджалаби Х.Х.М., Чаплык В.З. Статистический прогноз развития торгово-экономических отношений Ирака и России // Научные исследования и разработки. Экономика. 2021. Т. 9. № 5. С. 31-36.
6. Альджалаби Х.Х. Торгово-экономические связи Ирака и России // Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации / Сборник материалов II Всерос. науч.-практ. конф. Российский университет дружбы народов. 2019. С. 283-290.
7. Попкова Е.Б., Аль-Батти А.Д.К., Шукур Н.Х.Ш., Аль-Мансури С.А.С. Торгово-экономическое сотрудничество России и Ирака: вчера, сегодня // Наука. Образование. Культура. Вклад молодых исследователей / Сборник статей по материалам III Междунар. науч. конф. преподавателей, молодых ученых, аспирантов и студентов вузов. Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова / Под ред. Л.Н. Соколовой. 2016. С. 238-241.
8. Бормотова Т.М., Меркурьев А.В. Главной стратегической целью межнационального и межконфессионального сотрудничества является обеспечение национальной безопасности России // Межконфессиональная миссия. 2012. № 1. С. 39-45.
9. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.
10. Десятков Р.С. Теоретико-методологические основы изучения культурной глобализации // Альманах Казачество. 2020. № 48. С. 9-15.
11. Шупленков О.В., Шупленков Н.О. Роль государства в управлении экономикой на современном этапе: пути решения // Альманах Казачество. 2020. № 49. С. 9-17.

Bibliography

1. Chaplyuk V.Z., Alzhdalabi H.H. Formation and development of Modern Trade and Economic Relations of Iraq // Financial Economy. 2019. No. 4. P. 767-771.
2. Lashina A.A. Cooperation between Russia and Iraq in the oil sector // Russia in the world: history, modernity, prospects / Collection of abstracts International scientific stud. symposium. 2019. P. 221-223.
3. Aljalabi H.H. Prospects and direction of economic relations development between Iraq and Russia // Actual problems of the economy, accounting, audit and analysis in modern conditions / Collection of scientific works of students, graduate students and faculty following the results of the National scientific-practical. conf. / Ed. by Petrovskaya M.V., Chaplyuk V.Z., Sorokina L.N. 2020. P. 13-17.
4. Al-Zuhairi H.M. Foreign economic cooperation between Russia and Iraq in modern conditions // Modern challenges and realities of Russia's economic development / Proceedings of the V Intern. scientific-practical conf. / Ed.by Ushvitsky L.I., Savtsova A.V. 2018. P. 28-30.
5. Aldzhlabi H.H.M., Chaplyuk V.Z. Statistical forecast development of trade and economic relations between Iraq and Russia // Research and Development. Economy. 2021. V. 9. No. 5. P. 31-36.
6. Aljalabi H.H. Trade and economic relations between Iraq and Russia // Economic strategies of the EAEU: problems and innovations / Collection of materials II All-Russia. scientific-practical. conf. Peoples' Friendship University of Russia. 2019. P. 283-290.
7. Popkova E.B., Al-Batti A.D.K., Shukur N.Kh.Sh., Al-Mansuri S.A.S. Trade and economic cooperation between Russia and Iraq: yesterday, today // Science. Education. Culture. The contribution of young researchers / Collection of articles based on materials of the III Intern. scientific conf. teachers, young scientists, graduate students and university students. South Russian State Polytechnic University (NPI) named after Platov M.I. / Ed.by Sokolova L.N. 2016. P. 238-241.
8. Boromotova T.M., Mercury A.V. The main strategic goal of inter-ethnic and inter-religious cooperation is to ensure the national security of Russia // Mission confessions. 2012. № 1. P. 39-45.
9. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Etnosotium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.
10. Devyatov R.S. Theoretical and methodological foundations of the study of culture globalization // Almanac Cossacks. 2020. № 48. P. 9-15.
11. Shuplenkov O.V., Shuplenkov N.O. The role of the state in economic management at the present stage: solutions // Almanac Cossacks. 2020. № 49. P. 9-17.

Бахарев В.В.

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Демененко И.А.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Шавырина И.В.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет.

Оценка вовлеченности молодёжи в сферу социального предпринимательства

При достаточно масштабном распространении феномена социального предпринимательства в настоящее время, среди теоретиков и практиков, не представлено четкое определение данного понятия. Более того, имеющиеся дефиниции понятия «социальное предпринимательство» приводят ученых к выделению огромного перечня признаков отличающих социальное предпринимательство от иных современных новаций. В свою очередь, большой научный пласт определений затрудняет выявление чётких и однозначных критериев для формулировки единого определения феномена «социальное предпринимательство», что определяет дополнительные трудности для гражданского общества и государственных структур.

На современном этапе развития, феномен социального предпринимательства, проблемы, а также векторы развития в общественном понимании в целом, а также среди молодежи, рассматривается следующими научными деятелями: Л.И. Бестаева, В.А. Бондаренко, Е.В. Борисенко, Н.С. Данакин, С.В. Дегтярева, Г.Б. Кошарная, В.А. Молчан, Н.С. Поаншваль, И.А. Рождественская, Д.А. Семенова, Н.В. Федоронин и др.

Отправной точкой деятельности социального предпринимателя является наличие социальной проблемы в обществе. В случае, если инсти-

туты общественного сектора оказываются недостаточно эффективными и не способствуют решению либо снижению интенсивности актуальной социальной проблемы, формируется благоприятная почва для активного развития социального предпринимательства.

Отсутствие четкого понимания со стороны общества и государства целей и задач социального предпринимательства, актуализирует проблему недостаточного понимания данного феномена. Данные факторы подтверждены статистическими данными, полученными в результате исследования, проведенного Исследовательской группой ЦИРКОН в декабре 2018 года, – «лишь 26 % респондентов имели представление о социальном предпринимательстве, 73 % ранее не сталкивались с этим явлением и не могли ничего о нем сказать».

В современных условиях, на территории Российской Федерации действует ряд устойчивых социальных проектов в следующих областях: фермерского хозяйства, переработки некоторых видов бытовых отходов, поддержки инвалидов, пожилых людей и выпускников детских домов, детского здравоохранения возрождения ремёсел и народных промыслов, местного туризма.

Для увеличения доли социального предпринимательства необходимо создать условия для развития предпринимательства в социальной сфере, что позволит создать новые технологии производства, новые рабочие места. Такими условиями могут стать поддержка социальных предпринимателей, упрощение процедур регистрации и ведения деятельности, внедрение современных механизмов финансирования, развитие институтов государственно-частного партнерства в социальной сфере.

Авторами научной статьи поведено социологическое исследование, направленное на изучение вовлеченности молодежи Белгородской области в сферу социального предпринимательства (N=407).

Желание реализовать себя в предпринимательской сфере, направленной на решение социальных проблем отметили 31,69% респондентов. Полученные данные показали, что большинство опрошенных – 49,88% – не имеют желания реализовать себя в предпринимательской сфере, направленной на решение социальных проблем. Тем не менее, 16,96% респондентов затруднились с ответом. Мотивацию к затруднению в ответе достаточно сложно интерпретировать, но, на наш взгляд, она обусловлена, скорее неосведомленностью о данной сфере деятельности. В целом, респонденты демонстрируют достаточно высокий по-

тенциал для возможности и готовности реализовывать себя в качестве социальных предпринимателей.

Согласно полученным данным, наибольшее значение для респондентов имеет стремление к самостоятельности и независимости (63,9%). Также, достаточно значимым является мотив самореализации и личностного роста. На это указало 48,2% респондентов. Экономическая мотивация (материальный успех) отмечена в качестве мотива 32,6% опрошенных.

В следующий блок мотивов входят: решение личных проблем и помощь другим людям со схожими проблемами (29,1%), инновационность – стремление реализовать свои знания и новаторские идеи (24,5%) и достижение успеха в обществе, желание повысить свой авторитет в глазах окружающих (18,9%).

Такой мотив как выполнение «социальной миссии», желание быть полезным обществу отмечен лишь 8,2% респондентами.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что основными мотивами возможной реализации себя в качестве социального предпринимателя, являются стремление к самостоятельной, независимой от внешних акторов хозяйственной деятельности, а также самореализация и личностный рост.

Распределение ответов на вопрос о возможной сфере деятельности социального предпринимательства, в которой респонденты хотели бы себя реализовать.

Согласно полученным данным, наиболее востребованной среди молодежи является сфера образования. Так, направление дополнительного образования было отмечено 43,5% опрошенных, а дошкольного образования – 39,1%.

Далее, по степени востребованности молодежь отмечает туристические услуги (36,9%), организация доступного спортивного досуга (29,3%), а также повышение качества и доступности медицинских услуг (26,4%).

Следующий блок возможных сфер для реализации себя в качестве социальных предпринимателей включает: развитие сельского хозяйства (21,3%), экология (19,2%), оказание гериатрических услуг населению (организация помощи пожилым и старым людям с точки зрения сохранения и укрепления их здоровья) (18,2%), а также выпуск социально значимой продукции (17,5%).

В наименьшей степени для молодежи интересны такие сферы воз-

возможной реализации себя в качестве социальных предпринимателей, как: повышение качества жизни людей из социально незащищенной категории населения (14,2%), сфера трудоустройства (8,9%), а также сохранение и возрождение культурного и исторического наследия России (2,6%).

В исследовательских целях, нам было важно узнать, что, по мнению молодежи, может стать препятствием к реализации себя в качестве социальных предпринимателей.

На представленном рисунке достаточно четко видно, что в наибольшей степени респонденты отмечают отсутствие необходимой информации (59,3%). Вторым по значимости барьером является отсутствие финансовых средств на организацию бизнеса, недоступность кредитных ресурсов (48,6%). А 39,2% респондентов отмечается отсутствие знаний относительно основ предпринимательства.

Достаточно значимым в оценке молодежи барьером является отсутствие идей. На это указывает 26,9% респондентом. На наш взгляд, этот барьер достаточно сильно связан с очевидным отсутствием необходимой информации о социальном предпринимательстве как о виде предпринимательской деятельности. Это нами уже отмечалось и ранее. Как показали результаты авторского исследования и сравнительного анализа данных Всероссийского мониторинга, в современной российской действительности имеется огромный пробел и информативности, и знаний, и осведомленности относительно социального предпринимательства и социальных предпринимателей.

В исследовательских целях, респондентам было предложено отметить, что необходимо предпринимать для популяризации социального предпринимательства в молодежной среде.

Так, по мнению молодежи, в целях популяризации социального предпринимательства, в первую очередь, необходимо:

- осуществление просветительской и пропагандистской деятельности по развитию социального предпринимательства в молодежной среде (76,9%);

- организация и развитие системы стартап-акселерации социально ориентированных НКО, социальных предпринимателей и предприятий посредством привлечения информационных, научных, творческих, технических, образовательных ресурсов Университетов (75,2%);

- создание Инкубатора социального предпринимательства на базе имеющихся Бизнес-инкубаторов (63,2%).

Следующими, согласно оценке респондентов, являются следующие мероприятия:

- обобщение и анализ информации о деятельности социальных предпринимателей и социальных предприятий (59,1%);
- осуществление экспертной деятельности и консультирования в сфере социального предпринимательства (52,9%);
- обучение школьников и студентов основам ведения социальной предпринимательской деятельности (48,3%);
- вовлечение школьников, учащихся СПО, студентов в социально-ориентированную предпринимательскую деятельность (46,3%).

Больше трети респондентов отмечается значимость таких мероприятий по популяризации социального предпринимательства как:

- информационное и юридическое сопровождение деятельности социальных предпринимателей (39,8 %);
- содействие созданию координационных и интеграционных структур представителей социальных предпринимателей, вузов и органов власти субъектов РФ (32,5%);
- организация и проведение мероприятий (школы, обучающие семинары, тренинги, круглые столы, конференции и т.п.), реализация социальных проектов, акций, фестивалей, конкурсов, направленных на развитие социального предпринимательства (31,5%).

По сути, анализ полученных результатов исследования, позволяет очертить ареал основных направлений деятельности по развитию и популяризации социального предпринимательства в молодежной среде: просветительская и пропагандистская деятельность – создание условий для вовлечения молодежи в предпринимательскую деятельность в социальной сфере – обучение основам предпринимательской деятельности, в том числе в сфере социального предпринимательства.

В рамках оценивания продвижения практик социального предпринимательства и роли молодежи в его развитии нами был задан вопрос, направленный на выявление предполагаемых результатов популяризации молодежного социального предпринимательства.

Согласно полученным данным, молодежь в большей степени считает, что это позволит обеспечить интеграцию молодежи в социально-экономическую и общественную жизнь региона (74,5%), реализацию потенциала молодежи, облегчение стартовых условий вхождения молодых граждан в рыночные отношения (65,3%), а также создать систему мер, направленных на развитие экономического мышления, способно-

стей к предпринимательской деятельности (61,3%).

Достаточно интересным является то, что следующими по значимости результатами продвижения практик социального предпринимательства в молодежной среде является:

- формирование гражданской зрелости и патриотизма (36,9%);
- популяризация социально направленной предпринимательской деятельности среди молодежи (36,2%);
- осуществление профильного обучения, способствующего приобретению молодыми людьми навыков ведения бизнеса (29,1%) и отбор перспективных предпринимательских социальных идей (29,1%).

Таким образом, на наш взгляд, полученные данные свидетельствуют о достаточно четком осознании молодежью реалий настоящего времени, изменений траекторий собственного развития, а также предназначении роли молодежи в социально-экономическом пространстве, поскольку в качестве основных результатов продвижения практик социального предпринимательства и роли молодежи в его развитии респонденты обозначают интеграцию молодежи в социально-экономическую и общественную жизнь региона, реализацию потенциала молодежи, облегчение стартовых условий вхождения молодых граждан в рыночные отношения, а также создание системы мер, направленной на развитие экономического мышления, способностей к предпринимательской деятельности, основанной на сформированной гражданской зрелости и патриотизме.

Список литературы:

1. Бестаева Л.И. Предпринимательство региона: состояние и динамика развития // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8. С. 1119-1122.
2. Бондаренко В.А., Полуунова Н.В. Социальное предпринимательство в осуществлении региональной социально-экономической политики, ориентированной на территориальное развитие // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2020. № 2 (70). С. 38-45.
3. Борисенко Е.В., Полтавская М.Б. Коворкинг и социальное предпринимательство: точки взаимодействия // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 7. № 2. С. 118-121.
4. Данакин Н.С., Шавырина И.В., Демененко И.А. Технология развития социального предпринимательства в молодежной среде // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 71-83.
5. Дегтярева С.В., Дегтярева Т.О. Социальное предпринимательство как источник социальных изменений в современной экономике: системный подход // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 17. № 2. С. 99-111.
6. Кошарная Г.Б. Мотивация современных российских предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (36). С. 146-154.
7. Молчан В.А. Основные проблемы привлечения молодежи к предпринимательской деятельности // Вестник современных исследований. 2018. № 12 (27). С. 238-241.
8. Поаншваль Н.С. Социальное предпринимательство как инновационный инструмент решения социальных проблем в рыночной экономике // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 25. С. 170-176.
9. Рождественская И.А. Социальное предпринимательство как форма самоорганизации граждан // Самоуправление. 2021. № 1 (123). С. 402-404.
10. Семенова Д.А. Социальное предпринимательство: формирование нового механизма социального развития // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2016. № 4. С. 102-108.
11. Федоронин Н.В. Социальное предпринимательство как элемент городской социальной инфраструктуры // Социология. 2022. № 3. С. 220-223.

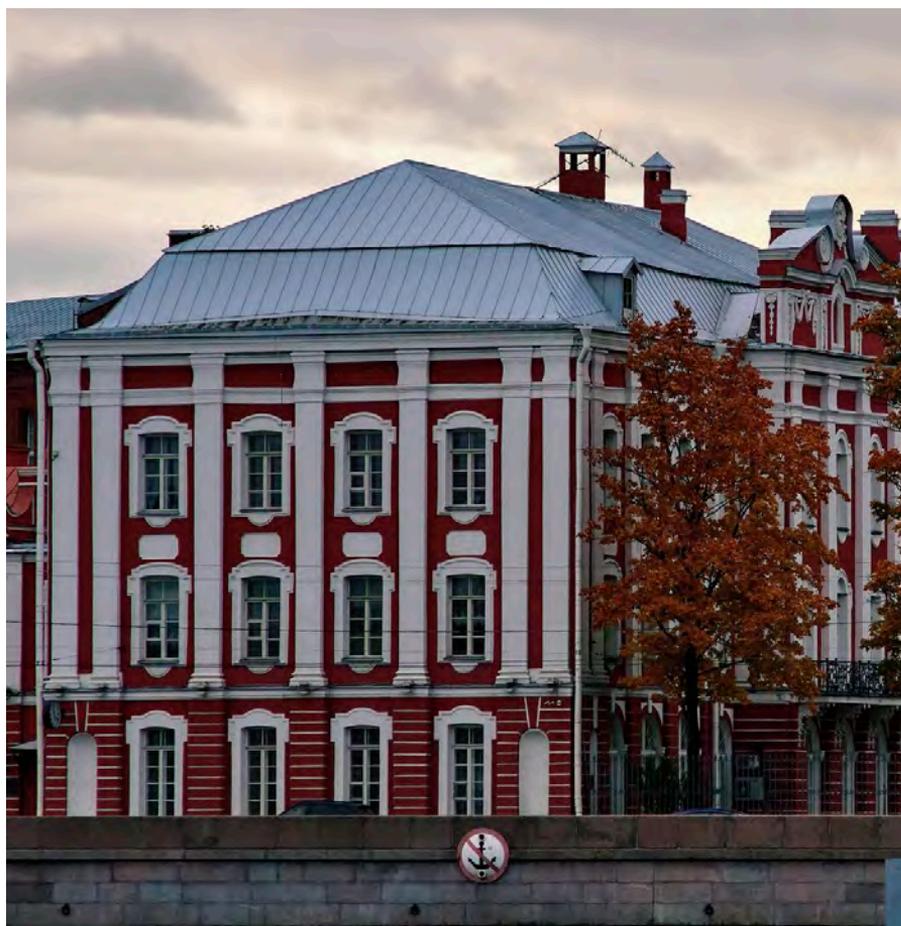
12. Исследовательская группа «Циркон». Официальный сайт. // URL.: <http://www.zircon.ru> (Дата обращения: 17.12.2022).
13. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.
14. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.
15. Rogatko S.A. Государственная научная и техническая политика по развитию сельскохозяйственного производства и пищевой переработки в России во второй половине XIX - начала XX вв. // Власть истории – История власти. 2021. Том 7. Часть 3. № 29. С. 287-297.
16. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШООС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.
17. Трошкина Н.Г. Волнения монастырских крестьян, приписных к вотчинам Новоерусалимского монастыря в середине XVIII века // Власть истории – История власти. 2022. Том 8. Часть 5. № 39. С. 10-14.
18. Гаврилиди Я.Н. Внешнеполитические действия Греции в создании греко-сербского союза 1913 г. // Власть истории – История власти. 2022. Том 8. Часть 5. № 39. С. 80-88.

Bibliography

1. Bestaeva L.I. Entrepreneurship of the region: state and dynamics of development // Economics and entrepreneurship. 2015. № 8. P. 1119-1122.
2. Bondarenko V.A., Poluyanova N.V. Social entrepreneurship in the implementation of regional socio-economic policy focused on territorial development // Bulletin of the Rostov State University of Economics. 2020. № 2 (70). P. 38-45.
3. Borisenko E.V., Poltavskaya M.B. Coworking and social entrepreneurship: points of interaction // Successes of modern science and education. 2017. Vol. 7. № 2. P. 118-121.
4. Danakin N.S., Shavyrina I.V., Demenenko I.A. Technology for the development of social entrepreneurship in the youth environment // Ethnosocium and international culture. 2021. № 6 (156). P. 71-83.
5. Degtyareva S.V., Degtyareva T.O. Social entrepreneurship as a source of social changes in the modern economy: a systematic approach // Bulletin of the Omsk University. Series: Economy. 2019. Vol. 17. № 2. P. 99-111.
6. Kosharnaya G.B. Motivation of modern Russian entrepreneurs // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2015. №4 (36). P. 146-154.
7. Molchan V.A. The main problems of attracting young people to entrepreneurial activity // Bulletin of Modern Research. 2018. № 12 (27). P. 238-241.
8. Poanshval N.S. Social entrepreneurship as an innovative tool for solving social problems in a market economy // Modern trends in economics and management: a new look. 2014. № 25. P. 170-176.
9. Rozhdestvenskaya I.A. Social entrepreneurship as a form of self-organization of citizens // Self-government. 2021. № 1 (123). P. 402-404.
10. Semenova D.A. Social Entrepreneurship: Formation of a New Mechanism of Social Development // Bulletin of the Moscow Financial and Legal University MFYuA. 2016. № 4. P. 102-108.
11. Fedorinin N.V. Social entrepreneurship as an element of urban social infrastructure // Sociology. 2022. № 3. P. 220-223.
12. Research group "Zircon". Official site. // URL: <http://www.zircon.ru> (12.17.2022).
13. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.
14. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.
15. Rogatko S.A. State scientific and technical policy on development of agricultural production and food processing in Russia in the second half of the XIX – beginning of XX centuries // The Power Of History – The History Of Power. 2021. Volume 7. Issue 3. № 29. P. 287-297.
16. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.
17. Troshkina N.G. Unrest of the monastery peasants assigned to the estates of the New Jerusalem Monastery in the middle of the 18th century // The Power Of History – The History Of Power. 2022. Volume 8. Issue 5. № 39. P. 10-14.
18. Gavrilidi Y.N. The foreign policy actions of Greece in the creation of the Greek-Serbian Alliance in 1913 // The Power Of History – The History Of Power. 2022. Volume 8. Issue 5. № 39. P. 80-88.

A

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

Давиденко Я.О.

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

Никонов С.Б.

*Доктор политических наук, профессор
Кафедры международной журналистики СПбГУ.
Санкт-Петербургский государственный университет.*

Пую Ю.В.

*Доктор философских наук, профессор Кафедры философии
Института философии человека РГПУ имени Герцена.
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена.*

Теоретическое обоснование феномена интермедиаальность в современной науке

Феномен интермедиаальность и производный от него более узкоспециализированный термин трансмедийность прежде всего связывают с революцией в медиа и появлением новых форм повествования, а также каналов коммуникации, в основе которых лежит связь между медиа и искусством. Данное утверждение является правдивым лишь от части, так как в основе ранее упомянутых понятий лежат глубокие философские вопросы в отношении развития языка, культуры и коммуникации в целом.

В наиболее широком смысле интермедиаальность представляет собой любое взаимодействие между несколькими различными медиа для осуществления коммуникации. Размытость этой формулировки указывает на отсутствие исчерпывающего, но в то же время достаточно точного определения для понятия интермедиаальность. Многие исследователи в зависимости от сферы своих научных интересов, будь то филология, изучение масс-медиа или культурология, определяют интермедиаальность по-разному, притом, что основной смысл данного феномена остаётся неизменным. И в данном случае основная трудность скрывается в гносеологических вопросах по типу: что такое медиа? Что из себя представляет язык? Что можно считать элементом языка или коммуни-

кации? Очевидно, что в зависимости от области знаний ответы на данные вопросы будут отличаться, так как для этого будут использоваться разные понятия, объекты и определения. Также эту проблему усугубляет не только разнообразие областей научного знания, но и развитие человеческой цивилизации в целом. Появление новых способов коммуникации, таких как социальные сети, мессенджеры и метавселенные, а также новых видов искусств по типу комикса приносит ещё больше трудностей в вопросах формулировки научных определений и классификаций различных объектов и феноменов. Каждый из специалистов и работников в определённой области будет называть совершенно разные объекты в качестве медиа и будет отчасти прав.

Однако, опираясь на онтологические признаки понятия интермедиаальность, можно выделить два условных направления для его исследования:

- Интермедиаальность в искусстве и литературе, в основе которой лежат теория диалога культур М. Бахтина [1] и феномен интертекстуальности, обозначенный в работах Ю. Кристевой. Согласно которым любой текст всегда взаимодействует с другими текстами и иными формами искусства путём прямых и не прямых отсылок, а также цитат, тем самым образуя некий культурный и временной пласт.

- Интермедиаальность в медиа, основанная на множестве теорий в области медиаисследований, включая феномен трансмедийного сторителлинга Г. Дженкинса [8], новую журналистику Т. Вулфа [3] и в некотором роде медиаконвергенцию, хотя в данном случае стоит отметить, что интермедиаальность подразумевает не слияние, а именно взаимодействие нескольких медиа. Данное направление в основном сфокусировано на исследовании взаимодействия интермедиаальных форм и каналов коммуникации [4].

Говоря о работах М. Бахтина, мы имеем ввиду не одну, а несколько его работ: «К философии поступка», «Эстетика словесного творчества», «Вопросы литературы и эстетики», «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Интертекстуальность в работах Ю. Кристевой обозначена в ее работах: «Семиотика: Исследования по семанализу» [6] и «Текст романа» [5].

Помимо этого, можно выделить два исследовательских подхода к пониманию самого феномена интермедиаальность – «структуральный» и «формальный». Согласно идеям относящимся к «структуральному» под-

ходу в изучении интермедиальности, интермедиальность понимается как «концептуальное сотрудничество различных медиа», которое создаёт условную основу для формирования большого единого текста, представленного для аудитории. Концепции, относящиеся к «формальному подходу», воспринимают интермедиальность как систему связей между медиа, ведущих к качественному развитию данных медиа. Исследователь Йенс Шрётер [9] предлагает синтез двух данных подходов, выделяя следующие типы интермедиальности:

- синтетическая (синтез двух медиа и возникновения интермедиаума);
- трансмедиальная (репрезентация в одном медиуме концептов и структур другого медиума);
- трансформационная (репрезентация одного медиума в другом), онтологическая (выявление свойств одного медиума через сопоставление с другими) [2].

Прежде всего, следует отметить, что интермедиальность основывается на основных положениях уже упомянутой теории интертекстуальности. Согласно им:

- каждый текст состоит из цитат других текстов;
- каждый текст кодирован множеством кодов;

Понятие интермедиальности предполагает следующее:

- художественная форма активно участвует в информационном обмене (семиотизация формы);
- художественные формы разных видов искусства обладают специфическими чертами, которые определяются особенностями сознания (дифференциация форм);
- художественные формы разных видов искусства находятся в состоянии взаимообмена и взаимодействия друг с другом (релятивизация форм) [7].

Другим важным аспектом, а также неотъемлемым атрибутом понятия интермедиальности выступает феномен амбивалентности повествования, который позволяет текстам обладать самодостаточными нарративами, при этом одновременно являясь составными единицами одной большой истории. Схожую интерпретацию можно также обнаружить и отношении ранее упомянутого феномена трансмедийного сторителлинга, концептуально происходящего от другого популярного в медиаисследованиях термина, называемого интертекстом или интертекстуальностью. Сама же интертекстуальность граничит с другими смежными по смыслу концепциями по типу «диалогизма»,

«транстекстуальности», «интеркомпозиционными отношениями» и базируется на восприятии повествовательного контекста в виде диалогического взаимодействия нескольких текстов, иначе говоря, своеобразного соотношения одного текста с другим. В качестве литературного или даже повествовательного феномена интертекстуальность существует уже очень давно, проявляясь либо посредством цитирования и непосредственного обращения к другим текстам в рамках одного текста, или же в качестве разнообразных пересказов и интерпретаций идей, историй, смыслов и сюжетов, которые были уже ранее обозначены в иных произведениях. Важно понимать, что интертекст в онтологическом плане является весьма комплексным и всепроникающим явлением, затрагивающим в принципе всю культуру взаимодействия с информацией, при этом выступая своеобразным маркером постмодернизма в этой области. Интертекстуальность потенциально можно воспринимать в качестве особой категории открытости текста. С её помощью текст способен вступать в отношения с другими текстами независимо от их жанра, стилистики, или языковой принадлежности, так как в данном случае особая связь между объектами носит семантический характер. Собственно, исходя из этого, любой текст можно считать интертекстом, в случае если он формирует или выступает частью контекста, при этом предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих ему текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым авторским текстом и другим, предшествующим ему существует общее интертекстуальное поле или пространство, которое содержит в себе весь культурно-исторический опыт или ранее упомянутый информационный контекст, который можно считать особой системой. Концепт интертекстуальности следует воспринимать как теорию безграничного текста, имеющего смысловую связь с каждым своим фрагментом. Другой важный момент заключается в том, что интертекстуальное множество, включающее в себя самодостаточные смысловые единицы, процессе создания и развития собственного дискурса теряет условный субъект повествования. Происходит это, потому что субъект сам становится неотъемлемой единицей дискурса и, можно сказать, растворяется в нём. Необходимо понимать, что дискурс в отличие от утверждения или устного заявления не зависит от автора, он существует и развивается внутри самого себя, ситуативно взаимодействуя с другими дискурсами.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
2. Бушев А.Б. Лингвистика интертекстуальности и интермедальности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2019. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-intertekstualnosti-i-intermedialnosti> (Дата обращения: 22.10.2022).
3. Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики. – СПб.: Амфора, 2008.
4. Джумайло О.А. Понятие интермедальности и его эволюция в современном научном знании // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-intermedialnosti-i-ego-evolyutsiya-vsovremennom-nauchnom-znani> (Дата обращения: 30.10.2022).
5. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
6. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. с фр. Е.А. Орловой. — М.: Академический проект, 2013. 285 с.
7. Яровикова В.О. Референциальная интермедальность медиатизированного религиозного дискурса: отсылки к книге Бытия в очертках на портале «Православие и мир» // Интертекстуальность художественного дискурса: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.) / Сост.: Исаев Г.Г., Боровская А.А., Громова Т.Ю., Целовальников И.Ю.; под ред. Завьяловой Е.Е. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2018. С. 30-40.
8. Jenkins H. Transmedia Storytelling // «MIT Technology Review». 2003.
9. Schroeter J. Archive Post/Photographic//Photo/Byte, Media Art Net. // URL: http://www.medienkunstnetz.de/themes/photo_byte (Дата обращения: 30.10.2022)

Bibliography

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. – M.: Art, 1986.
2. Bushev A.B. Linguistics of intertextuality and intermediality // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 6, Linguistics: Abstract journal. 2019. No. 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-intertekstualnosti-i-intermedialnosti> (10.22.2022).
3. Wolf T. New Journalism and Anthology of New Journalism. - St. Petersburg: Amphora, 2008.
4. Dzhumaylo O.A. The concept of intermediality and its evolution in modern scientific knowledge // Upper Volga Philological Bulletin. 2018. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-intermedialnosti-i-ego-evolyutsiya-vsovremennom-nauchnom-znani> (10.30.2022).
5. Kristeva Yu. Selected Works: The Destruction of Poetics. - M.: Russian political encyclopedia, 2004.
6. Kristeva Yu. Semiotics: Studies in semantic analysis / per. from fr. E.A. Orlova. - M.: Academic project, 2013. 285 p.
7. Yarovikova V.O. Referential Intermediality of Mediatized Religious Discourse: References to the Book of Genesis in Essays on the Portal "Orthodoxy and the World" // Intertextuality of Artistic Discourse: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Astrakhan, April 20, 2018) / Comp.: Isaev G.G., Borovskaya A.A., Gromova T.Yu., Tselovalnikov I.Yu.; ed. Zavyalova E.E. - Astrakhan: Publishing house. House "Astrakhan University", 2018. P. 30-40.
8. Jenkins H. Transmedia Storytelling // MIT Technology Review. 2003.
9. Schroeter J. Archive Post/Photographic//Photo/Byte, Media Art Net. // URL: http://www.medienkunstnetz.de/themes/photo_byte (30.10.2022)

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева*

Махмутова Р.Г.

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра изучения экстремизма и радикализма
при Московском Экономическом Институте (ЦИЭР), доцент КФУ.*

Шибанова Н.А.

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Центра изучения экстремизма и радикализма
при Московском Экономическом Институте (ЦИЭР), доцент КФУ.*

Управление антитеррористической деятельностью: конфликтологический анализ на материалах Республики Татарстан

Зиммель Г. указывал, что конфликт есть форма социализации и клапан системы, снимающий напряжение и помогающий отрегулировать нормы и отношения в обществе в соответствии с происходящими изменениями, «человек может сделаться единым в форме личности скорее через конфликт тех обязательств, которые налагают на индивида разные группы, чем через гармонию этих обязательств» [20].

Авторы будут исходить, из того, что нереализованные потребности, выступая элементом социальной идентичности, могут оказывать влияние на принятие решений в пользу установок на вражду и ненависть, конфликтному характеру взаимодействия и перерасти в экстремизм, и в последующем - в терроризм. Выбор молодыми людьми враждебности, как способа реагирования на трудные жизненные ситуации, наряду с недостаточным уровнем у них критического мышления, навыков саморегуляции требует новых подходов к распространению среди молодежи конструктивного восприятия и реагирования на факты личного неблагополучия, не допускающих разрастания деструктивных конфликтов и их перехода в форму экстремизма. Полагаем, что компетенция конфликтоустойчивости выступает ресурсом ослабления социальной напряженности в сообществах и будет способствовать формированию антиэкстремистского и антитеррористического сознания. Альтернативой экстремизму и терроризму может стать идея о признании ценности инаковости, восприятия языка недовольства и враждебности как ощущения

угрозы идентичности мнимой или реальной, как сигналах о помощи и неблагополучия, дефиците доверия.

Рассмотрение конфликта как формы социализации позволяет наметить контуры для успешного входа и выхода в конфликтное взаимодействие, возникающее в семье, социальном окружении, отношениях с полиэтнической и поликонфессиональной средой. Отражением конфликтоустойчивости в разрезе безопасности может стать гражданская идентичность. Гармоничное сочетание в личности когнитивного, эмоционального и поведенческого уровней гражданской идентичности формирует ответственность за состояние межэтнического и межконфессионального согласия. У носителя позитивной гражданской идентичности происходит «отождествление себя с гражданами страны и государственно - территориальным пространством, наличие представлений о государстве и стране, «образ Мы», чувство общности, солидарности, ответственности за происходящее в обществе» [16, с. 8].

Для конфликтологического анализа антитеррористического сознания значимыми являются такие составляющие гражданской идентичности и межэтнического согласия, как «способность договариваться, умение слушать, понимать друг друга, известная саморегуляция» [16, с. 7]. Таким образом, высокий уровень гражданской идентичности связан с коммуникативной компетентностью, умением осуществлять эффективную коммуникацию.

Особенно важными для нашего исследования является конфликтологический анализ управления процессами безопасности, предполагающий выявление компонентов управления антитеррористической деятельностью и рассматривающий проявления экстремизма как способ разрешения конфликта, возникающего между личностью и обществом, либо внутри отдельной личности. Другими словами, в центре внимания стоит процесс управления конфликтом в виде экстремизма, при этом под управлением конфликтом понимает контроль над ним, устранение опасности применения насилия, предотвращение эскалации, стремление к исходу, лучшему для всех одновременно, установление позитивных прямых и обратных связей [15, с. 59].

Целью статьи является анализ практик управления антиэкстремистской и антитеррористической деятельностью, выработка альтернативы разрешения конфликта, при котором экстремистская идеология, радикализация личности объясняется моделью остракизма Вильямса К.Д. [23, P. 425-452], то есть нарушением потребностей в принадлежности, само-

уважении, контроле, осмысленном существовании. Модель остракизма Вильямса К.Д. дополняется теорией поиска значимости Круглански А.Д. Веббера, основанной на потребности в значимости, нарративах/идеологии и т.д. [22, Р. 270-285].

Ценности также выступают элементом идентичности, именно на их роль указывает Атран С., отмечая, что участие человека в террористической сети обеспечивается за счет священных ценностей, как эволюционного механизма выживания и соперничества, и не является рациональным выбором человека. По его мнению, групповая солидарность и мышление, совместное поведение, приверженность общей морали обеспечивают вовлечение молодых людей в идеологию и практику экстремизма [1, Р. 576]. Теория фатического насилия, основанная на отношениях/посредничестве, а не на информации объясняет создание или поддержание связей и общения, в ходе которого структурируется и регенерирует узы антипатии [21, Р. 310-329]. Хухлаев О.Е., Павлова О.С. отмечают роль «когнитивной уязвимости», потери личной значимости, интеллектуальной скромности, потребности в когнитивной завершенности приводят к поддержке радикальных идей [17, с. 87-102].

Противоположные интересы сторон конфликта выражаются в том, что террористы, веря в успех операции, стремятся выдвинуть требования, принудить власти пойти на соглашение путем устрашения, наказания «не справедливой власти», тогда как последние желают провести антитеррористическую операцию и не признают экстремистов в качестве легитимного игрока. Используемое в теории конфликта положение о не реализованных потребностях и столкновении интересов как причины конфликтов, так же способно объяснить причины радикализации. Сторона конфликта, испытывая фрустрацию потребностей в безопасности, значимости, применяет насилие, и играет роль героя/жертвы, посредством чего к ней возвращается собственная значимость.

При раскрытии собственно темы управления антитеррористической деятельностью в литературе используются такие термины как перспектива регулирования угроз, логика антитеррора. Регулирование угроз насильственного экстремизма предлагается выделить в качестве переменной в системе мер противодействия экстремизму [19, с. 719]. По мнению Пеуновой М., регулирование угроз состоит в управлении эмоциями и создании доверия, а так же уменьшении угроз (расизм, неравенство, изоляционализм, дискриминация), которое способно предотвратить терроризм и стимулировать дерадикализацию. Она же предлагает рассма-

тривать экстремизм как компенсаторное поведение по восстановлению смысла существования и способности человека справляться с вызовами [12, с. 381].

Управление антитеррором, по мнению Светлова В.А., состоит в том, чтобы научить потенциальных террористов решать проблемы общепринятыми способами. В работе Светлова В.А. террористический акт позиционируется как конфликтная ситуация, имеющая структурные особенности, которая вынуждает обоих игроков отвергать возможность принятия позиций друг друга, и выбрать исполнение угрожающего будущего – открытой конфронтации. Управление конфликтом видится в создании всеобъемлющей системы безопасности, при которой можно было бы настолько усилить угрожающее будущее террориста – открытую конфронтацию, лишить ценности террористический акт, сделать достижение угрожающего будущего бессмысленным, заставив отказаться от выполнения своих намерений. Таким образом, исследователи, опираясь на различные подходы, согласны с тем, что деструктивному способу разрешения конфликта в виде экстремизма и терроризма способствуют «сбои» как в структуре (интересы, ценности, потребности, знания, эмоции), так и функционировании (коммуникация, взаимодействие) позитивной гражданской идентичности.

Результаты

Если исходить из того, что экстремистские проявления являются результатом конфликта, то значит, для его предотвращения к нему можно применить технологии, используемые для управления социальным конфликтом. Такие управленческие воздействия на конфликт как выявление симптоматики, разрешение, диагностика, прогнозирование, профилактика, предупреждение, урегулирование, ослабление ложатся в логику антитеррористической деятельности.

В республике Татарстан выстроена многоуровневая система профилактики с использованием групповых и индивидуальных форм, и адресной работы с лицами, подверженными воздействию идеологии экстремизма или уже вовлеченными в экстремистские группы. Как обозначают власти, целью профилактики является «минимизация уровня начального непонимания или предпосылок для развития идей, следствием которых могут являться различные негативные последствия» [3, с. 90]. В разработанных рекомендациях акцент делается на межличностной коммуникации, которая сравнивается с профилактикой деструктивных действий.

Большинство конфликтов решаются при помощи договоренностей, следовательно, специалист, занятый гармонизацией межличностных отношений, должен владеть навыками коммуникации, вызывать доверие. Способность общаться открывает возможности для личностного роста, горизонтальные связи названы одним из самых надёжных ресурсов человека в обществе [3, с. 91]. В тоже время механизмы реализации данных навыков не встречаются в реальных профилактических мероприятиях.

Дерадикализация участников деструктивных групп выступает механизмом предотвращения социального конфликта. Она связана с восстановлением самоуважения, изменением отношения к деструктивным группам, дистанцированием от прежнего социального окружения. В современной историографии отсутствуют научные работы, раскрывающие опыт дерадикализации на региональном уровне, в тоже время анализ сообщений в СМИ позволяет выявить субъекты ресоциализации - общественные помощники из числа религиозных служителей, осуществляющие духовное служение в исправительных учреждениях, что часто приводит к снижению радикализации в местах лишения свободы.

Анализ радикализации происходящий на региональном уровне позволил выявить следующие причины вступления в деструктивное общество: отсутствие перспектив, переоценка ценностей, кризисные ситуации, семейные дисфункции (холодная эмоциональная связь, гиперопека, отсутствие отца, психологические травмы), миграция, проблема с самореализацией, проблемы со здоровьем/зависимости [11, с. 376-377]. Агентами радикализации выступают «друзья» и/или криминальные связи (66%), религиозные (21%) и родственные (10%) связи, «Интернет» 3% [11, с. 378]. Работа с данными агентами требует дифференцированного подхода, и говорит о действии структурных факторах, приводящих к радикализации в отдельных сообществах. В республике семьям, члены которых были участниками террористических групп оказывается содействие в поиске работы, трудоустройстве, производится выплата пособий по безработице, предоставляется психологическая и правовая помощь. В частности, в 2020 году 287 человек из семей особого внимания получили меры социальной поддержки [5, с. 82].

Постконфликтное управление можно увидеть в деятельности специализированных центров Республики Татарстан, оказывающих поддержку родственникам или близким лиц, подвергшихся радикализации, которые сталкиваются с изменениями у члена семьи, подпавшего под влияние деструктивной идеологии. В процессе этой работы разъясняют-

ся противоречия в идеологии террористических организаций, методы манипуляции, раскрываются формы позитивного воздействия на детей при выходе из деструктивных структур. К профилактике привлекаются отбывшие заключение, бывшие члены террористических организаций, которые в процессе собственной реабилитации, оказывают стабилизирующее воздействие на других.

Разрешение конфликта состоит так же в укреплении психологических служб (телеграмм канал для психологов <https://t.me/rcorientir>), в информировании родителей о социально-опасных тенденциях и угрозах через мессенджеры <https://t.me/secureyourchild>.

К мерам профилактики относиться и решение проблемы буллинга, для чего организуются дискуссионные площадки экспертов, педагогов, психологов. В образовательном стандарте (ФГОС) от 2021 года содержится положение, о том, что школьники должны иметь представление о природе травли, защиты от нее и пр. В тоже время сведений о внедрении антибуллинговых программ авторы не встречали. На региональном уровне небольшая группа учащихся приняла участие в исследовании буллинга как группового феномена, происходит расширение методологии его исследования, планируется разработка методик противодействия психологическому насилию.

Инструментом управления антитеррористической работы является мониторинг, в рамках которого происходит регулярное анкетирование школьников, изучение их уровня благополучия, поиск детей, имеющих сложности и проблемы, которые могут попасть в зону внимания деструктивных организаций. В Государственной программе «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014 - 2025 годы» указаны целевые индикаторы и показатели, свидетельствующие о существовании дисфункций в обществе. Определим показатели конфликтогенности: количество (динамика) преступлений, совершенных на 100 тысяч населения (единиц); доля населения, оценивающего меры борьбы правоохранительных органов с проявлениями терроризма и экстремизма (процентов) как удовлетворительные; доля населения, осуждающего политически мотивированное насилие (процентов); число несовершеннолетних, состоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (человек) [5].

Ведется мониторинг республиканского сегмента сети Интернет, а также печатных СМИ позволяет выявлять материалы деструктивной и экстремистской направленности. С целью профилактики и предотвращения

конфликтов на социальной, этнической и конфессиональной почве организован мониторинг психолого-лингвистических, религиоведческих, политологических материалов, распространяемых в Республике Татарстан.

Сформированы целевые показатели безопасности, по которым может быть оценена динамика снижения проявлений экстремизма и терроризма в социуме. Среди них уменьшение количества преступлений террористической направленности, формирование атмосферы нетерпимости к террористической деятельности, неприятия идеологии терроризма, снижение количества материалов экстремистской и террористической направленности в медиасреде, повышение уровня знаний об алгоритме действий при столкновении с террористической угрозой [6, с. 53]. Сформирован образ желаемого будущего безопасности: совершенствование деятельности по профилактике правонарушений и преступлений в Республике Татарстан; повышение уровня защищённости жизни и спокойствия граждан, проживающих на территории Республики Татарстан, их законных прав и интересов на основе противодействия экстремизму и терроризму, профилактики и предупреждения их проявлений в Республике Татарстан; развитие инфраструктуры региональной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, социальной реабилитации несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом [8, с. 145].

Диагностика установок на агрессию реализуется при помощи социально-психологического тестирования и мониторинга психологической безопасности образовательной среды среди обучающихся общеобразовательных, профессиональных организаций и студентов образовательных организаций высшего образования. В республике создается методология раннего выявления девиантного поведения, которое может привести к склушутингу. Она предполагает медицинское психологическое обследование, изучение школьной среды, выявление причин возникновения факторов девиантного поведения с использованием методов нейропсихологии, психиатрии, педагогики, криминологии. Согласно результатам регионального исследования учителя не фиксируют случаи издевательств, либо видят, редко называя их оправданными в ситуации провокации, учащиеся сообщали, что регулярно сталкиваются с издеательствами [18, с. 469-491].

Предупреждением экстремизма может выступать создание альтернативы экстремистской деятельности. В качестве альтернативы предлагаются идеи взаимоуважения, принятия полиэтничности и поликонфес-

сиональности российского общества, недопустимость нетерпимости, жестокости, агрессии [9, с.]. Важное внимание придается технологиям воспитания и формирования общегражданской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма. Патриотизм определяется как нравственный принцип и антипод шовинизма, формируемый в ходе поисково-музейной работы, патриотических акций, военно-исторической реконструкции. Ведущая роль в формировании патриотизма отводится государству, школе, семье. Полагаем, что альтернативы могут дополнить внимание к проявлениям личного неблагополучия личности подростка, угрозам идентичности обеспечит раннюю профилактику насилия. Для регулирования конфликта, с целью недопущения его трансформации в экстремистские проявления особое значение приобретают коммуникативные навыки. С другой стороны, повышенное внимание к психологическому анализу условий радикализации приводит к недооценке других факторов, приводящих к конфликтогенности личности, а именно – не развитой культуры выражать недовольство, низких коммуникативных навыков, проблем критического мышления, отсутствия доверительных отношений на уровне семьи и общества. Рост случаев решения конфликтов с позиций силы в образовательных организациях, травля сверстников в социальных сетях свидетельствует о проблемах, связанных с выражением агрессии, не умением согласовывать интересы. Полагаем, что внимание к эмоциональному интеллекту будет способствовать снижению непонимания между субъектами, переходящего в агрессию. Укрепление института наставничества, повышение чувствительности к идеям толерантности среди молодых людей, гармонизация социальной идентичности позволит снизить проявления деструктивных форм личности.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом № 1897 Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г., ориентирован на формирование коммуникативных характеристик выпускника «...как уважающего других людей, умеющего вести конструктивный диалог, достигать взаимопонимания, сотрудничать для достижения общих результатов» [14, с. 5]. Развитие навыков переговоров, умения осознанного участия в конфликте через определение собственной роли в его возникновении, признание его неизбежности, а, следовательно, необходимости его решения безопасным для себя и окружающих способами. Понимание содержащегося в нем потенциала к изменениям, наряду с

эмоциональными потерями могут стимулировать как личностное, так и общественное развитие.

Профессионализация ближайшего окружения молодых людей, создаст сообщество, которое будет иметь ресурсы для разработки профессиональных компетенций специалистов, работающих в сфере профилактики экстремизма и терроризма. Согласно плану, специалист должен организовывать межведомственное взаимодействие при проведении профилактических мероприятий, при возникновении угрозы террористического акта, экстремистских выступлений или ликвидации их последствий. Специалисты, ответственные за формирование антитеррористического мировоззрения у родителей обучающихся, должны владеть приемами антитеррористической защиты детей, проводить антитеррористическую пропаганду среди населения, разрабатывать и реализовывать мероприятия по профилактике и коррекции социально деструктивного и дезадаптированного поведения обучающихся, с выявленными факторами риска.

Тема коммуникативных навыков раскрывается в связи с принятием решений в экстремальной ситуации – криминально-бытовом конфликте, теракте с захватом заложников, поведением в деструктивном конфликте. Раннее распознавание деструктивной мотивации человека, своевременная диагностика угроз террористического акта и экстремистских проявлений молодежи, входящей в группу риска, в том числе со стороны семей занимает особое место в структуре компетенций.

Работу с семейными дисфункциями ведет общественный воспитатель, устанавливая имеющиеся в семье проблемы, создает условия для искоренения вредных привычек и проявлений аморального поведения, подготавливает его к сознательной деятельности. В результате работы с подростком формируются мягкие навыки, как показатель гибкости мышления и успешной интеграции в сообщества, специалист развивает навыки общения, поведения, правосознания, правовой культуры (ответственности за правонарушения, знаний о его правах и обязанностях как гражданина), формирует позицию активного участника, а не наблюдателя при проведении мероприятий.

Обучение школьников цивилизованно выходить из конфликтов происходит в процессе деятельности создаваемых школьных служб примирения. Службы нацелены на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении. В сфере безопасности для молодых людей разработаны интеллектуальная, ситуативная и

социальная компетенция. Социальная компетентность наиболее близка к межличностному общению, она обеспечивает способность к бесконфликтному общению, умению сотрудничать, поддерживать добрые отношения с людьми, оказывать социальную и психологическую помощь, эффективно взаимодействовать в команде [3, с. 92].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что формируется среда, обладающая компетенциями по реагированию на риски в образовательном процессе, связанные с психологическим состоянием учеников. Педагоги должны демонстрировать готовность составить карту профилактики вовлечения молодежи в объединения антисоциальной, деструктивной направленности, оказывать психолого-педагогическую помощь детям в кризисной ситуации. В публикациях акцентируется внимание на необходимость работы с чувством одиночества, депрессии у детей, изоляции, буллинга, аутоагрессии. Полагаем, что рассмотрение данных состояний в отрыве от техник самопомощи и коммуникации будет иметь краткосрочный эффект. Восприятие конфликта как функционального явления в обществе, то есть выполняющего как конструктивные так и деструктивные функции, позволило бы оценивать конфликтную коммуникацию как источник социальных и личностных изменений. Внедрение в образовательный процесс практик по его управлению при помощи развития навыков осознанного присутствия в конфликте и управления эмоциями в нем – злостью, враждой, привело бы к раскрытию потенциала конфликта как возможности для установления контакта и доверительных отношений.

Оказывается помощь подросткам, имеющим длительно не реализованные потребности, развивается критическое мышление у подростков, происходит раскрытие ресурсов, содействие в адаптации. На основе изучения опыта вовлечения молодых людей в террористическую деятельность, стратегии саморадикализации подростков, осознания ими своих заблуждений, отказа от прежних ценностей, возвращения к новой жизни можно определить ожидания молодых людей и эффекты от желаемого состояния после выхода из деструктивных сообществ.

Альтернативой для данной категории может стать объяснение причин увлечения радикальными идеями, понимание того, что принятие и понимание других людей открывает перспективы для успешного взаимодействия как профессионального, так и личного, навыки предотвращения конфликтов на бытовой, социальной, этнической и конфессиональной почве являются вкладом в общественную стабильность.

Анализ публикаций позволяет говорить, что акты насилия связы-

ваются с проблемами психического и психологического благополучия детей. Идея психологической безопасности, положенная в основу профилактики асоциальных явлений, детской агрессии, девиантного поведения, оставляет в стороне проблемную и нарушенную коммуникацию, навыки разрешения споров, процедуры согласования интересов между подростками.

В настоящее время на психолога возложена роль организатора конструктивного диалога между семьей и образовательным учреждением, полагаем, что необходимо расширять ресурсы помогающих профессий, выступающих в качестве посредников и переговорщиков. Происходит профессионализация специалистов помогающих профессий в области раннего реагирования на проблемы детского и семейного неблагополучия, коррекции девиантного и делинквентного (криминогенного) поведения несовершеннолетних; профилактики аутоагрессивного поведения, обучение несовершеннолетних навыкам конструктивного решения конфликтных ситуаций, восстановительные технологии в работе с несовершеннолетними и их семьями. Подчеркивается актуальность разъяснительной работы с родителями, повышения уровня знаний специалистов, работающих с населением, значимости роли психологов в системе образования, повышения психологической грамотности учителей.

Конфликтологическая парадигма просматривается в практике культуры помощи, заключающейся в конструктивном реагировании на новые вызовы, обучения навыкам выработки стратегии помощи и поддержки в ситуации горя, в тоже время мало обосновываются ценности открытой коммуникации, диалога и принятия инаковости.

Обсуждение

Характеризуя модель профилактики, выстраиваемой профильными структурами Республики Татарстан, можно отметить использование ресурсов самой молодежи, работу с кейсами, открытость, признание, того, что представителям деструктивных групп необходимо предложить альтернативные способы самовыражения, при этом не раскрывается содержание альтернатив. Отмечается, что молодёжь негативно воспринимает антиэкстремистский дискурс в связи с использованием консервативного подхода, принудительным характером посещений профилактических мероприятий и т.д. Реакцией на данные тенденции стало внедрение инноваций. В частности, создание института молодежного помощника секретаря Антитеррористической комиссии РТ, что привело к установ-

лению контакта с молодежью при актуализации темы угроз, существующих в современной действительности - буллинг, экстремизм, терроризм, деструктивные группы. Уникальная практика взаимодействия субъектов профилактики из числа активной молодежи с ресоциализированными участниками террористических и преступных организаций обеспечивает реальное понимание процесса входа и выхода в экстремистские организации, структуру деструктивных групп, механизмы защиты от них и трансляцию пагубности данных стратегий для молодых людей. Активное вовлечение участников профилактического воздействия в ответственное создание безопасности осуществляется через планирование и реализацию мероприятий таким образом, чтобы «те, кто являются объектами профилактики, становятся субъектами» [10].

Профилактика состоит из создания информированной среды для молодежи, повышения ее правовой грамотности, через решение злободневных ситуационных задач, что обеспечивает вовлеченность и выработку собственных предложений в решении актуальных проблем.

Происходит активное привлечение гражданского общества в работу по социализации и ресоциализации категорий, нуждающихся в особом внимании. Педагоги получают компетенции в области преодоления личного кризиса учащихся, неблагополучия, форм адресной помощи по увеличению жизнестойкости, работе с последствиями психологической травмы, трудностей, вызовов [8, с. 145]. Акцент сделан на построении межличностных отношений с подростком девиантного поведения, меньше внимания уделяется развитию коммуникативных способностей, умениям находить приемлемые решения для личных затруднений.

В системе профилактического дискурса доминирует тематика современного терроризма, информационного противодействия идеологии терроризма, внимание уделяется формированию поведенческих навыков бдительности, при взаимодействии с открытой манипуляцией, отражения агрессии, через сообщение о распознавании истинных мотивов вербовщика, и понимании алгоритмов идеологической обработки. Обозначился поворот к теме культуры помощи заключающегося в формировании конструктивного реагирования на вызовы, то есть отказа от поиска виновных, чувства мести, к навыкам выработки стратегии помощи и поддержки.

Выводы/заключение

Анализ публикаций позволяет говорить, что управление антитеррористической деятельностью основано на своевременном выявлении

деструктивных факторов, информировании ближайшего окружения о признаках деструктивного поведения, создании условий для адаптации лиц, склонных к насилию, профессионализации кадров, мониторинге деструктивности, дерадикализации.

Семейные дисфункции (насилие, пробелы в воспитании, дефицит доверия), отсутствие отца или плохие отношения с ним названы причинами вовлечения в деструктивные организации. Таким образом, детско-родительские конфликты могут являться определяющими в выборе крайних взглядов. Полагаем, что модель управления конфликтом, должна включать методику определения уровня радикализации, выявления событий ей предшествующих, систематизацию опыта реабилитации лиц, имеющих экстремальный и криминальный опыт. Продуктивным является анализ конфликта, побудившего лицо использовать идеологию и практику экстремизма и терроризма.

Активно используются ресурсы психологии для решения проблем девиантного поведения, оцениваются риски возникновения деструктивных действий в учебных заведениях, в то время как проблема навыков коммуникации, в том числе в конфликтной ситуации, остается мало востребованной.

Профилактика направлена на расширение информационного компонента: выявление причин возникновения деструктивных движений, анализ реальных случаев религиозно-мотивированного экстремизма, суицида, уличного криминала, способов противостояния вербовочной активности и т.д.. Проектная деятельность объектов профилактики состоит в разработке решения кейсов участников деструктивных движений, получения обратной связи от экспертов относительно способов решения ситуаций.

Работа по снижению дезинформации, дезориентации происходит путем формирования навыков идентификации информации в сети, наносящей вред психике, а также навыков противодействия манипуляциям, создания благоприятной информационной среды, развития критического мышления, стрессоустойчивости, навыков противодействия вербовке. Большое внимание уделяется повышению уровня осведомленности и компетенциям по профилактике буллинга и профилактике вовлечения молодежи в деструктивные сообщества. Другим социальным эффектом от профилактического воздействия является получение обратной связи о фактах экстремистских проявлений, с последующим реагированием на личностные затруднения, оценка уровня информированности молодежи

о деструкциях. Молодежь создает контент антитеррористической (раскаianie членов радикальных групп, отбывающих наказание за совершение преступлений террористической направленности, обличение преступлений международных террористических организаций) и патриотической тематики, раскрываются особенности деструктивных организаций, их целей и методов вербовки.

Координационный уровень по линии власть - гражданское общество реализуется при помощи выработки методических рекомендаций об организации деятельности в области профилактики терроризма. Развитие навыков противодействия терроризму и экстремизму происходит посредством раскрытия темы влияния психологических травм на развитие ребёнка, особенностей вербовочной деятельности, реинтеграции детей-участников ИГИЛ в образовательное пространство. Гражданский ресурс профилактики институционализирован и апробирован, либо находится на этапе концептуализации.

По мнению авторов, необходимо развивать программы реагирования не только на призывы возбуждения вражды по различным основаниям, но также на причины неблагополучия, стоящего за речевой агрессией. Говоря о перспективах развития методологии исследования управления угрозами в области радикализации, необходимо сформулировать модель выбора в пользу ценностей обоюдного выигрыша, определить выгоды отказа потенциальных экстремистов от позиции «выигрыш-проигрыш». Авторы уверены, что для достижения значимого профилактического эффекта необходимо масштабирование обучения культуры конфликта, навыкам осуществления стратегии «выигрыш-выигрыш» на уровне всего подрастающего поколения, а не только лиц, нуждающихся в особом внимании.

В изучаемых публикация СМИ практически не поднимались темы работы с молодыми людьми, которые проявляют латентную агрессию, приоритет в работе отдается подросткам из групп риска, находящихся в состоянии внутреннего напряжения, маргинализированной молодежи. Не умаляя значимости работы с детьми, испытывающими проблемы в общении, укажем, что альтернативой может стать умение понять, увидеть друг друга в ситуации конфликта, приобрести навыки нахождения в состоянии отчаяния, не утрачивая при этом способность поиска решения проблемы, которая воспринимаются как безнадежная. Создаются условия для погружения педагогов в проблему агрессии, в тоже время сложно определить степень их вовлеченности и готовности работы с темой психологического здоровья. Вопрос о наличии необходимых специалистов в

достаточном объеме, в организации и финансировании их деятельности остается открытым.

Не ясными остаются приоритетные запросы ресоциализированных граждан, отсутствует информация о практиках возвращения их доверия к обществу и власти, содержание социальной идентичности взамен утраченной, об инструментах возвращения их к диалогу, сотрудничеству имеющих доказанную эффективность, барьеры, возникающие при разрешении ценностных конфликтов, противоречий, у лиц, после их выхода из террористических и экстремистских групп. Конфликтологический анализ, проведенный с учетом отмеченных выше данных, позволит расширить технологии интервенции в этой области, выявить методические проблемы при реализации программ адаптации, разработать их перспективные направления.

Список литературы:

1. Atran S. Talking to the Enemy: Faith, Brotherhood, and the (Un). Harper Collin, 2010. 576 p.
2. Burton J. W. Conflict Resolution as a Political Philosophy // Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application / ed. D. J. D. Sandole and Hugo van der Merwe. Manchester and New York: Manchester University Press, 1993. P. 56.
3. Гайдук по организации мероприятий в сфере профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде. Казань, 2022.
4. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 494-516.
5. Информация о реализации в 2020 году государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности в Республике Татарстан на 2014 - 2025 годы». 82 с.
6. Калашникова Т.В. Система мониторинга: оценка эффективности профилактической работы в сфере информационного противодействия терроризму. / Обзор. НЦПТИ. 2022. № 1 (28). С. 53-56.
7. Козер Л. Функции социального конфликта. М. «Идея-Пресс». 2000, С. 105 — Изд. 3-е, перераб. и доп. — Казань: ГАОУ ДПО ИРО РТ, 2020. 168 с.
8. Комплексный модульный план обучения различных категорий населения в сфере профилактики терроризма и экстремизма с краткими лекциями и презентационным материалом / авт.-сост.: Л.А. Кудряшова, В.В. Герасимова, Т.В. Яковенко, И.Ф. Сибгатулина, Г.А. Шайхутдинова. — Изд.3-е, перераб. и доп. — Казань: ГАОУ ДПО ИРО РТ, 2019. 145 с.
9. Методические рекомендации по организации адресной профилактической работе с лицами наиболее подвержены воздействию идеологии терроризма и взаимодействию с правоохранительными органами по вопросам ее проведения. С. 3.
10. Опыт общественных объединений РТ в профилактике терроризма // URL: <https://antiterror.tatarstan.ru/index.htm/news/2090939.htm>
11. Патеев Р.Ф., Касимова А.В. Радикальное сознание и среда формирования: богословские и социальнопсихологические аспекты. Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / Р.Ф. Патеев, Д.Р. Гильмутдинов, А.А. Закиров и др.; отв. ред. Т.Н. Липатова. – Казань: Издательство АН РТ, 2021. С. 376-377.
12. Пеунова М. Устранение условий формирования движущих сил крайне правого насильственного экстремизма, способствующего терроризму в Соединенных Штатах Америки. Ксенофобия и экстремизм: глобальные вызовы и региональные тренды: сборник научных статей по материалам Международной научной онлайн-конференции, Москва, 26 октября 2021 г. / НОЧУ ВО «Московский экономический институт», Центр изучения экстремизма и радикализма; [науч. ред. В.В. Энгель]. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2022. С. 381.
13. Причинами вовлечения людей в экстремистские организации «предопределено проблемами семьи, от воспитания // URL: <https://antiterror.tatarstan.ru/index.htm/news/1698506.htm>
14. Рекомендации по организации служб примирения на базе общеобразовательных организаций и организаций дополнительного образования детей Республики Татарстан. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования» (редакционно-издательский отдел), 2014. 5 с.
15. Светлов В.А. Управление конфликтом. Новые технологии принятия решения в конфликтных ситуациях. Санкт-Петербург: Издательство Росток, 2003. 136 с.
16. Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М. К. Горшков. Выпуск 3. Потенциал межэтнического согласия как ресурс консолидации российского общества. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 8 с.
17. Хухлаев О.Е. Павлова О.С. Мне известно, что мне ничего не известно. Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов. // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 87-102.
18. Khanolainen D., Semenova E., Magnuson P. Teachers' 'nothing': exploring students' and teachers' perspectives on school bullying with hanewarts-based methodology. Pedagogy, Culture & Society Volume 29, 2021. Issue 3. P. 469-491.
19. Pedersen W.S, Larson C.L. State anxiety carried over from prior threat increases late positive potential amplitude during an

instructedemotionregulationtask // Emotion 2016. № 5. 719 p.

20. Simmel G. Elnteilung in die Moralwissenschaft. Bde. 1–2. Gesamtausgabe. Bde. 3–4 / Hrsgg. v. K. Ch. Köhnke. Frankfurt a. M.: Suhrkarap, 1989 – 1991.

21. Szpunar P. M. Communication and (Un) Inspired Terror: Toward a Theory of Phatic Violence Get access Arrow // Communication Theory, Volume 30, Issue 3, August 2020. P. 310-329.

22. Webber D. et al. The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss induced need for closure fosters radicalization // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. Vol. 114. № 2. P. 270-285.

23. Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425-452. // DOI: 10.1146/annurev.psych.58.110405.085641

Bibliography

1. Atran S. Talking to the Enemy: Faith, Brotherhood, and the (Un). Harper Collin, 2010. 576 p.

2. Burton J. W. Conflict Resolution as a Political Philosophy // Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application / ed. D. J. D. Sandole and Hugo van der Merwe. Manchester and New York: Manchester University Press, 1993. P. 56.

3. Guidebook for organizing events in the field of prevention of extremism and terrorism among the youth. Kazan, 2022.

4. Zimmel G. The conflict of modern culture // Zimmel G. Favorites. Vol. 1. Philosophy of culture. M.: Lawyer, 1996. P. 494-516.

5. Information on the implementation in 2020 of the state program “Ensuring public order and combating crime in the Republic of Tatarstan for 2014-2025”. 82 p.

6. Kalashnikova T.V. Monitoring system: evaluation of the effectiveness of preventive work in the field of information counteraction to terrorism. / Review. NCPTI. 2022. № 1 (28). P. 53-56.

7. Kozler L. Functions of social conflict. M. “Idea-Press” 2000, p. 105 - Ed. 3rd, revised. and additional - Kazan: GAOU DPO IRO RT, 2020. 168 p.

8. Comprehensive modular training plan for various categories of the population in the field of prevention of terrorism and extremism with brief lectures and presentation material / ed.-ed.: L.A. Kudryashova, V.V. Gerasimova, T.V. Yakovenko, I.F. Sibgatullina, G.A. Shaikhutdinova. - 3rd edition, revised, and additional - Kazan: GAOU DPO IRO RT, 2019. 145 p.

9. Guidelines for organizing targeted preventive work with individuals most exposed to the ideology of terrorism and interaction with law enforcement agencies on its implementation. P. 3.

10. The experience of public associations of the Republic of Tatarstan in the prevention of terrorism // URL: <https://antiterror.tatarstan.ru/index.htm/news/2090939.htm>

11. Pateev R.F., Kasimova A.V. Radical consciousness and the environment of formation: theological and socio-psychological aspects. Islam and religious activism in the Republic of Tatarstan: Collective monograph / R.F. Pateev, D.R. Gilmutdinov, A.A. Zakirov and others; resp. ed. T.N. Lipatov. - Kazan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. P. 376-377.

12. Peunova M. Removing the conditions for the formation and driving forces of far-right violent extremism that promotes terrorism in the United States of America. Xenophobia and extremism: global challenges and regional trends: a collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Online Conference, Moscow, October 26, 2021 / NOCHU VO “Moscow Economic Institute”, Center for the Study of Extremism and Radicalism; [scient. ed. V.V. Engel]. - Moscow: Publishing and Trade Corporation “Dashkov and Co”, 2022. P. 381.

13. The reasons for the involvement of people in extremist organizations “are predetermined by family problems, from education // URL: <https://antiterror.tatarstan.ru/index.htm/news/1698506.htm>

14. Recommendations on the organization of reconciliation services on the basis of general educational organizations and organizations of additional education for children of the Republic of Tatarstan. - Kazan: GBU “Republican Center for Monitoring the Quality of Education” (Editorial and Publishing Department), 2014. 5 p.

15. Svetlov V.A. Conflict management. New technologies for decision-making in conflict situations. St. Petersburg: Rostock Publishing House, 2003. 136 p.

16. Scientific notes of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences / Ed. ed. M. K. Gorshkov. Issue 3. The potential of interethnic harmony as a resource for the consolidation of Russian society. M.: FNISC RAN, 2019. 8 p.

17. Khukhlaev O.E. Pavlova O.S. I know that I don't know anything. Socio-cognitive prerequisites for supporting radical views. // Social psychology and society. 2021. Volume 12. № 3. P. 87-102.

18. Khanolainen D., Semenova E., Magnuson P. Teachers' and students' perspectives on school bullying - with a new anti-bullying methodology. Pedagogy, Culture & Society Volume 29, 2021. Issue 3. P. 469-491.

19. Pedersen W.S, Larson C.L. State anxiety carried over from prior threat increases late positive potential amplitude during an instructed-emotion regulation task // Emotion 2016. № 5. 719 p.

20. Simmel G. Elnteilung in die Moralwissenschaft. Bde. 1–2. Gesamtausgabe. Bde. 3–4 / Hrsgg. v. K. Ch. Köhnke. Frankfurt a. M.: Suhrkarap, 1989 – 1991.

21. Szpunar P. M. Communication and (Un) Inspired Terror: Toward a Theory of Phatic Violence Get access Arrow // Communication Theory, Volume 30, Issue 3, August 2020. P. 310-329.

22. Webber D. et al. The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss induced need for closure fosters radicalization // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. Vol. 114. № 2. P. 270-285.

23. Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425-452. // DOI: 10.1146/annurev.psych.58.110405.085641

Развитие религиозных верований абазин

Языческие верования представляют из себя систему взаимодействия человека и окружающей среды, социума и природы. При этом происходит надделение явлений природы сверхъестественной силой: обожествляются животные и растения, небесные светила, вода и камни и т.д. Такую систему религиозных представлений мы будем вслед за С.А. Токаревым называть «племенными культурами», считая термин «языческие религии» принадлежащим церковно-миссионерской литературе, а не научной [1, с. 24]. Синонимом определению «племенные культуры» будет термин «домонотеистические верования». Этнографические, фольклорные, исторические данные позволяют нам сделать попытку реконструкции племенных культов абазин. Такая реконструкция основывается на данных языка и так называемых «пережиточных» мотивах, рассеянных в песнях, танцах, обрядах и т.д. Эти мотивы, утратившие свой первоначальный контекст, испытали огромное влияние более поздних религиозных систем, и стали частью христианских и мусульманских культовых практик. В то же время собственно абазинские культы неотделимы от культов, общих для адыго-абхазского, а шире и для всего кавказско-иберийского культурного ареала. Языческие верования тесно переплетены с мифологическими представлениями об устройстве мира, божествах, первочеловеке.

В полевой практике мы соприкоснулись с рудиментами языческих представлений, хранящихся в памяти одного из информантов. Так, Куначев Абубекир назвал целый пантеон древних божеств (Ажвейпшва; Айттар; Джьаджъя; Гвында; Ерыш; Дзиуара; Афы), которым поклонялись в домонотеистический период [2]. В памяти людей сохранились, передаваемые через поколения образы давно ушедших божеств, которые являются олицетворением сил природы, ее могущества и в то же время слабости и незащищенности человека перед ее стихиями. В более позднее время эти божества трансформировались под влиянием христианства и ислама, потеряли свои имена, сохранившиеся лишь в отрывочных представлениях, но культы этих божеств не потеряли своей актуальности для обыден-

ного сознания, поскольку с незапамятных времен были они сопряжены с жизненно важными сторонами человеческого существования.

Нельзя не затронуть особое отношение к дням недели. Одни считались удачными, другие - нет. Определенные дни недели наделялись особыми качествами. Вероятно древним верованием является и своего рода персонификация цветовой гаммы, при которой предпочтение отдавалось одному из цветов, в зависимости от ситуации и того обряда, в который включен этот цвет. Абазинские племенные культы, кроме определенных божеств, «отвечавших» за различные явления природы, включали в себя систему ритуально-магических действий, направленных на сохранение нормы и дальнейшего функционирования социума. В них проявляется стремление к воспроизводству социального строя. Эти ритуально-магические действия включены как в обряды жизненного цикла, так и в календарные обряды. Символизация свадебных действий наделяет их религиозным наполнением. Дело в том, что в процессе свадьбы происходит коммуникация с потусторонним (сакральным, священным) миром. Особняком стоит погребальный культ, который направлен на консолидацию социума, и носит ярко выраженный общинный характер. Участие всех членов общины жизненно необходимый фактор существования социума. Связь между ним и людьми, окружавшими его при жизни не прекращается, поэтому все живые родственники и близкие покойного должны производить особые действия, охраняющие их и обеспечивающие ему достойное существование на том свете.

Особый пласт религиозно-мифологических представлений проявляется в нартском эпосе, распространенном как у абазин, так и у многих других народов Кавказа. Герои эпоса живут и действуют в мире, пространственно-временные характеристики которого идентичны соответствующим в мифе. Дошедший до нас нартский эпос является не только памятником мифологических представлений абазин, но и показателем религиозного синкретизма, бытующего в абазинской культуре. Кроме эпоса, в других жанрах фольклора, таких как сказка, загадка, пословица, сохраняются доисламские и дохристианские верования. Религиозные племенные культы сохранившись, пусть и частично, демонстрируют устойчивость формы под воздействием христианства и ислама, вплетаясь в них, и став органической частью последних. Будучи переплетенными с мифологическими представлениями, племенные культы являются определенной реакцией на христианство и ислам.

Широко развиты у абазин аграрные культы, представленные, в значи-

мом аграрном празднике, так как связаны с первым выходом на пахоту. Первая пахота обставляется ритуальными действиями. Для выполнения пахотных работ крестьяне объединялись в артель «гвып» // «адгытра», куда входили представители одной фамилии. Каждая артель выбирала своего руководителя «КIватан ахI», что в переводе означает «князь плуга». Данный человек наделялся, по-видимому, в ритуале качествами Творца (регламентировал коммуникацию с сакральным миром), отсюда его особое положение и власть. Этому человеку беспрекословно подчинялись все участники группы. Система этих культов и представляет собой домонотеистическим верования абазин.

На Северо-Западный Кавказ христианство стало проникать из Византии, Армении и Грузии начиная с IV-VI веков нашей эры. Но в целом христианизацией была охвачена лишь социальная верхушка общества и насаждение новой веры особого успеха не имело. Велико было влияние на Северо-Западном Кавказе Армянской апостольской церкви и Грузинской православной церкви. Эти группы, инкорпорированные в адыгское общество, были хранителями, пусть и номинально, христианских традиций вплоть до середины XIX века, когда регион вошел в состав России. Не следует сбрасывать со счетов и территорию Крыма, где сохранялись христианские центры. То есть, христианское влияние постоянно ощущалось на Северо-Западном Кавказе. Но особенность ситуации на Кавказе в том, что принятие христианства не означало автоматического отказа от местных автохтонных религиозных верований. Последние мирно уживались с приносимыми извне нормами и правилами. Христианство заняло один из уровней идентичностей местного населения, не отвергая другие и не подменяя их. Христианство оказало серьезное влияние на культуру абазин, хотя, казалось бы, было формально воспринято ими. Вплоть до XV века активно функционировали церковные христианские структуры: последний раз Аланскую епархию документы упоминают в 1366 г., а Зихскую - в 1398 г.[3,с,40]. Христианские элементы можно встретить в религиозных воззрениях абазин и поныне. Дело в том, что отдельные христианские верования смешались с местными автохтонными верованиями, образовав с ними синкретический культ. Причем религиозный синкретизм явление не уникальное на Северном Кавказе. Так, у вайнахов распространение христианства привело к формированию сложной системы религиозного синкретизма, характеризовавшейся появлением совершенно новых представлений и действий, не соответствовавших ни «чистому» язычеству, ни «чистому» христианству [4, с. 165]. Христианство сыграло

определенную роль в консолидации абхазских этнических групп в единую общность [5, с. 133]. Тот же процесс, по-видимому, проходил и у родственных абхазам - абазин. Переселившись с черноморского побережья Кавказа на Северный Кавказ, абaziны, хоть и подверглись культурному влиянию кабардинцев и адыгов, не смешались с ними потому, что языковая, культурная общность была подкреплена и религиозной.

Первые шаги ислама на Северном Кавказе относятся к VII-VIII вв. и связаны с арабскими завоеваниями. Но процесс исламизации населения растянулся на долгие века. Как и христианство, мусульманство в эпоху средневековья (вплоть до XVIII века) не занимало доминирующего положения в религиозных верованиях местного населения (абaziны не были исключением). В укреплении ислама значительную роль сыграли Золотая Орда и Тимур в XIII-XV вв. Начиная с XV века абaziны как и другие этнические группы Северо-Западного Кавказа оказались под большим влиянием Крымского ханства и Османской Турции, которые старались всеми средствами подчинить эти народы. В том числе проводилась политика исламизации, в особенности среди знати. О том, что абaziны не были рьяными мусульманами, говорит автор вышедшей в 1850 году статьи "Горские племена, живущие за Кубанью", отмечая лишь князей Заурумовых как последовательных мусульман, все же остальные жители Тама, по мнению автора статьи "дурно исполняют и наружные обряды предписанные кораном". О чегреях говорится так: "Едва ли преданы корану, хотя некоторые из дворян исполняют обряды, предписываемые Магометом... Баговцы без положительных религиозных понятий... Часть жителей в Баракае исповедуют магометанскую веру"⁸⁴. О мечети в лоовском селении на реке Карданах мы находим упоминание в воинских донесениях за 1837 год [6, с. 53].

В какой-то степени существование такой социальной реальности согласуется с мнением западных исследователей, считающих, что ислам был привнесен абазинам от ногайцев в XVII веке, но только в XVIII веке тапантовские этнические подразделения стали полностью мусульманскими, а шкарауа приняли ислам только в середине XIX века, в результате миссионерской деятельности Мухаммед-Амина, шамилевского наиба на Северо-Западном Кавказе [7]. Л.И. Лавров разделяет ту точку зрения, что "шкваровцы окончательно превратились в мусульман лишь в 1850-х годах, когда дорогу исламу насильем прокладывал наиб (наместник) Шамиля за Кубанью - Мухаммед-Амин".

Но в то же время идеи мюридизма не получили безоговорочной и

фанатичной поддержки. Это отчасти можно объяснить тем, что ислам суннитского толка начал проникать к абазинам сравнительно поздно, и, особенно у шкарауа, до середины XIX века сохранялся синкретизм христианства и языческих верований. С введением мусульманства меняется бытовая культура: зачатки ваяния погибли, так как запрещалось изображать все живое. По этой же причине был сильно обеднен орнамент. По мусульманским обычаям над могилами богатых горцев, в частности карачаевцев, стали ставить плиты с резными изображениями кумганов, ножиц, предметов вооружения и др. В то же время появляются новые архитектурные сооружения, такие как мечети и минареты.

Первыми общественными зданиями во вновь созданных селениях (имеются в виду многочисленные переселения абазин - *автор*) стали мечети. Под данным на 1893 г. в селениях Дударуковском и Кумско-Ловском было по три мечети, в сс. Лоовско-Зеленчукском и Лоовско-Кубанском - по две мечети, в остальных же - по одной мечети [8, с. 308]. В первые годы после переселения такие малодворные селения как Егибовское были не в состоянии построить себе мечеть собственными силами. Им, хотя и не регулярно, оказывало помощь Кубанское областное правление [9]. Количество мечетей в каждом селении в течении ряда лет менялось. Их число то увеличивалось, то уменьшалось в связи с отсутствием эфенди или по другим причинам. Во всяком случае по законам шариата в каждом селении, имеющем даже незначительное число прихожан, обязательно должна быть мечеть соответствующей величины, в больших же селениях, кроме квартальных и приходских мечетей, должны быть одна или две соборные мечети (джума-мечеть). По Первой переписи населения все абазинское и черкесское население Баталпашинского отдела (кроме 29 человек) было мусульманами [10, с. 73].

В отличие от христианства ислам укореняется (хоть и в результате длительного процесса) среди горцев Северного Кавказа, в том числе у абазин. Повлияла на этот процесс Кавказская война, во время которой мусульманство становится идеологией горцев, хотя идеи мюридизма не получили должного распространения. Становление абазин как этнической общности завершается именно на этом этапе: ислам становится одной (если не самой главной) из идентичностей, конструирующей эту общность. В то же время, в какой-то степени меняется весь культурный уклад жизни (изменение в похоронном обряде и других обрядах жизненного цикла и т.д.).

Б.Х. Бгажноков считает, что можно понять, почему адыги (добавим:

и абазины) легко воспринимали мировые религии. «Во-первых, они жили на благодатную почву развитого и чрезвычайно лояльного религиозного сознания, каким является адыгсково. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, – во все времена господствовало убеждение в том, что никакая религия не способна поколебать устои национальной религии.. Вспомним в этой связи, что популярное среди верующих адыгов понятие «мусульманство» – муслъымэныгъэ возникло на адыгской почве. Мусульманство – это соблюдение принципов адыгской этики, сопровождающееся знанием Корана, исполнением исламских обрядов и ритуалов. «Создатель на небесах и дарованное им адыгсково на земле» – таков традиционный символ веры адыгского народа» [11, с. 85].

В заключение следует отметить, что абазинская народность окончательно сформировалась на территории Северо-Западного Кавказа в XVII-XIX вв.. Непрерывные перемещения абазинских племен повлекли за собой многочисленные межэтнические контакты, которые и стали одной из наиболее важных причин изменения религиозной ситуации внутри абазинской народности. Влияние христианских государств Византии, Армении и Грузии повлияли на принятие христианства (в VI веке абхазы принимают христианство, тогда же оно распространяется и среди абазского населения). Впоследствии влияние России стало причиной крещения некоторых абазинских князей (в XVI - XVII веках). С XVII века контакты с окрестными мусульманскими народами (крымские татары и ногайцы) привели к постепенной исламизации части абазинской общности - тапантовцев, а под воздействием пропаганды наибов Шамиля к середине XIX века абазины-шкарауа принимают ислам. Христианство, на определенном этапе, способствовало развитию общности культуры абазинских этнических групп, тем самым стимулировало процессы консолидации этих групп в одну народность. По-видимому, аналогичная ситуация наблюдалась и у абхазов.

В конце XVIII - начале XIX века появились новые стратегии поведения для зависимых слоев абазинского общества: можно было перейти в христианство и вступить в казачество. Принятие, христианства в данном случае имело не морально-этический и идеологический повод, и был обусловлен прагматизмом, то есть принимая христианство формально, они не становились христианами по сути. Ислам, с одной стороны, сыграл решающую роль в объединении абазинских племен, став одной из идентичностей абазинской народности, и до сих пор абазины приверженцы мусульманства суннитского толка. С другой стороны, ярые сторонники

ислама, эмигрировав в Турцию (мухаджирство), привели к разделению этнической общности абазин и, как следствие, к культурным изменениям. Принятие ислама как религиозной системы повлекло за собой изменения в обрядах и традициях описываемой нами культуры, поскольку именно обряды - это способы выражения коллективных религиозных представлений.

Список литературы:

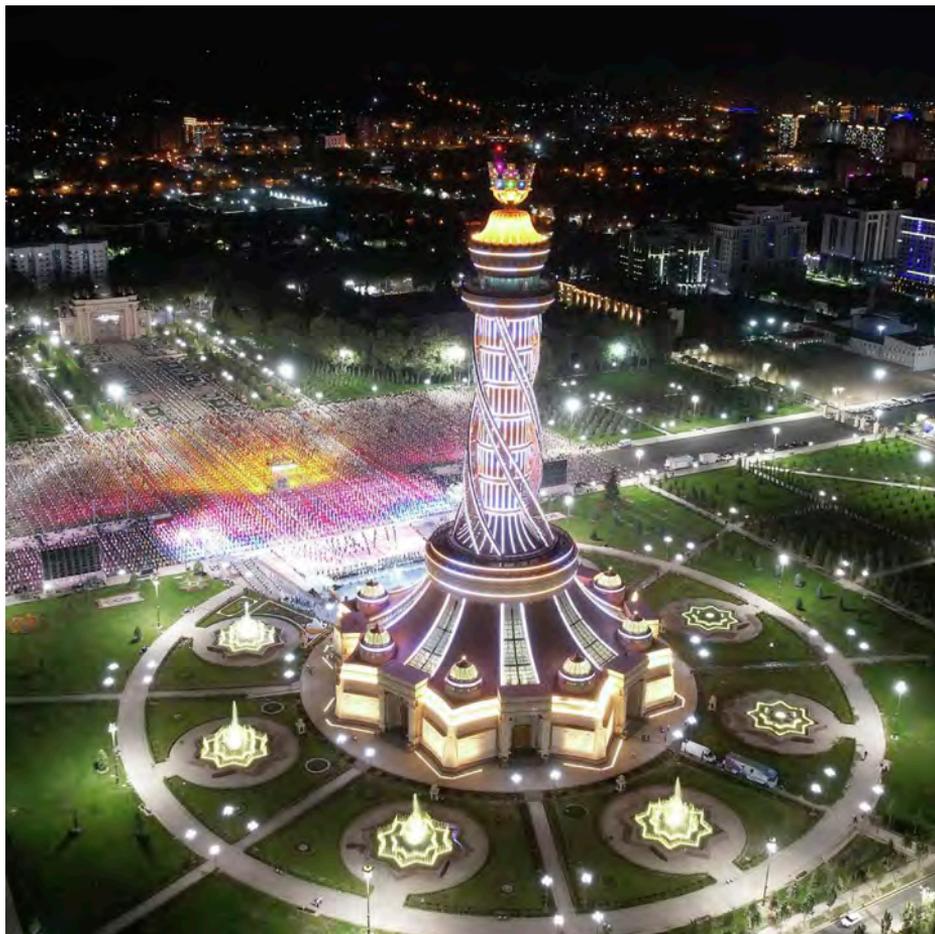
1. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: 1990. С. 24.
2. Куначев Абубекир, 93 года, аул Красный Восток. Интервью 1999.
3. Куначева Ф.Г. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). – М.: АИРО-XXI. 2006. 144 с.
4. Баранченко Н. Н. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: Диссертация на соиск. уч. степ. к. и. н. Грозный, 1985. 166 с.
5. Смыр Г. В. Эволюция религиозных верований у абхазов: Диссертация на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. Майкоп, 1997. С. 133.
6. Куначева Ф.Г. Религиозные воззрения абазин. Монография. 2006. 138 с.
7. Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslims of the Soviet Empire. Indiana University Press. Bloomington and Indianapolis. P. 200-201.
8. Кубанская справочная книга на 1904 год. Екатеринодар, 1903. С. 308.
9. Государственный Архив Краснодарского Края. Фонд 774. Опись 1. Дело 213. Лист 2.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 65. Кубанская область. СПб.: 1905. С. 73. Таблица XIV.
11. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 85.

Bibliography

1. Tokarev S.A. Early forms of religion. M.: 1990. P. 24.
2. Kunachev Abubekir, 93 years old, the village of Krasny Vostok. Interview 1999.
3. Kunacheva F.G. Religious beliefs of the Abaza (from ancient times to the present day). – M.: AIRO-XXI. 2006. 144 p.
4. Baranchenko N. N. Pre-Islamic beliefs and cults in the historical systems of social relations of the Vainakhs: Dissertation for the competition. uch. step. to. and. n. Grozny, 1985. 166 p.
5. Smyr G.V. The evolution of religious beliefs among the Abkhazians: Dissertation for the competition. uch. Art. doctor ist. Sciences. Maykop, 1997. p. 133.
6. Kunacheva F.G. Religious beliefs of the Abaza. Monograph. 2006. 138 p.
7. Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslims of the Soviet Empire. Indiana University Press. Bloomington and Indianapolis. P. 200-201.
8. Kuban reference book for 1904. Ekaterinodar, 1903. P. 308.
9. State Archive of the Krasnodar Territory. Fund 774. Inventory 1. File 213. Sheet 2.
10. The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. Vol. 65. Kuban region. St. Petersburg: 1905. P. 73. Table XIV.
11. Bgzhnikov B.Kh. Adyghe ethics. Nalchik, 1999. 85 p.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Душанбе

Фадеева А.В.

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

Байчик А.В.

*Доктор политических наук, профессор
Кафедры международной журналистики.
Санкт-Петербургский государственный университет.*

Шафир Т.В.

*Соискатель ученой степени кандидата наук.
Санкт-Петербургский государственный университет.*

Никонов С.Б.

*Доктор политических наук, профессор
Кафедры международной журналистики.
Санкт-Петербургский государственный университет.*

Национальная культура как инструмент формирования имиджа Республики Корея

Введение

В качестве **объекта исследования** выступает современный южнокорейский медиарынок. **Предмет исследования** – ход и развитие процесса интеграции национальной культуры в международные политико-экономические отношения на примере модели Республики Кореи. **Научная новизна** связана с ростом исследовательского интереса к проблематике формирования позитивного имиджа политической системы в интернет-пространстве. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности использования результатов исследования в практике межкультурной коммуникации.

Целью исследования является установить особенности медиа-модели продвижения массового медиапродукта Республики Корея. Для достижения поставленной цели была поставлена следующая задача: отразить актуальное состояние научного дискурса по проблематике исследования;

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что продукты

медиапроизводства Республики Корея стремительно набирают популярность во всем мире. Данный феномен следует рассматривать в рамках концепции «мягкой силы», как особую семиотическую систему оказывающую влияние на формирование потребительской культуры современного человека. В частности, такое музыкальное течение как К-поп является наиболее востребованным и динамично развивающимся сегментом современной индустрии развлечений.

Основной методологической базой для данной исследовательской работы стали: «наблюдение», «контент-анализ», «анализ документов», а также работа с аналитическими данными. В качестве ключевого инструмента методологической базы был выбран метод качественного анализа данных, так как он позволит определить наличие или отсутствие чего — либо в исследовательском поле. Эмпирическим материалом являются медиатексты российских СМИ, данные полученные с интернет-платформ, социальных сетей фан-сообществ корейских дорам и музыкальных групп. Случайная выборка определена характером исследования, когда его предмет еще мало изучен и требуется получение первичной информации и систематизации полученных данных. Объект исследования был рассмотрен в рамках междисциплинарного подхода.

Теоретико - методологическую базу сформировали труды по экономике и конвергентной журналистике, а также научные работы западных исследователей об основных тенденциях развития медиарынка Южной Кореи. Аспекты корейской массовой культуры анализируются в работах Шим Сон Гына[18].. В частности, он является одним из авторов классической монографии, посвященной феномену К-поп. Ёни Хонг в книге “The Birth of Korean Cool” описывает историю развития южнокорейской индустрии развлечений и выявляет причины её популярности не только в странах Азии, но и в Западной Европе и США[13].

Степень научной проработанности темы

Изучив работы других исследователей [19; 15; 14] — которые, преимущественно, разбирают в своих научных трудах основные тенденции и процесс развития медиарынка в Южной Кореи, — можно сделать вывод, что изучение особенностей экономической модели продвижения продуктов медиапотребления массовой культуры Республики Корея обладает не только научной новизной, но и практической ценностью.

В российской научной среде данная проблематика сравнительно мало изучена. Следует особо отметить монографии Круглова Е.В.[3] и Ланькова А.Н.[7], посвященные истории (этапам развития) традиционных юж-

нокорейских СМИ. Ткачева Н.В.[9] фокусирует внимание на исследовании информационных стратегий стран Восточной Азии.

Исследования современного корейского культурного медиапродукта представлены в российской науке недостаточно полно. Преимущественная часть работ посвящена внешним эффектам «корейской волны» — этнокультурному брендингу, развитию туризма, экономическому подъему. Значительно меньше исследователей обращаются к внутреннему аспекту данного культурно явления, его непосредственному контакту с аудиторией [6]. Ввиду этого, изучение процессов корейского культурного экспорта важно осуществлять не только с точки зрения их глобальных экономических и политических эффектов, но и воздействия на личностноформирующие факторы в процессе коммуникации. Такой подход позволяет открыть новые перспективы в понимании специфики корейского медиапродукта и его популярности в условиях России

Материалом исследования стали открытые медиаресурсы и социальные платформы. Для установления степени влияния имиджа страны в медиасреде были отобраны публикации из популярных интернет источников (The Guardian, The New York Times, Тасс, РИА-Новости). Информационные материалы на данную тему отбирались по таким критериям, как характер сообщения, популярность среди пользователей (просмотры), жанр, присутствие или отсутствие резонанса у общественности.

Существует предположение, что корейская культура стала успешной заменой увлечению японской, которая к началу 90-х переживала не самые лучшие времена, и до сих пор находится в поисках нового пути развития. Популярные ранее самурайские фильмы, книги, наполненные философией дзен-буддизма и синтоизма, анимация и комиксы в стиле манга стали для аудитории, тянущейся к экзотике, уже чем-то привычным и обыденным и потеряли большую часть своей уникальной привлекательности[1].

Правительство Южной Кореи с конца 1980-х гг. оказывало обширную поддержку развитию национального культурного продукта, и, хотя успех феномена Корейской волны не был изначально запланирован, после появления первых результатов в продвижении корейской культуры за рубежом корейское правительство сумело разглядеть открывающиеся возможности и воспользоваться ими[17]. В конце 1990-х гг. наблюдался пик развития явления Hallyu – растущая популярность всего корейского: от моды и фильмов до музыки и кухни. Традиции корейского искусства, ремёсел, образа жизни и кухни распространились по всему миру.

Корейская волна в корне изменила восприятие национального образа Южной Кореи у аудитории.

Эпоха глобализации и активного освоения пространства Интернета определила динамику развития процесса культурно-политической интеграции на много лет вперед.

В настоящий момент Республика Корея, согласно различным рейтингам в степени использования «мягкой силы», занимает места во второй десятке, что является, несомненно, высоким показателем. Например, по данным, опубликованным в *Seoworld magazine*, в 2018 году Южная Корея занимает 20 место среди других стран. Проявлением ранее упомянутой модели влияния, в случае Республики Корея, является популяризация национальной культуры посредством экспорта медиапродукции. Центральное место в этом процессе отведено средствам массовой коммуникации, как главному инструменту продвижения.

Примером проявления политики мягкой силы (*soft power*) или концепта Ноополитики [8] является *Hallyu*. Высокий уровень роста популярности такого феномен, как *Корейская волна* (кор.*Hallyu*) основан на неразрывной сегментарной связи экономики, общества и культуры Южной Кореи. Впервые этот термин, более известный в России как *Халлю*, был употреблен пекинскими журналистами в середине 1990-х, которых удивляла быстрорастущая популярность корейской индустрии развлечений в Китае. Современная исследовательская практика под *Корейской волной* понимает явление проникновения южнокорейской массовой поп-культуры в другие страны, в первую очередь, страны Юго-Восточной Азии. С развитием IT-технологий популярность корейских продуктов сферы медиапотребления лишь возрастает. Крупнейшие конгломераты, косметические производства, продюсерские центры используют новейшие технологии (социальные сети и мобильные приложения), модернизируя свой подход в формирование имиджа южнокорейских брендов на территории.

Кроме того, актуальность выражена интересом к анализу формирования и развития феномена «Халлю», в условиях стремительной интеграции массовой культуры в повседневной жизни человека, и с учетом того, каким образом этот феномен влияет на особенности медиапотребления современного человека. Именно поэтому возникает необходимость в изучении особенностей медиа-модели и способов продвижения культурного продукта Южной Кореи на международном рынке.

Следует отметить, что современные исследования в области исполь-

зования новейших коммуникативных стратегий и культурного медиа экспорта в области политического пиара обладают широким научным потенциалом. Ключевыми понятиями становится категория *soft power* – комплекс инструментов культурного влияния, а именно, – международное признание значимости культурного наследия страны, политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных коммуникаций, туристическая привлекательность страны, распространение национального языка и национальной кухни. А так же Ноополитика– информационная стратегия по манипулированию международными процессами посредством формирования через средства массовой информации у общественности положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политики государства или блока государств с целью создания положительного или отрицательного имиджа идей и пропагандируемых моральных ценностей [16]. Также, стоит учитывать значимость термина *cultural diplomacy* как более узконаправленного компонента внешнеполитических связей. Учитывая ранее упомянутые факторы, одной из задач данного исследования является описание и постепенное углубление знаний в области реализации концепции *soft-power* в качестве одного из главных инструментов межкультурного диалога современного мира.

Главным проявлением ранее упомянутой модели влияния, в случае Республики Корея, является популяризация национальной культуры через экспорт медиапродуктов и цифровизацию контента с целью укрепления внешнеполитических связей и увеличения степени привлекательности страны для иностранных туристов. Центральное место в этом процессе отведено средствам массовой коммуникации, как главному инструменту продвижения. Вследствие становления цифровых технологий современная культура претерпела фундаментальные изменения. Особой ролью в информационном обществе стала обладать массовая культура, поскольку именно она оказалась наиболее восприимчивой к изменениям, которым способствовал научно-технического прогресса. В тоже время, медиа стали неотъемлемой частью повседневной реальности оказывает большое влияние на формирование новых стратегий внешнеполитической коммуникации. Последние десятилетие доказывает, что все социальные процессы, происходящие в обществе, стали рассматриваться через призму медиaprостранства.

На данный момент ключевым проектом сферы транснациональной коммуникации последних лет стала индустрия K-pop как качественно-

го медиапродукта Южной Кореи. Мировую известность этот феномен приобрел относительно недавно и не без помощи digital-контента. На сегодняшний день известными кейсами интернет индустрии являются известные социальные сети, а также поисковая система Google — позволяющие формировать положительные образы лидеров мнений и новейших трендов. Экономический подъем Южной Кореи обязан своим успехом, в том числе, развитию социальных сетей (FLine, KakaoTalk) и онлайн видео-платформ (YouTube, Dailymotion) [2]. По нашему мнению, именно они помогли корейской индустрии развлечений достичь успеха у зарубежной аудитории и заручиться поддержкой спонсоров [5]. По словам Берни Чо, президента Сеульского маркетингового агентства DFSSB Collective, корейские артисты направили все свои усилия на то, чтобы стать популярными в Глобальной сети. «Они твиттят, сидят на Facebook и выкладывают влоги на Youtube, чтобы подняться в чартах как Азии, так и за ее пределами» [20].

Достижения сектора креативной экономики Республики Корея шаг за шагом раскрывают потенциал симбиотических отношений трех ключевых аспектов публичной дипломатии и национального брендинга: правительства, культуры и медиа. Корейские дорамы теперь можно по подписке и в открытом доступе найти на Netflix и ivi или увидеть на российских федеральных телеканалах. Корейские поп-группы занимают первые строчки американских чартов и становятся все более узнаваемыми среди российской аудитории через плейлисты в соцсетях и ротацию на радио. Успех кинофильма «Паразиты», режиссера Пон Чжун Хо, и его прокат в кинотеатрах обратил внимание массового зрителя на индустрию кино Восточной Азии [10]. А в 2021 году самым популярным телесериалом на Netflix за всю историю существования платформы стала драма «Игра в кальмаров». Таким образом, южнокорейская киноиндустрия превратилась в один из самых активных рынков в мире благодаря развитию мультиплексов и популярности кинокультуры. Обзор поисковых тенденций в Google показывает, что К-поп и драмы (корейские многосерийные телесериалы) составляют центральное звено ключевых запросов в поисковом и новостном сегментах интернета. Наблюдается процесс смешения сегментов индустрии развлечения. Например, музыкальный исполнитель становится представителем косметического бренда, что повышает интерес потребителя к данной торговой марке. Однако аудитория будет обращать внимание на новости, связанные с этой компанией только потому, что там фигурирует известный музыкальный исполнитель. Например,

Song Joong-ki, Park Seo Joon, Park Bo Gum, Lee Jong Suk, Ji Chang Wook и другие персоны, которые известны российской аудитории.

В 2022 году вопрос об роли национальной культуры в международной среде становится все более актуальным для представителей политических элит. На данный момент использование культурного экспорта как имиджеформирующего инструмента можно считать основным путем привлечения инвестиций для стран, которые не обладают большим количеством или возможностью добычи природных ресурсов. Южная Корея показательный пример. Сфера услуг стала доминирующим сектором экономики в этой стране к началу 90-х, а всего десять лет спустя составила две трети всего ВВП. Жесткие условия рыночной экономики стимулировали поиск инновационных решений проблемы выхода из финансового кризиса в государстве. Путь к спасению лежал через датирование индустрии развлечения и создания качественного медийного продукта массового потребления.

Обширное включение различных сфер культуры в электронное пространство коммуникативной сети Интернета, что во многом предопределило успех «Корейской волны» не только во всем мире, но и в России. Это предположение демонстрирует ситуация в Санкт-Петербурге. С 2016 года в культурной сфере возникли фестивали корейской культуры. Основным организатором выступает компания RUSKOREA. В период с 2016 года по настоящий момент они организовали свыше 15 крупных мероприятий в Москве и Санкт-Петербурге. Одно из последних мероприятий это Jinro After Party в Artplay 19-20 октября 2019 года при поддержке Консульства Южной Кореи в Санкт-Петербурге и к компании Jinro. В первый день состоялся большой концерт от участников Корейского молодёжного центра «Нан», а также приглашённых артистов из Кореи. Затем гости мероприятия могли увидеть музыкальный фестиваль «Сори» в Чонджу. Вечером посетители отдохнут на Jinro-вечеринке, где диджеи из России и Кореи сыграли совместные музыкальный микс.

В дополнение ко всему, рост численности поклонников корейской культуры на территории Российской Федерации демонстрирует тот факт, что Правительство Южной Кореи приняло решение о проведении крупного культурного мероприятия в Москве, в том числе К-Поп концерт и продовольственную выставку, в ознаменование 30-й годовщины дипломатических связей двух стран. Кроме того, правительство Южной Кореи в будущем планирует увеличивать свое культурное влияние на территории России — запустить свой ко-бренд (инструмент коммуникативного

воздействия на аудиторию с целью эффективного продвижения совместных проектов) BRAND K, чтобы помочь малым и средним предприятиям южнокорейского рынка расширить и укрепить бизнес в России.

Вывод

Таким образом, позитивная имидж формирующая среда может оказывать влияние на отношение общественности к политическим процессам как внутри страны, так и за ее пределами. Политика сегодня неотделима как от технологических аспектов организации социума, так и от процессов становления новых ценностных ориентиров человека, которые оказывает особое влияние на электоральные возможности современного общества. Ранее интерес к национальному культурному наследию со стороны государства выражался в стремлении сохранить традиционный уклад жизни, но к началу 20 века вместе с переходом от аграрного прошлого к индустриальному будущему этот интерес стал отождествляться с желанием стать центральным субъектом культуры, который способен преобразовывать и оказывать влияние на окружающую культурную реальность. В этом контексте нельзя рассматривать Корейскую волну исключительно как результат глобализации и культурной аккультурации, процесса взаимовлияния культур. Это транскультурный феномен, вызванный реорганизацией системы потребления продуктов сферы культуры через современные каналы коммуникации. В понимании индивида, живущего в эпоху Интернета, политика больше не представляет собой сакральной сферы интересов правящих элит. Теперь политические процессы широко освещают в медиа. Практически каждый служащий государственных органов обладает имиджевым аккаунтом в соцсетях, а правительства стран активно выкладывают в онлайн-трансляции заседаний, доступ к которым осуществляется в несколько «кликов». Как результат, изменилось само отношение современного человека к политике. Теперь, в условиях общества массового потребления культуры и информации, как продуктов медиапроизводства, они воспринимаются в качестве важнейших ресурсов социально-экономического развития.

Список литературы:

1. Гармаханов М.Ц. «Корейская волна» в Китае // Вестник БГУ. 2015. № 8.
2. Ким Е.У. Роль культурной дипломатии в «мягкой силе» Республики Корея / Е.У. Ким, Е.С. Постникова. 2018. // URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2347-2018-07-23-09-55-35> (дата обращения: 12.02.2022).
3. Круглов Е.В. Пресса Южной Кореи. Москва: ВК. 2005.
4. Кузнецова Е.В. Феномен массовой культуры: проблемы и противоречия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 3, 15. 2013. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-massovoy-kultury-problemy-i-protivorechiya> (Дата обращения: 27.12.2022)

5. Кутукова Е.А. Инновационная модель медиарынка Республики Корея. Санкт-Петербург: Репозиторий СПбГУ. 2017.
6. Лазарева К. В. Республика Корея: феномен национального бренда. Манускрипт, 11-1.97. 2018. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-koreya-fenomen-natsionalnogo-brenda> (Дата обращения: 04.09.2019).
7. Ланьков А.Н. Корея: будни и праздники. Москва: Международные отношения. 2000.
8. Никонов С.Б., Лукин С.С., Данилова Ю.С., Георгиева Е.С., Тюркин М.В. Век информации (сетевое издание). 2019. Том 3. № 4 (9). С. 31-40. // URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com34\(9\)11](https://doi.org/10.33941/age-info.com34(9)11)
9. Ткачева Н.В. Информационные стратегии стран Восточной Азии в условиях рыночных реформ. Москва: Рип-Холдинг. 2003.
10. Фадеева А.В. СМИ как инструмент экспорта культурного медиапродукта: кейс Южной Кореи // Век информации (Сетевое издание). 2020. Т. 4. № 1 (10).
11. Choi J. Korea to hold K-pop concert in Russia to celebrate 30 years of diplomatic ties//The Korea Herald. 07.02.2020 // URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200207000472> (Дата обращения: 10.12.2022).
12. Hong E. Soap, parkle and pop. The Economist. 09.08.2014. // URL: <https://www.economist.com/books-and-arts/2014/08/09/soap-sparkle-and-pop> (Дата обращения: 10.12.2022)
13. Hong E. The Birth of Korean Cool: How One Nation Is Conquering the World Through Pop Culture, New York: Picador. 2014. // URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com41\(10\)2](https://doi.org/10.33941/age-info.com41(10)2)
14. Jang, Gunjoo & Paik, Won. Korean Wave as Tool for Korea's New Cultural Diplomacy. Advances in Applied Sociology. 02. 2012. // URL: https://www.scirp.org/pdf/aasoci20120300004_59668127.pdf (Дата обращения: 10.12.2022).
15. Kim Y. (Ed.). The Korean Wave. London: Routledge. 2013. // URL: <https://doi.org/10.4324/9781315859064>
16. Nikonov S., Belenkova T., Smetanina S., Letunovski I., Maryina L. Political movement vector or real noopolitics. Information age (online media), 2019. Vol. 3. № 3 (8). // URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com33\(8\)9](https://doi.org/10.33941/age-info.com33(8)9)
17. Riza Weganofa, «Korean Wave»—The Pop Culture Comes As Cultural and Economic Imperialism in Asia. // URL: http://rizaweganofa.blogspot.ru/2013/02/korean-wave-pop-culture-comes-as_2696.html (Дата обращения: 7.04.2019).
18. Shim S. Behind the Korean Broadcasting Boom. 2014. // URL: <http://cgi2.nhk.or.jp> (Дата обращения: 10.12.2022).
19. Spry, D. New Media in Korea and Japan: Emergent Trends. Education About Asia, 2013. № 18 (2). // URL: <https://www.asianstudies.org/ea/new-media-in-korea-and-japan-emergent-trends> (Дата обращения: 19.02.2020)
20. Yoon L. (26.08.2010) Korean Pop, with Online Help, Goes Global.Time. 26.08.2010. // URL: <http://content.time.com> (Дата обращения: 10.12.2022).

Bibliography

1. Garmakhanov M.Ts. "Korean Wave" in China // Bulletin of BSU. 2015. № 8.
2. Kim E.U. The role of cultural diplomacy in the "soft power" of the Republic of Korea / E.U Kim, E.S. Postnikov. 2018. // URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2347-2018-07-23-09-55-35> (02.12.2022).
3. Kruglov E.V. Press of South Korea. Moscow: VK. 2005.
4. Kuznetsova E.V. The Phenomenon of Mass Culture: Problems and Contradictions // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, 3, 15. 2013
5. Kutukova E.A. Innovative model of the media market of the Republic of Korea. St. Petersburg: St. Petersburg State University Repository. 2017.
6. Lazareva K. V. Republic of Korea: the phenomenon of the national brand Manuscript, 11-1.97. 2018. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-koreya-fenomen-natsionalnogo-brenda> (09.04.2019).
7. Lankov A.N. Korea: weekdays and holidays. Moscow: International relations. 2000.
8. Nikonov S.B., Lukin S.S., Danilova Yu.S., Georgieva E.S., Tyurkin M.V. Information Age (online edition). 2019. Volume 3. № 4 (9). pp. 31-40. // URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com34\(9\)11](https://doi.org/10.33941/age-info.com34(9)11)
9. Tkaчева N.V. Information Strategies of East Asian Countries in the Conditions of Market Reforms. Moscow: Rip-Holding. 2003.
10. Fadееva A.V. Mass media as a tool for exporting a cultural media product: the case of South Korea // Century of Information (Online edition). 2020. Vol. 4. № 1 (10).
11. Choi J. Korea to hold K-pop concert in Russia to celebrate 30 years of diplomatic ties//The Korea Herald. 02/07/2020 // URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200207000472> (12.10.2022).
12. Hong E. Soap, parkle and pop. The Economist. 08/09/2014. // URL: <https://www.economist.com/books-and-arts/2014/08/09/soap-sparkle-and-pop> (12.10.2022)
13. Hong E. The Birth of Korean Cool: How One Nation Is Conquering the World Through Pop Culture, New York: Picador. 2014. // URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com41\(10\)2](https://doi.org/10.33941/age-info.com41(10)2)
14. Jang, Gunjoo & Paik, Won. Korean Wave as Tool for Korea's New Cultural Diplomacy. Advances in Applied Sociology. 02. 2012. // URL: https://www.scirp.org/pdf/aasoci20120300004_59668127.pdf (12.10.2022).
15. Kim Y. (Ed.). The Korean Wave. London: Routledge. 2013. // URL: <https://doi.org/10.4324/9781315859064>
16. Nikonov S., Belenkova T., Smetanina S., Letunovski I., Maryina L. Political movement vector or real noopolitics. Information age (online media), 2019. Vol. 3. № 3 (8). // URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com33\(8\)9](https://doi.org/10.33941/age-info.com33(8)9)
17. Riza Weganofa, "Korean Wave"—The Pop Culture Comes As Cultural and Economic Imperialism in Asia. // URL: http://rizaweganofa.blogspot.ru/2013/02/korean-wave-pop-culture-comes-as_2696.html (04.07.2019).
18. Shim S. Behind the Korean Broadcasting Boom. 2014. // URL: <http://cgi2.nhk.or.jp> (12.10.2022).
19. Spry, D. New Media in Korea and Japan: Emergent Trends. Education About Asia, 2013. № 18 (2). // URL: <https://www.asianstudies.org/ea/new-media-in-korea-and-japan-emergent-trends> (02.19.2020)
20. Yoon L. (26.08.2010) Korean Pop, with Online Help, Goes Global.Time. 08/26/2010. // URL: <http://content.time.com> (10.12.2022).

Самади С.К.

Соискатель Института философии, политологии и права
имени А. Баховаддинова Национальной Академии наук Таджикистана.
Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Рационализм в схоластическом мышлении мутазилитов

Прежде чем приступить к обсуждению основного вопроса, считаем необходимым в сжатой форме остановиться на предыстории возникновения му'тазилитской школы калама (схоластики).

Му'тазилитское направление в исламе было основано в VIII веке крупным знатоком исламской юриспруденции (*фикх*) из города Басры Василем Ибн 'Ата' (699 - 748).

По этому поводу французский философ и исламовед Анри Корбен (1903 - 1978) пишет: «Васил ибн 'Ата', основатель школы мутазилитов, встал в оппозицию к своему учителю Хасану Басри по вопросу о тяжелых грехах. Выразив публично свою точку зрения, он покинул кружок Хасана Басри; его сторонники стали собираться у колонны Великой Мечети, где Васил ибн 'Ата' проповедовал свое учение. Тогда Хасан Басри воскликнул: «Васил отделился от нас (и тазала 'ан-на)!» С этого времени Васи́ла и его учеников стали называть мутазилитами». Му'тазилиты основывали свои верования на пяти принципах: 1. Ат-таухид (божественное Единство), 2. Ал-'адл (Справедливости), 3. Обещание и угроза (ал-ва'д ва-л-ва'ид), 4. Промежуточное состояние между верой и неверием (ал-манзила байн ал-манзилатайн), 5. Повеления благого и запрещения дурного (ал-амр би-л-ма'руф ва-н-нахй 'ан ал-мункар).

В тот период вопросы о допущении больших грехов и воздаяние за них в этой и в загробной жизни относились к основным, вокруг которых разгорелись ожесточенные споры. Хариджиты считали лица, допустившие большие грехи (*муртакиб ал-кабира*), неверными (*кафир*), и утверждали, что, покинув этот мир, они будут подвергнуты вечным мучениям. Некоторые считали их безнравственными (*фасик*), а Хасан Басри (642 - 728). перечислял их к лицемерам (*мунафик*). В этот период Васил ибн 'Ата', который был одним из учеников Хасана Басри, высказал новое мнение, утверждая, что «Допустившие большие грехи не являются ни

верующими и ни неверующими, (*кафир*) они находятся в промежуточном положении; если покаются, войдут в рай, но если покинут мир без покаяния, будут пребывать в аду».

С точки зрения ученых му'тазилитской школы калама «разум» (*'акл*), мышление (*тафаккур*) и «умозрение» (*назар*) имеют различные применения, в частности:

- человек посредством разума проводит разницу между собой и животных, между небом и землей и т. д. (Абу-л-Хузайл 'Аллаф (750-842))

- понятие «умозрение», как утверждали знатоки хадисов (*мухаддисы*), означает использование разума при решении религиозных вопросов, не довольствуясь повествованием (*накл*). Бахр ал-Джахиз (ум. в 868 г.).

Васил ибн 'Ата` (699 - 748) был первым из му'тазилитов, который наравне с Кораном и Сунной признавал доказательность (*худжжийат*) разума, считая его одним из источников для аргументации предписаний шариата.

Кадий 'Абд ал-Джабар (ум в. 1025 г.) говорит: «Разум состоит из совокупности специальных знаний, в случае формирования которых у носителя обязанности, вырабатываются умозрения и аргументации для выполнения возложенных на него обязанностей».

Основы убеждения му'тазилитов заложены на почве разума. Они при диспутах по вопросам калама основным мерилom своей школы считают разум. Исламские философы также опирались на разум, но разница между ними и му'тазилитами в этом плане заключается в том, что му'тазилиты преимущественно пользовались диалектическим (*джадали*) методом, тогда как философы предпочитали метод доказательства (*бурхани*). По утверждению Мухаммада Икбала, в начале второго столетия хиджри Васил ибн 'Ата`, ученик известного знатока калама Хасана Басри, основал учения му'тазилия, который является рациональной системой взглядов в исламском мире. А теперь выясним, как и до какой степени му'тазилиты использовали рациональное мышление.

Принципы му'тазилитов при использовании разума

Исследования показывают, что методы и принципы му'тазилитов при диспутах по вопросам вероучения были рационалистическими. Рационалистический метод означает понимание и рассмотрение отдельно взятого вопроса на основе разума и рационального мышления. Рациональный метод делится на две части: 1) философский рациональный метод и 2) нефилософский рациональный метод.

Философский рациональный метод – это такой метод, в котором, во-первых, разум пользуется доверием в восприятии и понимании вопросов вероубеждения; во-вторых, рассуждения, связанные с философией, считаются предпосылками для рассмотрения вопросов относительно каламу.

В нефилософском рациональном методе, хотя роль разума при рассмотрении, доказательстве или опровержении вопросов вероубеждения учитывается, тем не менее, перед рассмотрением проблем вероубеждения обращение к особым философским вопросам отсутствует и при предпосылках для доказательства мнения и идеи философов не учитываются. А теперь возникает вопрос: каким из двух упомянутых методов пользовались му'тазилиты? На основе му'тазилитских источников выясняется, что они не были единодушными в этом вопросе; некоторые из них, в частности, Кадий 'Абд ал-Джаббар (ум. в 1025 г.) пользовались нефилософским рациональным методом; а другая группа, к которой принадлежали Абу-л-Хузайл 'Аллаф (ум. в 842 г.) Ибрахим ибн Наззам (ум. в 835 г.), Абу Хашим Джубайи (ум. в 933 г.) и Джахиз (ум. в 868 г.), стали пользоваться философским рациональным методом.

Одним выдающихся представителей му'тазилитского калама, является приверженец нефилософского рационального метода Кадий 'Абд ал-Джаббар. Философский рациональный метод не встречается ни в одном из его произведений. То есть он при рассмотрении вопросов относительно каламу, а также при различных аргументах для доказательства своих утверждений не пользуется конкретными философскими правилами. Конечно, это не означает, что в аргументациях этого ученого и других знатоков калама нет никаких философских правил. Ибо рациональным доводам, приводимым для доказательства теоретических вопросов, не могут быть чужды философские принципы и правила. И здесь имеется в виду то, что Кадий 'Абд ал-Джаббар при аргументации и представления доказательств не пользуется чисто философскими правилами. В качестве примера рассмотрим несколько аргументаций Кадия 'Абд ал-Джаббара относительно божественной самости (*зат*) и атрибутов (*сифат*).

При описании знания (*'илм*) Бога Кадий 'Абд ал-Джаббар приводит такую аргументацию: Дело Бога устойчивое и прочное, а устойчивая и прочная вещь берет начало от знания (*'илм*); следовательно, знание господа берет начало от знания. А это означает, что Богу ведомо все.

Иными словами, дело Бога устойчивое, и всякое устойчивое дело основано на знании; следовательно, дело Бога основано на знании. Или

относительно доказательства того, что Бог является Вечным (*Кадим*) и Неизменным (*бизавал*), Кадий 'Абд ал-Джаббар говорит: «Вечность Бога является самостным атрибутом (*сифат нафсиййа*), а каждый атрибут, который суть самостным, ни в коем случае не отделяется от Него. Поэтому Бог – Вечный и Постоянный».

Хотя эти аргументации рациональны, все же 'Абд ал-Джаббар для их обоснования не придает особого значения чисто философским принципам; хотя каждая приводимая им рациональная аргументация могла бы быть основана на конкретном философском принципе. Таковы особенности аргументаций Кадия 'Абд ал-Джаббара.

В этом отношении му'тазилитских знатоков калама, живших до Абу-л-Хузайла 'Аллафа, таких как Васил ибн 'Ата', Амр ибн 'Убайд и других, можно отнести к категории тех, кто в своих трудах использовал нефилософский рациональный метод. Явной причиной для этого послужило то, что они не занимались с философскими вопросами, чтобы философский рациональный метод у них каким-то образом фигурировал. Но некоторые другие знатоки калама из числа му'тазилитов, такие как Абу-л-Хузайл 'Аллаф, Ибрахим ибн Наззам и Джахиз, стали приверженцами философского рационального метода, при помощи которого занимались анализом и рассмотрением соответствующих вопросов калама.

'Аллаф был одним из первых знатоков калама из числа му'тазилитов, кто не только ознакомился с философией, но еще и заметным образом использовал философские теории в своих трудах. Этот момент признается специалистами по истории религий и сект, а также знатоками истории исламской философии.

Здесь рассмотрим некоторые видения 'Аллафа в области калама, которые в той или иной степени находятся под влиянием философских теорий.

Говоря о предустановлениях (*макдурат*), то есть обязательных и осуществимых деяниях Господа, 'Аллаф убежден, что Божественные предустановления, то есть обязательно осуществимые деяния Бога конечны. На взгляд ал-Багдади, именно в признании этого положения и заключается бесчестие (*расвайи*) 'Аллафа.

Газали в своей книге «Тахафут ал-фаласифа» (Опровержение философов) говорит: «Никто, кроме Абу-л-Хузайла 'Аллафа не считает, что мир необходимо должен имеет конца. То, что он говорит, в принципе невозможно и в будущем, подобно утверждению о том, что в прошлом суще-

ствовало бесконечных периодов»

Газали приводя слова 'Аллафа, затем опровергает их. Известно, что Газали написал упомянутую книгу именно с целью опровержения философских учений.

Ибн Рушд в своей книге «Тахафут ат-тахафут» («Опровержение опровержения»), выступая против утверждений Газали относительно философии, высказывается в поддержку использованных 'Аллафом философских утверждений. Ибн Рушд говорит: «Данное суждение верно, в частности, и в связи с тем, что все, что имеет начало, имеет и конец. Но нельзя, чтобы то, что начинается, не имело конца, за исключением того, что может быть вечным. Ибо все, что имеет начало, является возможным (*мумкин*) (то есть наделен концом). В этом плане 'Аллаф единодушен с философами, утверждая, что всякое созданное явление обязательно уничтожаемо (*фасид*). То есть рассуждает сообразно философскому принципу возникновения и гибели (*кавн ва фасад*).

К теориям Абу-л-Хузайла 'Аллафа в области калама (исламской схоластики) относится и принцип тождественности атрибутов (*сифат*) и самости (*зат*) Всевышнего Господа. При этом как Шахристани, так и Абу-л-Хасан Аш'ари признают, что данная теория заимствована у философов.

Другим знатоком му'тазилитского калама является Наззам, который в своих рассуждениях по вопросам калам пользуется философским рационалистическим методом. В отличие от Кадия 'Абад ал-Джаббара, который, как ранее нами было отмечено, пользовался нефилософским рациональным методом, Наззам не только был хорошо знаком с греческой философией, особенно с теорией Аристотеля, но и сам выдвигал некоторые философские тезисы. Рассуждения по некоторым его философским тезисам встречаются в трудах отдельных мусульманских авторов. Знакомства читателей с философией Наззама начинается с его рассуждения, связанные с понятием «тела» (*джисм*), то есть о том, что такое тело, из чего оно состоит, конечны ли его части или они количественно бесконечны. Наззам, в отличие от тех, которые считали количества частей тела ограниченным, был убежден в бесконечности частей тела,

Как нами было отмечено, с точки зрения му'тазилитов разум ('*акл*) является главным и приоритетным среди всех иных аргументов и источников религиозного познания. Причина признания ими приоритетности разума связано с необходимостью обеспечения достоверности познания и взглядов. С их точки зрения необходимость познания

Господа в качестве того, кто произнес слова Корана и ниспослал его, является рациональной необходимостью, которая упоминается как необходимое умозрение (*вуджуб ан-назар*). Му'тазилитми признается необходимость умозрения и аргументации в качестве рационального элемента при религиозном познании и понимании Корана. С их точки зрения необходимость умозрения предполагает суждение с позиции разума, а не на основе услышанного.

Му'тазилит Наззам, выступая с критикой некоторых сподвижников Пророка (*сахаб*) и знатоков хадисов, опровергал многие их предания на основе доводов разума и без всякой иной документальной основы.

Роль разума у му'тазилитов до того важна, что он способен делать частные выводы (*тахассаса*) из самого Корана. Пример подобного вывода можно обнаружить при толковании айата: «Но те, кто противится Аллаху и Посланнику Его, Божьи пределы преступая, будут повержены в Огонь, где им навечно пребывать. И будет унижительна их кара».

Так Кадий 'Абд ал-Джаббар относительно трактовки данного айата пишет: «Айат свидетельствует о том, что всякий мусульманин, который противится Богу и Его Пророку и преступает Его пределы, будут повержен в огонь, в котором он окажется вечно; если он не будет каяться. Но могут сказать, что в этом айате не говорится о покаянии, поэтому такой мусульманин, будет он каяться или нет, все равно вечно окажется в Аду. В ответ мы говорим, что здесь покаяние в качестве условия ставится на основе суждения разума, ибо Господь не будет подвергать наказаниям того, кто стремится каяться в своих грехах и ошибках. А то, что говорит о наличии подобного условия, называется непрерывным частным выделением (*мухассас ал-муттасил*)».

Аллегорическое толкование (*та'вил*) один из столпов му'тазилитского калама

Один из аспектов, наблюдаемых в рационалистической мысли му'тазилитов, является их «приверженность аллегорическому толкованию (*та'вил*)». С учетом того, что при толковании Корана му'тазилиты опираются в основном на разум, возникает вопрос: каково место айатов Священного Корана и хадисов Пророка в мыслях му'тазилитов для достижения познаний в области вероучения? Ответ на этот вопрос представляется нелегким, так как му'тазилиты в этом вопросе не единодушны. Общим для всех му'тазилитских знатоков калама (*мутакаллимов*) следует признать, то, что, во-первых,

в некоторых вопросах монотеистического познания, решения которых связывали исключительно с разумом, они не оставили никакого места для повествования (*накл*), то есть для преданий (*ривайа*) и сообщений (*ахбар*); при рассмотрении подобных вопросов они считали аргументации на основе повествований нерациональными. Во-вторых, после вынесенного суждения по данным вопросам на основе разума, му'тазилиты не признавали наличие противоречий при толковании аятов или преданий. Поэтому они были убеждены, что если в Слове Божьем встречаются моменты, скрытые от разума и не поддающиеся разумному толкованию, то следует приступить к их аллегорическому (или сокровенному) толкованию (*та'вил*). Следовательно, для них аллегорическое толкование выступает в качестве реальной необходимости для устранения кажущихся противоречий между рациональными доводами и доводами на основе шариата.

Выводы

Из вышеприведенных моментов напрашиваются нижеследующие выводы:

- При сравнении трех известных исламских школ калама (му'тазилитской, аш'аритской и школы мотуридийа) выясняется, что острие диалектических споров му'тазилитов в основном направлено против учения школы аш'аритов; ибо аш'ариты, в отличие от му'тазилитов, заложили основы своих принципов убеждения не на разуме (*'акл*), а на повествовании (*накл*). А последователи школы Абу Мансура Матуриди являются ни противниками и ни явными сторонниками разума; поэтому они в принципах своего вероучения стали пользоваться как разумом, так и повествованием.

- С учетом того, что в му'тазилитской школе каламе опираются как на философский, так и на нефилософский рациональный методы, ученые из числа представителей данной школы, действуя разнообразно, пользовались обоими методами. Подобно тому, как Кадий 'Абд ал-Джаббар пользовался нефилософским рациональным методом, а такие ученые как Абу-л-Хузайл 'Аллаф, Ибрахим ибн Наззам, Абу Хашим Джуббаи и Джахиз опирались на философский рациональный метод.

- Приверженность му'тазилитов разуму и рационализму для му'тазилитов очень важна; и если в вопросах калама им встречаются понятия, не поддающиеся объяснению на основе разума, то они прибегают к помощи аллегорического толкования (*та'вил*); при этом принцип алле-

горического толкования считается му'тазилитами источником защиты своих убеждений, основанных на рационализме.

Список литературы:

1. Айдын Ариф оглы Ализаде. Исламский энциклопедический словарь. (Место издания не указано) Издательство: Ансар, 2007 г. 920 с.
2. Ал-Кази, Абдул-Джаббар ибн Ахмад. Аль-Мугни фи абваб ат-тавхиди ва-л-адл. Кази Абдул-Джаббар.– Бейрут: Дар-уль-кутуби-л-илмийа, 2012. 12 т.
3. Ал-Кази, Абдул-Джаббар ибн Ахмад. Муташабих аль Кур'ан. – [место издания не указано], Мактабат-ал-сикафат аль- динийа, 2014. 1018 с.
4. Ал-Кази, Абдул-Джаббар ибн Ахмад. Шарх Усуль аль-Хамса. Каир:Мактаба -ат-Вахба, 1996. 832 с.
5. Аль- Санусий Мухаммад бин Юсуф. Уммুল Барахин: ал- Акида ас- Санусийа. Бейрут: Дар-уль-кутуби-л-илмийа, 2009. 98 с.
6. Аль-Аш'ари Абу аль-Хасан. Макалат аль-исламийин ва-ихтиляф аль-мусаллин. Бейрут- аль-Мактаба аль-асрийа, 1990. 366 с.
7. Аль-Багдади Абу Мансур Абдул Кахир Ибн Тахир. Аль-Фарк бейн аль-Фирак. Бейрут: Дар-уль-Джил, 1973. 384 с.
8. Бахр-ул-Джахиз. Расаил аль-Джахиз.Бейрут, Дар-ун-нахзаг-ул-арабийа, 1983. 228 с.
9. Газали Абу Хамид.Тахафут аль-фаласифа. Имам аль-Газали. – Египет: Дар-уль-маариф би Миср, 1966. 372 с.
10. Ибн Рушд Абу-ль-Валид Мухаммад ибн Ахмад. Тахафут ат-тахафут. – Бейрут: Марказ дирасат аль-вахда аль-'арабийа; 2001. 600 с.
11. Ибрагим Т.К. Религиозная философия ислама калам, (учебное пособие). Казанский университет. 2013. 212 с.
12. Корбен, Анри. История исламской философии. Перевод с франц: А. А. Кузнецова- Издание осуществлено при поддержке Национального Центра Книги Министерства культуры Франции. 2010. 360 с.
13. Наср Хамид Абу Зейд. Аль-Иттиджах аль-акли фи-т-тафсир, перевод: Эхсан Мусави Халхали –Тегеран: Нелофар; 1391. х.ш. 328 с.
14. Османова И.А. Трактат исламского богослова аш- Шарифа ал-Муртады Захират ал-'алим ва – басират ал- мута'аллим (Со-кровище сведущего и разумие наставленного) как памятник му'тазилитской традиции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Санкт-Петербургский Государственный Университет. 2017. 187 с.
15. Шариф Миян Мухаммад. История философии в исламе. [место издания не указано], 1391. 828 с.
16. Шахрестани Абул-Фатх Мухаммад ибн Абдул-Карим. Китаб аль-Милаль ва ан-Нихаль [Книга о религиях и сектах] Абул-Фатх аш-Шахрестани.– Бейрут: Дар-уль-кутуби-л-илмийа, 2013. 3 т.

Bibliography

1. Aydin Arif oglu Alizade. Islamic encyclopedic dictionary. (Place of publication not specified) Publisher: Ansar, 2007 920 p.
2. Al-Qazi, Abdul-Jabbar ibn Ahmad. Al-Mugni fi abwab at-tawhidi wa-l-adl. Qazi Abdul-Jabbar. - Beirut: Dar-ul-kutubi-l-ilmiya, 2012. 12 vols.
3. Al-Kazi, Abdul-Jabbar ibn Ahmad. Mutashabih al Qur'an. - [place of publication not specified], Maktabat-al-sikafat aldinia, 2014. 1018 p.
4. Al-Qazi, Abdul-Jabbar ibn Ahmad. Sharh Usul al-Khamsa. Cairo: Maktaba-at-Wahba, 1996. 832 p.
5. Al-Sanusy Muhammad bin Yusuf. Ummul Barahin: al-Aqida as-Sanusiya. Beirut: Dar-ul-kutubi-l-ilmiya, 2009. 98 p.
6. Al-Ash'ari Abu al-Hasan. Makalat al-islamiyyin wa-ihtilaf al-musallin. Beirut-al-Maqtaba al-asriyya, 1990. 366 p.
7. Al-Baghdadi Abu Mansur Abdul Kahir Ibn Tahir. Al-Farq bein al-Firak. Beirut: Dar-ul-Jil, 1973. 384 p.
8. Bahr-ul-Jahiz. Rasail al-Jahiz. Beirut, Dar-un-nahzat-ul-arabiya, 1983. 228 p.
9. Ghazali Abu Hamid. Tahafut al-falasifah. Imam al-Ghazali. - Egypt: Dar-ul-maarif bi Misr, 1966. 372 p.
10. Ibn Rushd Abu-l-Walid Muhammad ibn Ahmad. Tahafut at-tahafut. - Beirut: Markaz dirasat al-wahda al-'arabiya; 2001. 600 p.
11. Ibrahim T.K. Religious Philosophy of Islam Kalam, (textbook). Kazan University. 2013. 212 p.
12. Corbin, Henri. History of Islamic Philosophy. Translation from French: A. A. Kuznetsova - The publication was supported by the National Book Center of the Ministry of Culture of France. 2010. 360 p.
13. Nasr Hamid Abu Zeid. Al-Ittijah al-akli fi-t-tafsir, translation: Ehsan Mousavi Khalkhali -Tehran: NeloFar; 1391. h.sh. 328 p.
14. Osmanova I.A. The treatise of the Islamic theologian ash-Sharif al-Murtada Zahirat al-'alim wa - basirat al-muta'allim (Treasure of the knowledgeable and understanding of the instructed) as a monument of the Mu'tazilite tradition. Dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. St. Petersburg State University. 2017. 187 p.
15. Sharif Mian Muhammad. History of Philosophy in Islam. [place of publication not specified], 1391. 828 p.
16. Shahrestani Abul-Fath Muhammad ibn Abdul-Karim. Kitab al-Milal wa an-Nihal [Book on religions and sects] Abul-Fath ash-Shahrestani. - Beirut: Dar-ul-kutubi-l-ilmiya, 2013. 3 vols.

ИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Дагестанский гуманитарный институт

Асадулаев И.А.

Докторант Болгарской исламской академии.

Кахаев А.М.

*Аспирант
Института государственной службы и управления,
Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

Сиражудинова С.И.

*Кандидат экономических наук.
Доцент кафедры теологии и социально-гуманитарных дисциплин,
Дагестанский гуманитарный институт.*

Роль духовного наследия Сайфуллы-кади Башларова в продвижении суфизма в Дагестане

Сайфулла-кади Башларов – одна из самых ярких, значимых фигур общественно-политических, духовно-просветительских сфер Дагестана конца XIX-го начала XX-го века. Личность Сайфуллы-кади примечательна тем, что он является шейхом всех распространенных на Северном Кавказе трех направлений тариката – накшбандийского, шазалийского, кадирийского.

Шейх Сайфулла-кади Башларов оставил глубокий след в истории суфизма на территории России, в частности, Дагестана и сыграл исключительно важную роль в духовной жизни дагестанского мусульманского общества.

Как известно, в Дагестане первым из тарикатских братств в первой четверти XIX в. распространился тарикат накшбандийа. Позже распространился тарикат кадирийа. Шазилийский тарикат стал известен в Дагестане в начале XX в. именно благодаря С. Башларову, который был человеком чрезвычайно активным и чутким к общественным и духовным движениям.

Шейх Сайфулла-кади оставил после себя драгоценное религиозно-научное наследие, которое сыграло огромную роль в развитии суфизма

в Дагестане и увековечило его имя, оно свидетельствует о его широкой эрудиции и познаниях.

Изучению жизни и деятельности Сайфуллы-кади посвящаются работы многих ученых. В каждой из этих работ говорится о биографии шейха и о сохранившихся его сочинениях. Известны несколько его произведений, большая часть из которых посвящена суфизму:

1. «Мактубат Халид Сайфиллах ила фукара ахлиллах» («Письма Халида Сайфуллы к беднякам-суфиям»). Книга представляет собой сборник, в который вошли послания и корреспонденция шейха, она уже издавалась многократно. Состоит из восьмидесяти семи писем шейха, в которых подробно освещены многие аспекты ритуальной практики накшубандийского и шазилийского тарикатов, а также ответы шейха Сайфуллы-кади на вопросы его мюридов, в основном Хасана-афанди Кахибского. В этих письмах очень много наставлений и завещаний, содержащих большую пользу, особенно для мюридов.

2. «Канз аль-ма'ариф фи асрар ал-латаиф» («Кладезь познаний о тайнах латаифов»). Это наиболее ценное его произведение, состоящее из более чем семидесяти глав и посвящённое подробному описанию этических норм и практики суфизма. Это и одно из наиболее крупных сочинений по суфизму, принадлежащих перу дагестанских авторов XIX -XX вв. В 2019 году под попечительством Муфтия Республики Дагестан шейха Ахмада-афанди она вышла в свет в двух томах в красивом современном оформлении. Когда шейх Сайфулла-кади написал эту книгу, он не мог её отредактировать из-за своей физической немощи. Понимая, что не сумеет завершить её, он написал Хасану-афанди: «Если я умру, не завершив эту книгу, то завещаю тебе сжечь её». Вскоре он скончался, и книга осталась незавершённой. В тексте были и пропуски, на которые указывал сам автор. Хасану-афанди стало жаль сжигать её. Увидев в следовании указаниям этой книги больше пользы, чем в её уничтожении, Хасан-афанди сам продолжил работу над ней, усердно работая над редактированием этого ценного труда. В нём шейх даёт ученикам весьма драгоценные наставления. Обе указанные книги шейха написаны на арабском языке;

3. «Мавакиф ас-садат фи рияд ахль ас-са'адат фи хавз аль-мурадат» («Позиции шейхов в садах счастливых для достижения целей»). Написана на аварском языке. В ней шейх вначале раскрывает сущность Единобожия, а затем пути познания Творца – суфизма, перечисляет ступени на этом пути, его особенности и достоинства. Несколько лет тому назад она

была издана в Бейруте в объёме 356 страниц;

4. Следующим известным трудом шейха является стихотворное произведение, написанное на родном лакском языке, под названием «Тарджамату мухтасари Бугъят ас-су'лук фи аль-хикма ва ас-сулук». Этот труд также посвящён суфизму и всё ещё остаётся в виде рукописи, не издан.

5. Сборник посланий шейха, найденных за последние годы. Они также написаны на арабском языке и представляют собой переписку шейха с наставниками и другими лицами, в частности, с его шейхом Зайнуллою аш-Шарифи. Письма были изданы в 2018 году под попечительством Муфтия РД шейха Ахмада-афанди в составе сборника суфийских трактатов нескольких шейхов;

6. Сабат, то есть документ-удостоверение шейха Сайфуллы-кади, которое он получил от своего учителя и духовного наставника Зайнуллы аш-Шарифи. В этом сабате приводятся иджазы шейха Сайфуллы-кади, которые он получил от своего шейха, а также некоторые пояснения относительно тариката, личные заметки. В нём же приводится такой же сабат, который был собран шейхом Ахмадом бин Сулайман ат-Тарабулуси. Он передал его шейху Ахмаду аль-Кумушханави, последний – шейху Зайнулле аш-Шарифи, который, в свою очередь, вручил его шейху Сайфулле-кади. В нём также приводятся многочисленные иджазы.

Таким образом, следует сказать, что наследие Сайфуллы-кади является значимым, неотъемлемым пластом богатой духовной сокровищницы Дагестана конца XIX-го начала XX-го века, имеющим прямое отношение к суфизму и неразрывную связь с теорией и практикой суфизма.

Резюмируя сказанное выше, можно сказать, что научное и духовное наследие Сайфуллы-кади требует внимание представителей научных и духовно-просветительских кругов. Его деятельность, его труды сыграли значимую роль в продвижении суфизма в России и в Дагестане, частности, что в свою очередь стали фундаментом не только в развитии традиционных ценностей исламского вероучения, но и в разрешении многих проблем, связанных с радикализацией части исламского сообщества.

Список литературы:

1. Гаджилова Ш.М. О проблеме интерпретации феномена суфизма в произведениях Саида-Афанди из Чиркея // Вестник Дагестанского гуманитарного института. Махачкала, 2021. С. 74-85.

2. Кахаев А.М., Сиражудинова С.И. Миролюбие и нравственность в трудах суфийских ученых // Профилактика распространения идеологии экстремизма и терроризма в Республике Дагестан. материалы Региональной научно-практической конференции. 2016. С. 41-47.
3. Курбанова Г.М. Реформаторская деятельность С.К. Башларова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 1 (50). С. 87-89.
4. Хайрулаев М.Х. К вопросу о распространении тарикатов Накшибандия-Халидия и Шазалия в Волго-Уральском регионе и на Северном Кавказе в начале XX века// Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 5 (451). С. 33-38.
5. Шейх Сайфулла-кади Башларов: жизнь и творчество. Автор-составитель: Гаджиев М. П. - Махачкала, 2020. С. 141-147.

Bibliography

1. Gadzhilova Sh.M. On the problem of interpretation of the phenomenon of Sufism in the works of Said-Afandi from Chirkey // Bulletin of the Dagestan Institute of Humanities. Makhachkala, 2021. P. 74-85.
2. Kakhaev A.M., Sirazhudinova S.I. Peacefulness and morality in the works of Sufi scientists // Prevention of the spread of the ideology of extremism and terrorism in the Republic of Dagestan. materials of the Regional scientific and practical Conference. 2016. P. 41-47.
3. Kurbanova G.M. Reformatory activity of S.K. Bashlarov // Humanities and socio-economic sciences. 2010. № 1 (50). P. 87-89.
4. Khairullaev M.H. On the issue of the spread of the Naqshbandiya-Khalidiya and Shazalea tariqa in the Volga-Ural region and the North Caucasus at the beginning of the XX century// Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. № 5 (451). P. 33-38.
5. Sheikh Saifullah-qadi Bashlarov: life and work. Author-compiler: Gadzhiev M. P. - Makhachkala, 2020. P. 141-147.

Р

ЕЦЕНЗИЯ

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Пономаренко Б.Т.

*Доктор исторических наук,
заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Социокультурные аспекты политического развития: история и современность

Острые противоречия и политические кризисы современности, как и состояние неопределенности настоящего и будущего, сохраняют свою актуальность с начала нынешнего тысячелетия. Проблема раскрытия социокультурных особенностей политического развития российского общества и государства весьма важна и востребована в теоретическом и практическом отношениях. Тем более, что влияние социальных факторов на масштабные политические и социально-экономические изменения проступает зримо и явственно. В этих условиях культура рассматривается учеными не просто как нормативное и регулирующее начало, но и как механизм реагирования общества на актуальные вызовы современной эпохи. Исходя из отмеченного, результаты монографического исследования Бирюкова С.В. и Омеличкина О.В., включенные в издание «Социокультурные аспекты политического развития: история и современность», интересны, содержательны и полезны широкому кругу исследователей.

Авторами определено, что культурные противоречия и политические кризисы современности проанализированы авторами с учетом раскрытия особенностей постмодернистской революции, как глобального вызова нынешней исторической эпохе, а столкновение ряда современных государств с множественными вызовами требует от них комплексной реакции на последние. Это, конечно же, невозможно без глубокой рефлексии, которая выходит за рамки политического анализа, и дополнить его рассмотрением роли социокультурных факторов в современной политике.

Базовые идеи и методологические подходы постмодернистского дискурса развиваются и уточняются авторами рецензируемого издания в рамках анализа теоретических концепций, раскрывающих в историче-

ском контексте содержательную суть постмодернистской революции, которая по большому счету представляет глобальный вызов новой эпохи. Главную задачу «постмодернистской революции» авторы представляют в достижении «точки невозврата», когда восстановление традиционной модели национального государства, возвращение на доминирующие позиции национально ориентированной элиты и восстановление в обществе прежнего «ценностного ядра» становится невозможным. Поэтому, «постмодернистская революция», как обоснованно отмечено авторами монографии, должна развиваться «вглубь», до разрушения инерционных механизмов, способных воспроизвести разрушенное статус-кво. И следует согласиться с исследователями, что «в итоге государственность и нация послереволюционных государств представляют собой фантом, образующийся вследствие разрушения традиционных структур и механизмов управления». Ведь именно это приводит их к экономической и военно-политической поддержке извне, открывая путь к всевозможным манипуляциям.

Представляется, что раздел монографии, посвященный раскрытию сущности «цветных революций», как продолжения постмодернистских, в определенной мере открывает главную сторону постсоветских «цветных революций» – стремление к социальному реваншу всех тех, кто был депривирован в результате постсоциалистических трансформаций («кто был ничем, тот станет всем»). При этом авторы считают, не обоснованно, что социальный реванш дополняется национальным самоутверждением в результате «цветной революции». В монографии приведены и охарактеризованы социальные факторы, определяющие неспособность цветных революций добиться качественных системных трансформаций в интересах общества, граждан страны.

Вполне обоснованы суждения авторов издания об одном из аспектов «цветных революций» - борьбе с коррупцией, как ключевым «социальным злом». Действительно, постсоветским революционерам присуще рассмотрение проблемы коррупции без проникновения в ее социальные и культурные истоки. Проступает непонимание источников коррупции, как явления, детерминированного самой природой постсоветских государств и сообществ, которые отказались от модернизации и сохранения (развития) институтов и механизмов социального государства. Этим порожден социальный инфантилизм и радикализм, которые служат предпосылками «цветных революций» и приводят к масштабным издержкам для общества. Коррупцию порождает, к тому

же, политика форсированного формирования слоя крупных собственников, когда собственность раздается чиновниками-реформаторами «близким» к ним предпринимателям, питающим чиновничью среду. Аргументирован и логичен резюмирующий вывод о том, что деиндустриализация, утрата основ академической науки и промышленности, демонтаж остатков социального государства – тяжелая судьба постсоветских послереволюционных государств.

Во второй части издания авторами раскрыто содержание социокультурной динамики и практической политики. Здесь, обращаясь к созидательному опыту Германии, внимание читателей привлечено к сути причин проявления жизненной силы немецкого народа, который уже не раз в своей истории, пережив войны, модернизационные катастрофы и тяжелейшие военно-политические и моральные поражения, неизменно восстанавливал заново общество, экономику и государство. В этом плане авторами обоснованно выделены три аспекта: культурная матрица, основой которой является немецкий язык, выполняющий роль стержня культуры и самосознания; механизм корпоративной солидарности и самоорганизации снизу, начиная с низовых ячеек общества; специфичный механизм сотрудничества государства и общества, формирующий особую немецкую модель гражданского общества, тесно взаимодействующего с государством, но не поглощаемого им. Сравнивая концептуальные подходы немецкого и российского общества к укреплению и развитию своей государственности, авторы делают вывод, что укрепление государственности в России не подкрепляется подлинным национальным подъемом, а модернизационные импульсы гаснут в тенетах государственно-административной бюрократии.

Следует заметить, что авторы, не приводя сколько нибудь значимых эмпирических данных и социологических наблюдений, приводят радикальные суждения «об аморфности» российского общества, эгоизме отдельных социальных «акторов» и непреодолимой стене «бюрократического отчуждения» в российском государстве, а также о том, что «для России вряд ли возможно копировать немецкий опыт, но учесть его – необходимо». При этом, по мнению авторов, «современная ситуация, связанная с внутренней поляризацией в Европе и в Германии (и не только по отношению к России), снова может поставить вопрос о новом политическом самопозиционировании восточно-немецких земель, не только в рамках электорального процесса».

Историко-сравнительный анализ культурно-идеологических детер-

минант французской политики, выполненный авторами, показал, что также как для Франции так и для России, где «наднациональное» государство и «вненациональная» элита в течение многих веков столь безжалостно использовали для реализации своих масштабных проектов ресурсы общества, принципиально не существует дилеммы «возвращение к национальным истокам – модернизация». Ибо любая модернизация в России, не будучи национальной по характеру и сути и игнорирующая тем самым интересы российского народа, как культурного и политического целого, неизбежно станет имитацией и будет обречена на провал. По мере прочтения этой части монографии складывается убеждение об излишней детализации преступных деяний исламского экстремиста и убийцы Мохаммеда Мера в ущерб раскрытию особенностей социокультурной динамики и реальной политики французских властей в период президентских выборов, тупиковых ситуаций во французском республиканизме; защиты республиканских ценностей.

В третьей, заключительной части монографии, авторы обращаются к извечному вопросу о «смысле России». Содержательная страница этого аналитического повествования начинается с обобщенной характеристики Исторической России, как «страны парадоксов», в течение многих веков озабоченной проблемой обретения адекватной ее глубинному «внутреннему содержанию» политической формы, и не особенно преуспевшей, по мнению многочисленных критиков, в этих поисках». Рассуждая о проблеме развития государственных институтов и стабилизации общественно-политической ситуации, авторы на основе историко-политологического анализа, дают обобщенную характеристику Исторической России как страны парадоксов, не завершившей до конца процесс адекватной ее глубинному «внутреннему содержанию» социальной и политической формы. Принципиальная нелинейность российской истории, трагический «разрыв» между отдельными ее эпохами, дефицит опыта «эволюционного развития», по утверждению авторов, обусловили появление разных толкований о характере и смысле российского исторического процесса, который высветил реальный характер русской жизни в ситуации современного углубляющегося кризиса и неопределенности.

Наиболее перспективным для современной России авторы монографии считают «сбережение народа» как долгосрочный проект – с последовательным восстановлением социального, культурного, кадрового, экономического и иных видов капитала, без чего какое-либо «национальное

возрождение» является невозможным. Этот тезис можно считать вполне логичным, тем более, что он подкреплён результатами политологического анализа социокультурной динамики. Призвание России – взяв на себя бремя по реализации утопического и радикального проекта, исчерпать его содержание, и постепенно трансформировать в нечто сугубо самобытное и совместимое (несмотря на все сохраняющиеся внутренние напряжения и противоречия), в определённую устойчивую и эффективную форму социальной жизни.

В монографии сформулированы ключевые предпосылки «постреформаторского развития» российского государства и общества. Конкретизированы стратегические задачи, которые необходимо безотлагательно решить. Интересный и аргументированный ответ в заключительной части дан авторами монографии на распространяемые на Западе мифы о современной России, которые базируются на поверхностных исторических и культурных взглядах на политическое прошлое нашей страны и тенденциозных идеологических оценках современных политических процессов, отказе нашей стране в праве на историческую самобытность и поиски альтернативных путей развития. Действительно, в большинстве западных мифов проявляется неприятие России как самостоятельной державы и её независимого политического курса, содержатся попытки навязать российскому обществу чуждые представления и интересы.

Представляется, что имело бы смысл посоветовать авторам при раскрытии социокультурной динамики проанализировать «Основы российской государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Обращение к раскрытию традиционных ценностей нового времени: культуре, семье, здоровью и воспитанию, как основе устойчивого будущего российского общества, также может стать достойным ответом западным мифотворцам. Решить задачу по консолидации национальной, общегражданской и политической культуры на основе переосмысления конструктивного исторического опыта и цивилизационной идентичности – необходимое условие для самосохранения и укрепления позиций нашей страны в современном кризисном мире.

Раскрывая методами научного анализа культурные противоречия и политические кризисы современности, процессы развития социокультурной динамики и реальной политики России, Германии и Франции авторы рецензируемого издания научно обозначили новые контуры и раскрыли смыслы «Русского проекта» в условиях постсовременного об-

щества, повышенной социо-культурной динамики, сложного взаимодействия культуры и политики. Резюмируя изложенное, вполне уместно позитивно отнестись к утверждению авторов монографии, что «восстановление национальной, общегражданской и гражданской идентичностей, за счет апелляции к исторически сложившемуся «ядру» традиционной культуры, представляется наиболее важным условием стабилизации современных политических систем разных уровней».

Издание монографии Бiryukova С.В. и Omelichenko O.V. представляет несомненный интерес для ученых, политических и общественных деятелей, озабоченных изучением социокультурных проблем политического развития российского общества и государства, вопросов влияния культурных факторов на масштабные политические и социально-экономические изменения в нашей стране и за рубежом.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – М.: 2022.
2. Бiryukov С.В., Omelichkin O.V. Социокультурные аспекты политического развития: история и современность: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2022. 114 с.
3. Кобзон И.Д. Исцеление культурой. Монография. – М.: ОАО ИД «Литературная газета», 2007. 416 с.
4. Материалы Форума Общественной палаты РФ «Сообщество» о панельной дискуссии «Традиционные ценности нового времени: культура, здоровье, воспитание в основе устойчивого будущего». – М.: ноябрь 2022.
5. Теория и практика культуры. Альманах. Вып.4. Под общ. ред. В.К. Егорова. -М.: Изд-во РАГС, 2006. 202 с.

Bibliography

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". – M.: 2022.
2. Biryukov S.V., Omelichkin O.V. Sociocultural Aspects of Political Development: History and Modernity: Monograph. - M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2022. 11 p.
3. Kobzon I.D. Healing by culture. Monograph. - M.: OAO Publishing House "Literaturnaya Gazeta", 2007. 416 p.
4. Materials of the Forum of the Civic Chamber of the Russian Federation "Community" on the panel discussion "Traditional values of the new time: culture, health, education at the heart of a sustainable future". – M.: November 2022.
5. Theory and practice of culture. Almanac. Issue 4. Under total ed. VC. Egorova. -M.: Publishing House of the RAGS, 2006. 202 p.

Писманик М.Г.

*Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии
и философии, Пермский государственный институт культуры.*

О сотрудничестве религиоведов и теологов

Налаживание научного сотрудничества между религиоведами и теологами позволит более углубленно исследовать динамику отечественной религиозности и более успешно содействовать социальному единению верующих и неверующих россиян. Этой тезе посвящена статья К.М. Антонова. Из-за множества охваченных вопросов она напоминает сжатую монографию. В ней глубоко осмыслена сложившаяся обстановка в сфере дисциплин, исследующих религию, в том числе, обострения между теологией и религиоведением. Затронуты и некоторые «болевые точки» глобальной ситуации в современной духовной культуре. Три раздела статьи заполнены «вопрошаниями», возникающими в парных соотношениях теологии и религиоведения. Ответные суждения тщательно аргументированы, тактичны, свободны от многословия и категоричности. Но отчасти спорны.

1. Теология и религиоведение. Идея диалога и сотрудничества с теологами назревала у светских религиоведов ещё с постсоветских начал. К практическому осуществлению этой идеи приступило основанное в 2002 г. профессором М.И. Одинцовым «Российское объединение исследователей религии» (РОИР). За десятилетие своей деятельности оно основало свои филиалы более, чем в полусотне отечественных регионов. К периодически проводимым научным конференциям и публикуемым изданиям РОИР активно привлекало толерантных теологов. Но, не имея необходимой поддержки со стороны органов власти, религиозных и светских спонсоров, в 2013 г. РОИР было вынуждено прекратить свою деятельность. Сегодня призыв к сотрудничеству и диалогу между богословами и религиоведами особенно актуализирован (в чёмто даже осложнен) официальным признанием теологии направлением научного исследования и преподавания религии.

Данная рецензия затрагивает лишь отдельные аспекты монографической статьи К.М. Антонова. Адресованная теологам и религиоведам, статья полезна и тем, кто выбирает себе дисциплину к более глубокому познанию религии. В их адрес автор в одном из интервью высказался:

«считаю, что богословие занимается религией, какой она должна быть, религиоведение занимается религией, как она есть. В этом смысле они являются необходимо дополняющими друг друга дисциплинами». Себя К.М. Антонов не относит к числу религиоведов и в том же интервью замечает: «считать меня экспертом в области религиоведения – некоторое преувеличение, потому что я не имею религиоведческого образования, сам себя я понимаю как историка философии ... Занятия религиоведением для меня экстраординарное послушание».

Но ведущие светские религиоведы правомерно зачисляют этого известного теолога в число особенно компетентных коллег. Органичное сочетание в богослове качеств особо компетентного религиоведа явление не частое. Вдумчивый анализ его статьи демонстрирует гармоничную согласованность ряда религиозных и светских начал миропонимания, которых часто считают антагонистически противостоящими. Автор доказывает, что хотя эти начала – весьма разные, но они всё же не антагонистичны и дополняют друг друга. Потому он и призывает церковных коллег к сотрудничеству со светскими религиоведами. Призыв, на мой взгляд, особенно важен не столько в академическом, сколько в социокультурном и даже в гражданственном отношении. Это воззвание к преодолению тех мировоззренческих, психологических и иных препятствий, которые накопились за столетие напряжённых, негативных взаимоотношений между богословами и светскими религиоведами. В какойто мере инерция этих негативов и сегодня осложняет взаимопонимание между религиозными и нерелигиозными россиянами. К.М. Антонов отнюдь не игнорирует эти негативы. Он оптимистично полагает, что инерцию этих вековых напряжений удастся преодолеть.

Оптимистичность отчасти подкрепляет тот факт, что в постсоветское время к деятельности светских религиоведов стали приобщаться толерантные верующие коллеги, способные исследовать религию не только «какой она должна быть, но какова она есть». То есть не «попутно», «около», «снизу или сверху», но научно и «изнутри». К приобщению верующих коллег призывали светские религиоведы. Но более всего мудро понятьпостигнуть свою веру побуждает личное желание значительно глубже, то есть с позиции критичных научных методов и концепций. Позитивные контакты с толерантными коллегами понуждают светских религиоведов примириться с парадоксом в том, что объект изучения верующим коллегам более доступен. Что до критичности религиоведения, то у верующих исследователей её эффективно купирует религиозный опыт.

Он усиливает вероисповедное восприятие и позволяет чаще улавливать дополнительные (преимущественно, психологические) грани и детали, ускользающие от светских исследователей.

По мнению К.М. Антонова, религиоведение «становится для исследователя и его читателя (выделено нами. М.П) способом как бы снизу, со стороны психологии и социологии, приблизиться к самым глубоким и таинственным сторонам человеческой жизни, пониманию того, что есть христианская жизнь в ее высших реализациях, открыть возможность сопоставления этих реализаций в разных конфессиях и культурных регионах христианского мира» (с. 580). Многие компетентные богословы поддержат эти доводы. Но не каждый верующий читатель. Вероятно, доводы примут лишь те толерантные, действительно «продвинутые» читатели, которые осознают научную объективность и культурную ценность религиоведения, а потому не опасаются пошатнуть в себе сакральную веру. Критичность религиоведения серьёзное испытание для «непродвинутых» верующих читателей. И для многих церковных служителей.

Так называемый «научный атеизм» советских времён, соучаствовал в гонениях против богословия, духовенства и приверженцев религии. Он препятствовал её объективному познанию. К.М. Антонов справедливо констатирует: «говорить о богословской деятельности в советское время и о религиоведческой реакции на неё нелепо». Очень немногие проживавшие в СССР действительно объективные исследователи духовности решительно отгораживались от «научного атеизма». Наследуя этим объективным исследователям, со стыдом и болью поминая минувшие гонения религии, сформировавшееся в постсоветском обществе светское религиоведение руководствуется действительно научным подходом к познанию религии. Оно продуктивно содействует поддержанию в общественном сознании реального уважения к религии и верующим. К настоящему времени оно преодолело имевшееся отставание от западных коллег. Критичность религиоведения – исследовательский инструмент, совершенно необходимый для объективного анализа сложнейшего феномена культуры. Как таковой, этот инструмент свободен от антирелигиозной агрессии и отнюдь не направлен против верующих читателей. Проявления критицизма стали весьма редким исключением в светском религиоведении.

Призывая смежные религиоведческие дисциплины к сотрудничеству, К.М. Антонов указывает на их институциональнокатегориальное деление и на наличие у церковных институций своего «центра». Сообщество светских религиоведов сегодня, к сожалению, не имеет своего «центра»,

способного в какойто мере координировать их деятельность. Сообщество разобщено по нескольким исследовательским школам, нередко конкурирующим между собой. Теологи же в 2016 г. организовали своё объединение, назвали его «Русское религиозоведческое общество», избрали К.М. Антонова своим президентом и действуют вполне креативно. В 2021 г. объединение провело свой четвёртый конгресс. В мероприятии участвовало 92 докладчика из разных городов, в том числе, из-за рубежа.

Реализация замысла о сотрудничестве богословов со светскими коллегами, несомненно, усилит совместный исследовательский потенциал и умножит творческий вклад в духовную культуру. Опосредовано это сотрудничество улучшит также взаимопонимание и укрепит гражданственное единение верующих и неверующих россиян. К.М. Антонов обстоятельно обосновал пользу и привлекательность этого сотрудничества для церкви, богословия и клира.

Со своей стороны, коснусь мотивации сотрудничества светских религиоведов. Её, думается, отнюдь не тонизирует признание теологии наукой. У начал постсоветского общества к идее о диалоге и сотрудничестве с теологами религиоведов побуждала забота о взаимопонимании и сотрудничестве религиозных и нерелигиозных россиян, а также профессиональная заинтересованность в глубоком познании религии. Сегодня же к более интенсивному и содержательному сотрудничеству с теологами светских религиоведов дополнительно мотивирует реально нарастающий предметноисследовательский потенциал постсоветского богословия. Выйдя из комы и келейной замкнутости, оно обрело реальные возможности для дальнейшего развития церковной науки и образования. Богословие, в частности, обратилось к более углублённому теологическому осмыслению ряда насущных проблем духовной культуры и науки. Это обстоятельство, опосредовано и напрямую, дополнительно тонизирует научную креативность религиоведов, оптимизируя диалоги и сотрудничество между смежными дисциплинами – теологией и религиоведением.

2. Церковная жизнь и религиозоведческое знание. Обратимся к высказанным К.М. Антоновым соображениям о предметности названного сотрудничества. Полагаю, что предмет исследования, как и используемые аргументы, у теологов и религиоведов всё же не симметричны. Соответственно, мотивация по исследованиям у тех и других не идентична. Серьёзные различия в мировоззренческой картине мира порождают контрарность смыслов при использовании одних и тех же категорий и понятий. Тем не менее, для многих верующих исследователей занятия

религиоведением, помимо теологии, всё же не становятся «экстраординарным послушанием». Стремление к более верному и точному постижению религии одинаково вдохновляют богословов и религиоведов. Это двустороннее освещение детализирует картину религии, наделяет некоторыми панорамными измерениями и тем оживляет её.

Оптимист К.М. Антонов корректен и полагает, что «вполне возможно такое соединение осторожно-благоговейного, уважительного и научно-критического подходов, которое будет сочетать научную точность, систематичность и полноту описания, адекватность объяснительных схем с выявлением духовной уникальности и позитивной значимости своего «предмета в структуре жизненного мира верующего человека» (С.583). С позиции рациональности и толерантности, это очень сильный довод. Уважительное отношение к религии сегодня широко распространено у россиян. Но для научного приближения к не поддающейся вербализации и познанию сакральной сущности, а так же для действенного постижения религиозных таинств, совершенно необходимо, по моему убеждению, этот неподдельный и искренний осторожно-благоговейный подход. В какойто мере он позволяет не только богословам, но и особо маститым верующим гуманитариям приближаться и высказывать разумные суждения относительно сути неприкасаемого, невербализуемого и непознаваемого объекта. Но истинное благоговение свойственно лишь глубоко религиозным людям. Это ощущение В.С. Соловьёв считал основным проявлением религиозности. В полноте своей чувственно и разумно благоговение особенно доступно богословам, чьи глубокие знания религии органично связаны с истинной и глубокой верой. Светским религиоведам, как и иным неверующим, знакомо лишь ограниченное светское же почтение к авторитетам.

Выявляя локусы церковной жизни, « в осмыслении которых религиоведческое знание могло бы сыграть позитивную роль», К.М. Антонов выделяет 7 кругов. Каждый из них обретает компетентную характеристику по теологическим, церковным и религиоведческим показателям. Определения этих кругов составляют его основной тезаурус и своеобразную программу реализации сотрудничества теологии и религиоведения. Обратимся к этим кругам.

Первый круг, «самый внутренний, святость, данная в людях и артефактах». На мой взгляд, относительно именно этого круга позитивная роль религиоведения вне церковных институтов крайне сомнительна. Святость вне истинного благоговения нечто иное, ущербное. Немногие

бестактные светские религиоведы стартуют у этого пункта, бесплодно мечутся и, как правило, меняют дистанцию. Или же уходят в феноменологию. В определённой мере к окрестностям святости приближены обладающие благоговением верующие религиоведы. В меньшем пределе какая-то часть «продвинутых» воцерковлённых мирян. Оглашенные, только устремлены к воцерковлению и лишь мечтают о благоговении. Органично сплетённое с сакральной верой, это сокровенное чувство, конечно же, недоступно и неведомо неверующим. В том числе, светским религиоведам. Истинное благоговение к первому кругу мировоззренчески и психологически противоестественно их логистике, критичности и экспериментам. Мудрое самопонимание, интеллигентность и искреннее уважение к религии должны упредить их от вторжения в интимные пространства сакрального, во избежание произвольного кощунства.

Второй круг, по К.М. Антонову, это наиболее внутренние регионы церковной жизни, прежде всего священноначалие, священство, монашество. В некоторой мере, с разрешения (или просьбы) церкви, эти регионы доступны наблюдению светских религиоведов. Но только тем, наиболее тактичным исследователям, которые способны корректно анализировать отдельные фрагменты этих регионов и получать интересующие церковью объективные данные. Но при этом даже произвольно они обязаны не допускать какого-либо вмешательства в её сакральную деятельность. Выделю один из этих фрагментов. На мой взгляд, светскому религиоведу наиболее интересен топос пастырской деятельности. А так же его теоретическая самоидентификация пастырское и нравственное богословие. Вместе с тем, это особо важные источники информации относительно внутренних регионов церковной жизни. Они в максимальной мере характеризуют православие в его социокультурном бытии, а также, по К.М. Антонову, «из церковной перспективы». Действительно, от преданного сакрального служения и личности пастыря, его любви к пастве и его проповедей чрезвычайно зависит будущее нашей основной религии. И православного богословия. Полагаю, что светскому религиоведению сегодня следует сосредоточить повышенное исследовательское внимание именно этим топосам и в рамках этой темы приступить к тесному сотрудничеству с деятелями пастырского и нравственного богословия.

Третий круг образуют воцерковленные и воцерковляющиеся миряне. Эта когорта особенно важный показатель динамики религиозности и в то же время, ценнейший объект социологических и психологических исследований как для церкви, так и для светского религиоведения. Анализ

этого круга требует особенно глубокого проникновения в типологию, психологию и мировоззрение представителей круга. Уже у начал девяностых годов патриархия занялась энергичным возрождением приходского служения, вовлечением молодёжи в православие и воцерковлением разрозненной паствы. В ноябре 1999 г., выступая на II Всецерковном съезде миссионеров, патриарх Алексей II потребовал воссоздать их деятельность в каждой епархии. Его приемник, патриарх Кирилл, приобщая молодёжь к православию, тесно увязывает эту задачу с формированием патриотизма. В последние годы процесс православного воцерковления заметно активизируется и оснащается психологически и педагогически. Чрезвычайно важно, что бы в этот процесс не вторгались анархичные личности, склоняя фанатиков к расшатыванию светского статуса нашего государства. Круг реально воцерковленных верующих противостоит фанатикам. Согласимся с К.М. Антоновым: когорта «глубоко погруженных в церковную жизнь, существенно выделяется на общем фоне своими базовыми жизненными установками» (С. 586). Главное же, на мой взгляд, состоит в том, что эта когорта мировоззренческой и практической поддержкой наших традиционных ценностей позитивно влияет на своё многочисленное окружение.

«Четвертый круг, определяет К.М. Антонов, люди, которых социологи называют православными по самоопределению. Эти люди составляют большинство населения России, они называют себя православными при опросах, но никак не участвуют или очень мало участвуют в реальной церковной жизни жизни храма, прихода, таинствах, молитве, постах, не знают или очень смутно представляют себе основы вероучения» (С. 588). К.М. Антонов считает этот круг «основным объектом церковной миссии и катехизации». Эти люди не самозванцы, именуя себя православными. Они отчётливо осознают свою естественную, как правило, этническую, приверженность к православной культуре. Но ощущают не полную погруженность в религию и не обладают верой в её каноны. Таково смешение веры с неуверенностью. «В какомто смысле, замечает К.М. Антонов, можно сказать, что здесь проходит граница религиоведческого самоисследования церкви. В сознании людей этого круга православие как бы граничит с «народной религиозностью», а порой и с весьма экзотическими верованиями, инорелигиозными или даже вполне светскими ценностями и идеями». Но правомерно К.М. Антонова озадачивает количественный разрыв между воцерковленными и только идентифицирующими себя как православные. Для изучения этой среды необхо-

димы социологические, психологические и исторические исследования, сопоставление отечественной ситуации с процессами, происходящими в других странах (С. 558559). На мой взгляд, разрыв между убежденными верующими и лишь идентифицирующими себя православными – особенно негативный показатель в динамике отечественного православия. Что очень важное в этой динамике всё ещё неясно религиоведам. В то же время, полагаю: в какомто ракурсе таково региональное отражение одного из симптомов глобального кризиса христианства.

К пятому кругу, «уже совершенно определенно внешнему», К.М. Антонов относит «так называемые традиционные религии, а также весьма древние, но подвергшиеся в Новое время многообразным трансформациям (в том числе, в религиозном аспекте – христианизация, советская секуляризация, возрождение старых традиций и т. д.) культуры народов России». Сюда он зачисляет католицизм, протестантизм, а также возрождённые трансформации старых исповеданий наших этносов. «Знание о них важно, в частности для развития сравнительного религиоведения, миссионерства, поддержания религиозного мира и спокойного, адекватного, основанного на знании друг о друге межрелигиозного диалога» (с. 589).

Шестой круг – это нетрадиционная религиозность. В значительной своей части, инородного происхождения, она составляет предмет особенно настороженного внимания светского религиоведения. По К.М. Антонову, сюда «падают»: 1) очевидные религиозные новообразования; 2) религиозные движения и явления, которые плохо вписываются в стандартные классификации; 3) идеи и формы религиозной или околорелигиозной жизни, претендующие на глубокую древность, но занимающие маргинальное положение в истории религии и культуры, особенно в Новое время» (с. 591). Быть может, в этот круг следует также ввести когорту считающих себя верующими, но так и не определившихся в собственной конфессии или же в своей «сакральной особости». А также некоторые группы из числа т.н. «верующих никаких».

Характеризуя этот круг, К.М. Антонов правомерно отграничивает объективный религиоведческий подход от антикультурного «сектоведения», насыщенного негативными коннотациями. Указывая на неконвенциональный характер явлений данного круга, он выступает одним из первых исследователей, кто указывает на ценность относящегося сюда религиоведческого знания. В том числе, феномена религиозного творчества, образования новых религиозных смыслов и их фиксации в культурных и организационных формах. Он при этом замечает: «изучение

динамики нетрадиционной религиозности отчасти является и самоисследованием церкви: распространение первой свидетельствует о проблемах второй, и, наоборот, позитивное развитие церковной жизни ведет к сокращению влияния первой» (С. 592).

Последний, седьмой круг, – «самый широкий, охватывающий предмет религиоведения, практически совпадающим с ним» история и современное состояние религии в целом. К.М. Антонов перечисляет ряд топов, имеющих первостепенное значение «из церковной перспективы» (контекст Ветхого и Нового Заветов, религий Ближнего Востока и Средиземноморья, феномены духовной жизни этих регионов, «ставших основой восприятия христианской проповеди и религиозных движений «соперников христианства». Отмечено, что анализ истории христианства «в перспективе истории религий может дать ценные контекстуальные и компаративные дополнения по отношению к традиционной истории церкви». Показано, что мотивация мировоззренческого соперничества в современном глобализированном мире делает актуальным изучение практически всех религий и мировоззренческих традиций, с которыми христианство вступает в соприкосновение, включая так называемый светский гуманизм, агностицизм и атеизм». (с. 592). Высказаны и иные важные соображения относительно изучения современных трендов в религиозной сфере. Отмечено «общегуманитарное значение этих религиоведческих штудий: религиоведческое знание обращается здесь ко всем членам церкви как к членам *societas humana* человечества, которых оно вводит в один из наиболее значимых аспектов истории мировой культуры как их собственной истории» (С. 593).

3. Какое религиоведение нужно церкви? К.М. Антонов считает, что описанные религиоведческие локусы церковной деятельности содействуют осуществлению исследовательской, образовательной, экспертно-консультационной и миссионерскоапологетической функции церкви и её сотрудничеству с религиоведением. На мой взгляд, в выделенных локусах церковной деятельности и затронутых направлениях сотрудничества с религиоведением следует дополнительно выделить: задачи поддержания социальной стабильности, свободы совести, светского статуса государства, а также содействия взаимопониманию и тесному сотрудничеству религиозных и нерелигиозных сограждан; проблемы культурного, нравственного, гражданственного и патриотического воспитания россиян; ведение совместного мониторинга по динамике отношения общества к религии; взаимную поддержку и защиту наших традиционных

нравственных и семейных ценностей; содействие милосердной и благотворительной деятельности.

В заключительном разделе статьи забота о церкви и её функциях наиболее очевидно выходит у автора на первый план. Богослов в нём, концептуально, искренне и гармонично всё же доминирует над религиоведом, несмотря на его искреннее же стремление к некоему «равновесию» между смежными дисциплинами. Тождественное, то есть институциональное и мировоззренческое «равновесие» между теологией и религиоведением, на мой взгляд, не достижимо даже в отдалённом времени. Но достижимо купирование напряжений между ними. К.М. Антонов считает, что исследования содействуют самоосознанию церкви как сообществу верующих и религиозной организации. Они способствуют также решению возникающих у церкви проблем, в соответствии с основными принципам и ценностям академической науки и в сложной их как предметов рефлексии в богословии (как экклезиология), философии религии, философской теологии. Результаты этих исследований должны вводиться в систему церковного образования в качестве тематических курсов. Эти данные, отмечает К. М. Антонов, являются важным подспорьем церкви для подготовки учителей циклов ОРКСЭ и ОДНКР.

Вслед за ним, считаю, что учащиеся должны знать и понимать религиозную ситуацию в России и в мире, а также «разрушать сложившиеся у них стереотипы, в том числе наиболее распространенные и общепринятые в церковной среде, если речь идет о церковных учебных заведениях, а также антирелигиозные и специально антицерковные стереотипы, поскольку речь идет о преподавании в светских школах и вузах». На мой взгляд, эксперимент с циклами ОРКСЭ и ОДНКР не разрушает эти стереотипы. Но весьма поддерживаю призыв К.М. Антонова не избегать дискуссий по проблемам «религиозной жизни и в церкви, и вне ее... Если такие дискуссии будут вестись академически корректно, без переходов на личности, попыток дискредитации оппонента с точки зрения его церковности и/или правоты, то они будут способствовать взаимному уточнению позиций, постановке новых исследовательских задач и в конечном счете развитию как теологического, так и религиоведческого знания» (С. 595-596).

Подытоживая свой отзыв на статью К.М. Антонова, считаю её ценным вкладом в развитие отечественной науки о религии и весьма солидным обоснованием продуктивного сотрудничества между теологами и светскими религиоведами.

Аннотации

Бахарев В.В.

Игнатов М.А.

Демененко И.А.

Коммуникативные практики студенческой молодежи в интернет пространстве: проблемы и перспективы

В условиях глобализации и активной цифровизации общественных систем, студенческая молодежь как наиболее активная категория, все чаще дополняет реальные коммуникативные практики виртуальными (онлайн), используя различные социальные сети, которые являются доминантой повседневной коммуникации молодых людей. В данной статье авторами представлены результаты социологической диагностики смысловых полей коммуникативных практик студенческой молодежи регионального вуза (БГТУ им. В.Г. Шухова) в сети Интернет, а также определения вектора наиболее актуального коммуникативного взаимодействия молодежи как наиболее прогрессивной категории населения.

Ключевые слова: студенческая молодежь, социальные сети, коммуникативные практики, высшее образование.

Бормотова Т.М.

Мазаев Ю.Н.

Юдина Т.Н.

Институциональные проблемы современного российского общества

В основе исследования лежит вторичный анализ результатов социологического мониторинга легитимации политической власти. Цель исследования – выявить основные институциональные проблемы, которые подрывают легитимность власти и политических институтов. Логика и стратегия исследования определяется поиском факторов, определяющих легитимность политических институтов. Основным результатом исследования явилось построение ключевых показателей, отображающих реакцию со стороны общества на институциональные изменения в современной России. Главным выводом исследования является положение о том, что основой преодоления институциональных проблем российского общества и повышения эффективности государственного управления является развитие институциональной среды по пути создания механизмов согласования интересов в рамках общественного диалога. Данный вектор развития позволит преодолеть институциональные

ловушки, скрывающиеся под симулякрами демократических институтов, возникающих на основе институциональной матрицы российской государственности.

Ключевые слова: институциональные проблемы, общественные институты, институциональные ловушки, институциональные драйверы, институциональная среда, легитимность власти, стереотипы массового сознания.

Сорочан В.В.
Гаврилюк Н.П.

Цифровая социология:

от цифровизации общества к цифровизации науки

Характеристики культуры и общества коренным образом изменялись по мере распространения новых форм коммуникации, зависящих от цифровых технологий, которые изменили способы поиска и производства информации. Однако социальные науки до сих пор робко анализируют это явление, пренебрегая влиянием цифровых технологий на общество и, прежде всего, на саму науку социологию. В статье внимание уделяется, как технологическим изменениям и распространению информационно-коммуникационных технологий, способствующих оперативному сбору и анализу информации, структурированию данных, так и тенденциям участия социологов в практике разработки средств, инструментов и технологий при проведении исследований в реалиях XXI века – века цифровизации, больших данных, виртуального пространства, влияющего на восприятие социальных явлений и политических процессов.

Ключевые слова: цифровая социология, информационно-коммуникационные технологии, большие данные, социальные сети, Интернет, социологические исследование, опрос, интервью, анкетирование.

Трухин А.С.
Данакин Н.С.
Лесовик Р.В.

О положении русского языка в Ираке

В статье раскрывается место и роль русского языка в политической, социокультурной жизни современного Ирака, описываются факторы и проблемы его развития в контексте экономических и культурных связей двух стран.

Ключевые слова: языковая ситуация, русский язык, социолингвисти-

ческий анализ, история преподавания русского языка, проблемы и перспективы русского языка в современном Ираке.

Бормотова Т.М.

Яковлев О.В.

Динамика информационного контента публикаций

Статья посвящена динамике некоторых ключевых количественных и качественных показателей информационного поля, информационных поводов, оценке и анализу информации электронных СМИ, социальных сетей и блогосферы.

Ключевые слова: интернет, мониторинг, социальные сети, блогосфера.

Трухин А.С.

Данакин Н.С.

О состоянии и перспективах развития российско-иракских торгово-экономических отношений

В данной статье рассматриваются состояние и перспективы развития российско-иракских торгово-экономических от ношений, возникающие при этом трудности и возможные пути их преодоления. Акцентировано участие в экономическом развитии Ирака таких российских промышленных компаний, как Лукойл, Газпромнефть, Башнефть, Роснефть и других. Определены также проблемы и перспективы дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: экономика, торговля, безопасность, освоение и эксплуатация нефтегазовых месторождений.

Бахарев В.В.

Демененко И.А.

Шавырина И.В.

Оценка вовлеченности молодежи в сферу социального предпринимательства

Решение различного рода социальных проблем государственного и частного сектора экономики все чаще сводится к реализации направлений социального предпринимательства как качественно нового способа социально-экономической деятельности. Молодежное социальное предпринимательство на сегодняшний день выступает вектором разработки новаций, стратегических перспектив разработки и реализации социально-направленных алгоритмов развития предпринимательской деятель-

ности. Авторами данной статьи представлены результаты социологической диагностики вовлеченности молодежи Белгородской области в сферу социального предпринимательства.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, молодежная политика, мотивы, самореализация, гражданская зрелость.

Давиденко Я.О.

Никонов С.Б.

Пую Ю.В.

Теоретическое обоснование феномена интермедиаальность в современной науке

Статья посвящена исследованию процесса эволюции феномена интермедиаальность в современной науке, а также определению спектра интерпретаций для данного понятия и выделению его концептуальных признаков, характерных для разных областей науки и искусства.

Ключевые слова: интермедиаальность, интермедиаальная система, ин-тертекст, трансмедийность, трансмедиа.

Махмутова Р.Г.

Шибанова Н.А.

Управление антитеррористической деятельностью: конфликтологический анализ на материалах Республики Татарстан

Актуальность проблемы конфликтологического анализа антитеррористической деятельности заключается в необходимости предупреждения и снижения радикализации в обществе, выработке альтернатив для лиц подверженных влиянию экстремисткой идеологии, определения стратегий эффективного раннего реагирования на потенциальные риски вовлечения в деструктивные сообщества.

Одной из наименее разработанных проблем на сегодняшний день является изучение экстремизма и терроризма как конфликта, имеющего свою динамику. Ценности и нормы участников деструктивных групп не совместимы с установками на стабильность. Распространяемая идеология экстремизма, и терроризм как крайняя его форма, отражают интересы отдельных лиц и сообществ и становятся способом выражения недовольства, средством разрешения противоречий.

Цель статьи - определить альтернативные способы разрешения конфликтов, деструктивным выходом из которых становится экстремист-

ская, террористическая деятельность. Для достижения данной цели была проанализирована антитеррористическая деятельность, проводимая в Республике Татарстан через призму управления социальным конфликтом. На материалах анализа документов, экспертного интервью, вторичном анализе данных удалось определить способы управления антитеррористической деятельностью.

В качестве методологии была выбрана теория конфликта Зиммеля Г., [4, с. 494-516], Козера Л. [7, с. 168], позиционирующая конфликт как функциональное явление в жизни общества, имеющее позитивные функции, а также «человеческое измерение» в теории разрешения конфликтов Бэртона Д. [2, с. 56]. Обобщив имеющиеся подходы указанных классиков конфликтологии к природе конфликта, укажем, что его понимание невозможно без учета таких факторов как интересы, эмоции, идентичность.

Результатами работы стало описание управленческих механизмов социального конфликта через призму экстремизма и терроризма. Предложены альтернативные способы разрешения конфликта среди молодых людей, основанные на формировании устойчивости к чужому мнению, управлению эмоциями, умении договариваться, предлагать решения, что является предпосылкой для создания доверительных отношений между субъектами профилактики (родители, учителя, правоохранительные органы, заинтересованные ведомства). Сделаны выводы о необходимости разработки альтернативы стратегии «выигрыша – проигрыша», которую можно предложить лицам, находящимся на разных стадиях динамики конфликта, решением которого становится экстремизм.

Ключевые слова: конфликт, экстремизм, группы риска, компетенции, управление, потребности, социальное окружение, идентичность.

Куначева Ф.Г.

Развитие религиозных верований абазин

Развитие религиозных верований абазин прошло через несколько этапов: домонотеистические верования, тесно переплетенные с мифологическими представлениями об устройстве мира, божествах, перво-человеке; христианство, сыгравшее определенную роль в консолидации абазинских племён; ислам, ставший одной из идентичностей абазинской народности.

Ключевые слова: домонотеистические верования, абазинцы, христианство, ислам, религия, Северный Кавказ.

Фадеева А.В.

Байчик А.В.

Шафир Т.В.

Никонов С.Б.

Национальная культура как инструмент формирования имиджа Республики Корея

С середины прошлого века Южная Корея стала привлекать внимание исследователей в области политических, экономических и социальных наук. Популярность корейского национального бренда стремительно растет с каждым годом. Хотя страны Европы и Америки долгое время занимали ключевую роль в транснациональных процессах в сферах экономики и политики, но именно Россия становится перспективной целевой аудиторией для экспорта продуктов культурного производства Южной Кореи. Сейчас корейская культура очень популярна среди россиян. Корейская Волна стала широко распространенным явлением, и аудитория продолжает увеличиваться. Ранее целевой аудиторией были только подростки. В то же время люди из разных возрастных групп проявляют большой интерес к К-рор и корейским товарам. Важно понять, как этот феномен отражается на политическом имидже страны.

Ключевые слова: мягкая сила, Korean Wave, культурная дипломатия, имидж.

Самади С.К.

Рационализм в схоластическом мышлении му'тазилитов

В статье анализируется вопрос рационализма и способы его использования в схоластической школе му'тазилитов. Му'тазилиты это первая в исламе схоластическая группа, которая стремилась к распространению рационального мышления во всех областях религиозного учения, используя подобный метод мышления для укрепления своего вероучения.

Нами по результатам данного исследования выяснено, что му'тазилитские знатоки калама (схоласты) в спорах при защите своих убеждений применяли два рациональных метода - философского и нефилософского.

При этом если результаты их рациональных умозаключений отличались от внешних сторон Корана и Сунны, то му'тазилиты прибегали к аллегорическим толкованиям (та'вил) этих результатов.

Ключевые слова: му'тазилиты, разум, рациональное мышление, ислам, философия, калам, схоластика му'тазилитов.

Асадулаев И.А.

Кахаев А.М.

Сиражудинова С.И.

Роль духовного наследия Сайфуллы-кади Башларова в продвижении суфизма в Дагестане

В статье авторами раскрывается роль одного из самых видных деятелей науки, культуры и религии Дагестана конца XIX-го начала XX века Сайфуллы-кади Башларова в продвижении суфизма в Дагестане. В статье делается попытка акцентировать внимание на значимости сохранившихся до наших дней его трудов, которые являются значимым, неотъемлемым пластом богатой духовной сокровищницы Дагестана, имеющим прямое отношение к суфизму и неразрывную связь с теорией и практикой суфизма.

Ключевые слова: суфизм, Сайфулла-кади Башларов, духовное наследие, тарикат, ислам.

Пономаренко Б.Т.

Социокультурные аспекты политического развития: история и современность

Обзорно-аналитическая статья о содержании рецензируемой монографии. Рассматриваются вопросы, составляющие основное содержание монографии С.В. Бирюкова и О.В. Омельченко, относящиеся к влиянию культурных факторов на масштабные политические и социально-экономические изменения, когда культура рассматривается авторами не просто как нормативное и регулирующее начало, а как механизм ответа российского общества на актуальные вызовы его исконным интересам и самому существованию государства.

Ключевые слова: государство, динамика, зарубежный опыт, мифы, общество, политика, политические кризисы, постмодернизм, революция, социо-культурная динамика, факторы.

Писманик М.Г.

О сотрудничестве религиоведов и теологов

Три раздела статьи заполнены «вопросаниями», возникающими в парных соотношениях теологии и религиоведения. Ответные суждения тщательно аргументированы, тактичны, свободны от многословия и категоричности.

Ключевые слова: теология, религиоведение, религия, сотрудничество.

Abstracts

Bakharev V.V.

Ignatov M.A.

Demenenko I.A.

Communication practices of students in the internet space: problems and prospects

In the context of globalization and active digitalization of public systems, student youth, as the most active category, increasingly supplements real communication practices with virtual ones (online), using various social networks that are the dominant feature of young people's daily communication. In this article, the authors present the results of a sociological diagnosis of the semantic fields of the communicative practices of student youth of a regional university (BSTU named after V.G. Shukhov) on the Internet, as well as determining the vector of the most relevant communicative interaction of young people as the most progressive category of the population.

Keywords: student youth, social networks, communication practices, higher education.

Bormotova T.M.

Mazaev Y.N.

Yudina T.N.

Institutional problems of modern Russian society

The research is based on a secondary analysis of the results of sociological monitoring of the legitimization of political power. The purpose of the study is to identify the main institutional problems that undermine the legitimacy of the government and political institutions. The logic and strategy of the research is determined by the search for factors that determine the legitimacy of political institutions. The main result of the study was the construction of key indicators reflecting the reaction of society to institutional changes in modern Russia. The main conclusion of the study is that the basis for overcoming the institutional problems of Russian society and improving the efficiency of public administration is the development of the institutional environment by creating mechanisms for coordinating interests within the framework of public dialogue. This vector of development will make it possible to overcome the institutional traps hiding under the simulacra of democratic institutions arising on the basis of the institutional matrix of Russian statehood.

Keywords: institutional problems, public institutions, institutional traps,

institutional drivers, institutional environment, legitimacy of power, stereotypes of mass consciousness.

Sorochan V.V.

Gavrilyuk N.P.

Digital sociology: from the digitalization of society to the digitalization of science

The characteristics of culture and society have changed dramatically as new forms of communication, dependent on digital technologies, have spread, which have changed the way information is searched for and produced. However, the social sciences are still timidly analyzing this phenomenon, neglecting the impact of digital technologies on society and, above all, on the science of sociology itself. The article focuses on both technological changes and the spread of information and communication technologies that contribute to the rapid collection and analysis of information, data structuring, and trends in the participation of sociologists in the practice of developing tools, tools and technologies when conducting research in the realities of the 21st century - the century of digitalization, big data, virtual space that affects the perception of social phenomena and political processes.

Keywords: digital sociology, information and communication technologies, big data, social networks, Internet, sociological research, survey, interview, questioning.

Trukhin A.S.

Danakin N.S.

Lesovik R.V.

On the state of the Russian language in Iraq

The article reveals the place and role of the Russian language in the political, socio-cultural life of modern Iraq, describes the factors and problems of its development in the context of economic and cultural ties between the two countries.

Keywords: language situation, Russian language, sociolinguistic analysis, history of teaching the Russian language, problems and prospects of the Russian language in modern Iraq.

Bormotova T.M.

Yakovlev O.V.

Dynamics of the information content of publications

The article is devoted to the dynamics of some quantitative indicators and the study of blogs of information fields, informational occasions, the evaluation and analysis of information from electronic media, social networks and spheres.

Keywords: Internet monitoring, social networks, blogosphere.

Trukhin A.S.

Danakin N.S.

**On the state
and prospects for the development
of Russian-Iraq trade and economic relations**

This article discusses the state and prospects for the development of Russian-Iraq trade and economic relations, the difficulties arising from this and possible ways of their overcoming. The participation in the economic development of Iraq of such Russian industrial companies such as Lukoil, Gazprom Neft, Bashneft, Rosneft and others was accentuated. Problems and prospects of further cooperation are also identified.

Keywords: economics, trade, safety, development and exploitation of oil and gas fields.

Bakharev V.V.

Demenenko I.A.

Shavyrina I.V.

**Assessment of youth engagement
in social entrepreneurship**

The solution of various kinds of social problems of the public and private sectors of the economy is increasingly reduced to the implementation of social entrepreneurship as a qualitatively new way of socio-economic activity. Youth social entrepreneurship today acts as a vector for the development of innovations, strategic prospects for the development and implementation of socially oriented algorithms for the development of entrepreneurial activity. The authors of this article present the results of a sociological diagnosis of the involvement of youth in the Belgorod region in the field of social entrepreneurship.

Keywords: social entrepreneurship, youth policy, motives, self-realization, civic maturity.

Davidenko Y.O.

Nikonov S.B.

Puiu Y.V.

**Theoretical substantiation of the phenomenon
of intermediality in modern science**

The work focuses on studying the process of the evolution of the intermediality phenomenon in modern science, as well as defining the spectrum of interpretations for this concept and the identification of its conceptual features related to different fields of science and art.

Keywords: intermediality, intermedial system, intertext, transmedia.

Makmutova R.G.

Shibanova N.A.

**Management of anti-terrorist activities:
conflictological analysis based on the materials
of the Republic of Tatarstan**

The relevance of the problem of conflictological analysis of anti-terrorist activities lies in the need to prevent and reduce radicalization in society, develop alternatives for people affected by extremist ideology, and determine strategies for effective early response to potential risks of involvement in destructive communities.

One of the least developed problems today is the study of extremism and terrorism as a conflict that has its own dynamics. The values and norms of members of destructive groups are not compatible with the attitudes towards stability. The spreading ideology of extremism, and terrorism as its extreme form, reflect the interests of individuals and communities and become a way of expressing dissatisfaction, a means of resolving contradictions.

The purpose of the article is to identify alternative ways of resolving conflicts, the destructive way out of which is extremist, terrorist activity. To achieve this goal, the anti-terrorist activities carried out in the Republic of Tatarstan were analyzed through the prism of social conflict management. Based on the analysis of documents, expert interviews, and secondary data analysis, it was possible to determine ways to manage anti-terrorist activities.

The conflict theory of G. Simmel [4, p. 494-516], L. Kozler [7, p. 168] conflict resolution Burton D. [2, p. 56]. Summarizing the approaches of these classics of conflictology to the nature of the conflict, we point out that its understanding is impossible without taking into account such factors as interests, emotions, identity.

The result of the work was a description of the management mechanisms of social conflict through the prism of extremism and terrorism. Alternative ways of conflict resolution among young people are proposed, based on the formation of resistance to other people's opinions, managing emotions, the ability to negotiate, propose solutions, which is a prerequisite for creating a trusting relationship between the subjects of prevention (parents, teachers, law enforcement agencies, interested departments). Conclusions are drawn about the need to develop an alternative to the "win-lose" strategy, which can be offered to persons at different stages of the dynamics of the conflict, the solution of which is extremism.

Keywords: conflict, extremism, risk groups, competencies, management, needs, social environment, identity.

Kunacheva F.G.

Development of religious beliefs Abaza

The development of Abaza religious beliefs went through several stages: pre-monotheistic beliefs, closely intertwined with mythological ideas about the structure of the world, deities, the first man; Christianity, which played a role in the consolidation of the Abaza tribes; Islam, which became one of the identities of the Abaza people.

Keywords: pre-monotheistic beliefs, Abaza, Christianity, Islam, religion, North Caucasus.

Fadeeva A.V.

Baichik A.V.

Shafir T.V.

Nikonov S.B.

National culture as a tool for image formation Republic of Korea

From the middle of the last century, South Korea began to attract the attention of researchers in the fields of political, economic and social sciences. Surge of Korean popularity in the world is growing every year. Although Europe and America are key markets in transnational economic processes, Russia is also a target consumer audience for South Korea. Now Korean culture is very popular among Russian people. It became widespread and the audience is increasing. Previously the target audience was only teenagers. At the same time, people from different age groups become very interested in k-pop and

korean goods. It is important to understand how this phenomenon affects the country's political image.

Keywords: soft-power, Korean Wave, cultural diplomacy, image.

Samadi S.K.

Rationalism in the scholastic thinking of the Mu'tazilites

The article analyzes the rationalism and its application in the Kalamite school of Mutazilism. The Mu'tazilites are the first scholastic group in Islam that sought to spread rational thinking in all areas of religious teaching, using a similar method of thinking to strengthen their dogma. Based on the results of this study, we found out that the Mu'tazilite experts of the kalam (scholastics) used two rational methods - philosophical and non-philosophical - to defend their beliefs indisputes.

Moreover, if the results of their rational conclusions differed from the external aspects of the Qur'an and the Sunnah, then the Mu'tazilites resorted to allegorical interpretations (ta'wil) of these results.

Keywords: Mu'tazilites, reason, rational thinking, Islam, philosophy, kalam, Scholasticism of the Mu'tazilites.

Asadulaev I.A.

Kakhaev A.M.

Sirazhudinova S.I.

The role of the spiritual heritage of Sayfullah-qadi Bashlarov in the promotion of Sufism in Dagestan

In the article, the authors reveal the role of one of the most prominent figures of science, culture and religion of Dagestan in the late XIX-early XX century, Sayfullah-qadi Bashlarov in the promotion of Sufism in Dagestan. The article attempts to focus attention on the significance of his works that have survived to this day, which are a significant, integral layer of the rich spiritual treasury of Dagestan, directly related to Sufism and inextricably linked with the theory and practice of Sufism.

Keywords: Sufism, Sayfullah-qadi Bashlarov, spiritual heritage, tariqa, Islam.

Ponomarenko B.T.

Sociocultural aspects of political development: history and modernity

Review and analytical article about the content of the monograph under review. The issues that make up the main content of the monograph by S.V. Biryukov and O.V. Omelchenko, related to the influence of cultural factors on large-scale political and socio-economic changes, when culture is considered by the authors not just as a normative and regulatory principle, but as a mechanism for the response of Russian society to actual challenges to its primordial interests and the very existence of the state.

Keywords: state, dynamics, foreign experience, myths, society, politics, political crises, postmodernism, revolution, socio-cultural dynamics, factors.

Pismanik M.G.

**On cooperation between
religious scholars and theologians**

Three sections of the article are filled with “questions” that arise in paired correlations between theology and religious studies. Response judgments are carefully reasoned, tactful, free from verbosity and categoricalness.

Keywords: theology, religious studies, religion, cooperation.

Авторы

Асадулаев И.А. - докторант Болгарской исламской академии.

Байчик А.В. - доктор политических наук, профессор Кафедры международной журналистики. Санкт-Петербургский государственный университет.

Бахарев В.В. - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Бормотова Т.М. - доктор социологических наук, доцент. Российский государственный социальный университет. Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории Института истории и права, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Давиденко Я.О. - аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

Данакин Н.С. - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Демененко И.А. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Игнатов М.А. - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Кахаев А.М. - аспирант Института государственной службы и управления, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Куначева Ф.Г. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России. Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Лесовик Р.В. - доктор технических наук, профессор, проректор по международной деятельности Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Мазаев Ю.Н. - кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Махмутова Р.Г. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения экстремизма и радикализма при Московском Экономическом Институте (ЦИЭР), доцент КФУ.

Никонов С.Б. - доктор политических наук, профессор Кафедры между-

народной журналистики СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет.

Писменик М.Г. - доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры.

Пономаренко Б.Т. - доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пую Ю.В. - доктор философских наук, профессор Кафедры философии Института философии человека РГПУ имени Герцена. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

Самади С.К. - соискатель Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной Академии наук Таджикистана. Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Сиражудинова С.И. - кандидат экономических наук. Доцент кафедры теологии и социально-гуманитарных дисциплин, Дагестанский гуманитарный институт.

Сорочан В.В. - кандидат физико-математических наук. Доцент кафедры информатики и информационных технологий Инженерно-технологического института, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Трухин А.С. - кандидат политических наук, советник Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Фадеева А.В. - аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

Шавырина И.В. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет.

Шафир Т.В. - соискатель ученой степени кандидата наук. Санкт-Петербургский государственный университет.

Шибанова Н.А. - кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Центр изучения экстремизма и радикализма при Московском Экономическом Институте (ЦИЭР), доцент КФУ.

Юдина Т.Н. - доктор социологических наук, профессор. Институт демографических исследований Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Яковлев О.В. - кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

Authors

Asadulaev I.A., Doctoral student of the Bulgarian Islamic Academy.

Baichik A.V., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Journalism. Saint Petersburg State University.

Bakharev V.V., Doctor of sociology, Professor of the Department of sociology and management of Belgorod state technological University.

Bormotova T.M., Doctor of Social Sciences, Associate Professor. Russian State Social University. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Davidenko Y.O., Postgraduate Student. St. Petersburg University.

Demenenko I.A., PhD in sociology, Associate Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

Fadeeva A.V., Graduate student, Saint Petersburg State University.

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of the Department of History of the Institute of History and Law, Kaluga State University.

Ignatov M.A., Doctor of philosophical science, professor, head of department the Department of sociology and management of Belgorod state technological University.

Kakhaev A.M., Postgraduate student of the Institute of Public Administration and Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kunacheva F.G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History. Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev.

Lesovik R.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Vice-Rector for International Affairs.

Makhmutova R.G., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Center for the Study of Extremism and Radicalism at the Moscow Economic Institute (CIER), Associate Professor.

Mazaev Y.N., Candidate of Philosophical Sciences.

Nikonov S.B., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Journalism, Saint Petersburg State University.

Pismanik M.G., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture.

Ponomarenko B.T., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Personnel Management, IGSU of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Puiu Y.V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of the Institute of Human Philosophy of the Russian State Pedagogical University. Herzen Russian State Pedagogical University.

Samadi S.K., Applicant of the Institute of Philosophy, Political Science and Legal Names A. Bahovaddin National Academy of Sciences of Tajikistan.

Shafir T.V., Applicant for the degree of Candidate of Sciences. Saint Petersburg State University.

Shavyrina I.V., PhD in sociology, associate Professor of the Department of sociology, ethnography and sociometry, Russian State Social University.

Shibanova N.A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Center for the Study of Extremism and Radicalism at the Moscow Economic Institute (CIER), Associate Professor.

Sirazhudinova S.I., Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Theology and Socio-Humanitarian Disciplines of the Dagestan Institute of Humanities.

Sorochan V.V., Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Associate Professor, Department of Informatics and Information Technology, Engineering and Technology Institute, Kaluga State University.

Trukhin A.S., PhD in Political Science, Advisor to the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Yakovlev O.V., Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yudina T.N., Doctor of Social Sciences, Professor, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:

etnosocium@mail.ru

Факс +7 (495) 772-19-99

Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.

3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 10,625